

уральский

следопыт

№5 **** 1982

*Дан приказ: ему —
на запад,
Ей — в другую
сторону...
Уходили комсомольцы
На гражданскую войну.*

Словно из песни вышли они — эти двое. И взошли на пьедестал. Но так было задумано, когда молодой уральский скульптор Анатолий Неверов приступил к работе над памятником первым комсомольцам Нижнего Тагила. Впрочем, сначала он изготовил памятную медаль на эту песенную тему. А еще раньше, студентом Нижнетагильского художественного училища, Анатолий в форме буденновца участвовал в одной из торжественных комсомольских инсценировок. Именно тогда начинающему художнику идея памятника крепко запала в сердце.

И вот работа завершена. Монумент в Нижнем Тагиле — открыт. Он стал символом героизма юных тагильчан — и тех, кто отстоял со штыком в руках Советскую власть, и тех, кто сегодня множит мастеровую славу могучего железного города.

*Фото А. Нагибина
Читайте стр. 16-ю.*

В номере:

С. Неустроев ЭТО БЫЛО В ТРИДЦАТЫХ	4
А. Абрамов ОГОНЬ НА СЕБЯ	7
СЛЕДОПЫТСКИЙ ТЕЛЕГРАФ	10
Г. Рамазанов, К. Аралбаев СТИХИ	12
Ю. Липатников ПЕРВЫЙ В МИРЕ САМОЛЕТ	14
МОЛОДОСТЬ СТРАНЫ	16
С. Крапивин ПЯТЬ ДНЕЙ ШЕСТЬ ЛЕТ СПУСТЯ. Повесть. Окончание.	17
В. Сибирев, И. Чернухин ВСЕ СВЕРШИТСЯ СВОИМ ЧЕРЕДОМ... Стихи	51
Б. Гельруд ОБЕЛИСК У ШКОЛЫ	52
Р. Енакаев В ЖИВЫХ ОСТАЛИСЬ ТОЛЬКО ДВОЕ	54
А. Владимиров БЫЛ ДЗОТ НА МЕСТЕ ТОМ...	55
Е. Комаров ПОСЛЕДНИЙ БОЙ	56
А. Шилов АДРЕСАТ ИЗВЕСТЕН!	57
Н. Лидина БЛОКАДНЫЙ ВАРИАНТ	57
М. Андреева, Б. Рябинин ОЗЕРО БЕЗ БУДУЩЕГО!	58
А. Шашков ЛЕТОПИСЬ РОТМИСТРА СТАНКЕВИЧА	62
В. Бердинских Н. Н. ПУШКИНА-ЛАНСКАЯ В ВЯТКЕ	63
Ю. Клюшников ДЮМА В РОССИИ	65
Ю. Чернов КАРАКАНСКИЕ ЭТЮДЫ, ИЛИ ОТ ВЕСНЫ ДО ВЕСНЫ	66
А. Копайский КОГДА ЧТО ПРИДУМАНО!	70
ВЫ СПРАШИВАЛИ...	73
В. Пашин ПИЩАЛЬ	74
И. Малышев НА ДАЛЬНИХ ДОРОГАХ	76
МИР НА ЛАДОНИ	78

Редакционная коллегия:
Станислав МЕШАВКИН
 (главный редактор),
Муса ГАЛИ,
Алексей ДОМНИН,
Спартак КИПРИН,
Владислав КРАПИВИН,
Юрий КУРОЧКИН,
Давид ЛИВШИЦ
 [заместитель главного редактора],
Геннадий МАШКИН,
Николай НИКОНОВ,
Анатолий ПОЛЯКОВ,
Лев РУМЯНЦЕВ,
Константин СКВОРЦОВ,
Владимир СТАРИКОВ
 [ответственный секретарь].

Художественный редактор
Мargarита ГОРШКОВА
 Технический редактор
Людмила БУДРИНА
 Корректор
Маяя БУРАНГУЛОВА

Адрес редакции:
 620219,
 Свердловск, ГСП-353,
 ул. 8 Марта, 8
 Телефоны: 51-09-71, 51-22-40

Рукописи не возвращаются
 Сдано в набор 27.01.82.
 НС 11034.
 Подписано к печати 18.03.82.
 Бумага 84×108^{1/16}.
 Бумажных листов 2,62
 Печатных листов 8,8
 Учетно-издательских листов 10,7
 Тираж 255 000.
 Заказ 414.
 Цена 40 коп.
 Типография издательства
 «Уральский рабочий»
 Свердловск, пр. Ленина, 49.

На 1-й стр. обложки — рисунок Е. КРУТСКИХ

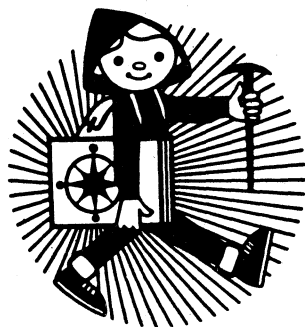
© «Уральский следопыт». 1982 г.

ЛИТЕРАТУРНО-
 ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
 НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫЙ
 ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛ
 ДЛЯ ДЕТЕЙ
 И ЮНОШЕСТВА

ОРГАН
 СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ
 РСФСР
 СВЕРДЛОВСКОЙ
 ПИСАТЕЛЬСКОЙ
 ОРГАНИЗАЦИИ
 И СВЕРДЛОВСКОГО
 ОБКОМА ВЛКСМ

ИЗДАЕТСЯ
 С АПРЕЛЯ 1958 ГОДА

СВЕРДЛОВСК
 СРЕДНЕ-УРАЛЬСКОЕ
 КНИЖНОЕ
 ИЗДАТЕЛЬСТВО

№5 * 1982

УРАЛЬСКИЙ
СЛЕДОПЫТ

ПИОНЕРИЯ

Всесоюзной пионерской организации имени В. И. Ленина — 60 лет

Тишина взрывается рокотом барабана, высоким чистым звуком горна. И снова тишина, которую пререзает взволнованный детский голос: «...Вступая в ряды Всесоюзной пионерской организации имени Владимира Ильича Ленина, перед лицом своих товарищей торжественно обещаю...»

С этой минуты мальчишка и девчонка становятся членами великого братства юных коммунаров, с гордостью носят на груди алый галстук — частицу революционного знамени, три конца которого символизируют единство, преемственность трех поколений — коммунистов, комсомольцев и пионеров.

История пионерии неотделима от героической истории советского народа. На всех этапах строительства нового общества бок о бок со своими отцами и матерями шли юные борцы за коммунизм.

Черным огнем опалила детство гражданская война, лишила ребят родителей, раскидала по белу свету. Чекистам, во главе которых стоял рыцарь революции Феликс Дзержинский, партия поручила вернуть сиротам утраченное детство. По всей стране проходили недели борьбы с беспризорностью. Вместе со взрослыми мальчишки и девчонки с красными галстуками появлялись на вокзалах, чердаках и в подвалах заброшенных домов, приводили голодных, оборванных ребят в детские дома. С кружками в руках ребята стояли на перекрестках людных улиц, собирая деньги в фонд голодающим и сиротам. Комсомольцы и пионеры стали шефами детских домов — только на Урале в них жило 22 тысячи воспитанников.

Одним из самых тяжелых наследий царизма была почти поголовная неграмотность населения. Молодая Советская Республика ценой жесточайшей экономии, отказа от многого жизненно необходимого строила школы, хорошо сознавая, что грамотность — могучее оружие в борьбе за коммунизм. Сознавали это и пионеры — застрельщики отличной учебы. Популярным в двадцатые годы стал лозунг «Ляшь знаньем новый мир построим, так за учебу — дружным строем!»

Дети познавали в школе прелесть поэзии Пушкина и Блока, прозы Толстого и Горького, разучивали революционные агитки Демьяна Бедного, а их родители, как и

застарь, ставили в платежных ведомостях и других документах против своей фамилии крестики. История человечества не знала, да, видимо, и впредь никогда не будет иметь подобного аналога — по вечерам малыш торжественно брал в руки букварь, а отец и мать по слогам повторяли за ним: «Мы не рабы, рабы не мы».

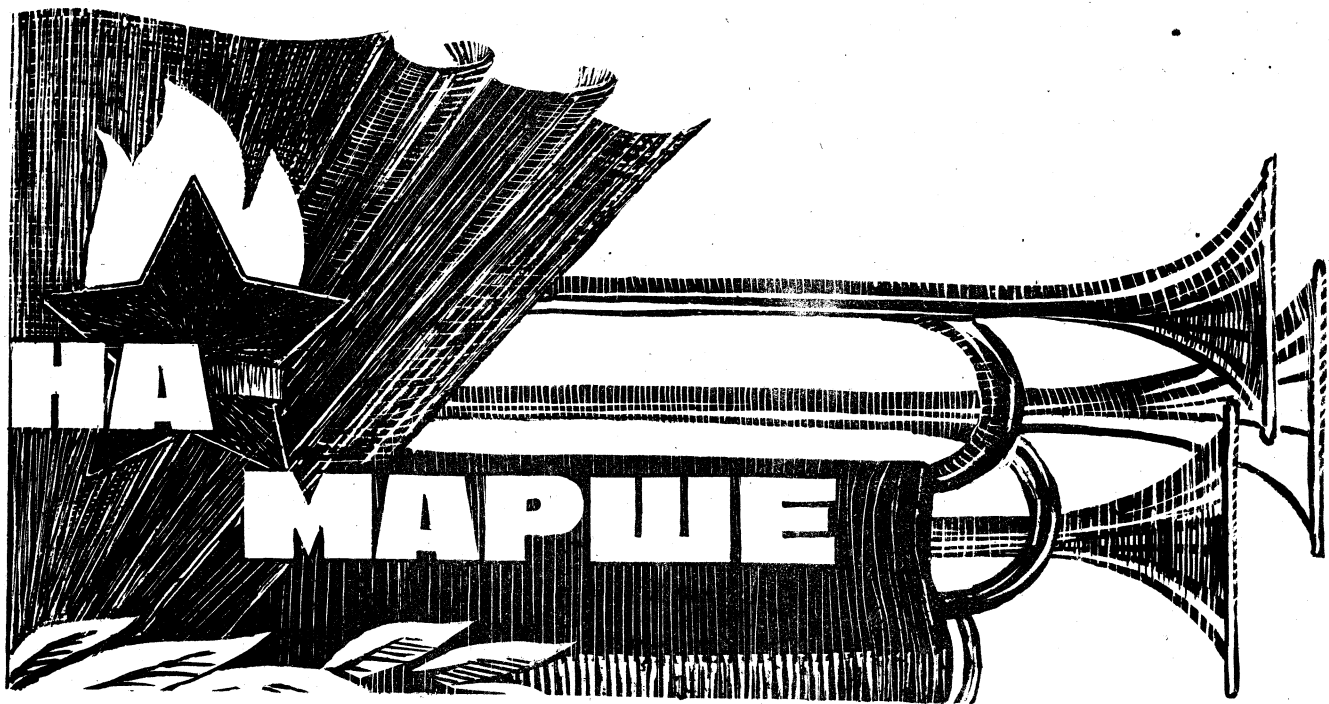
Сегодня, когда наша страна является признанным лидером мировой социалистической экономики, опережает по темпам развития ведущие капиталистические державы, мы с благодарностью вспоминаем двадцатые и тридцатые годы, когда закладывался фундамент социалистической индустрии. В рождении таких ныне известных на всю страну предприятий, как Магнитка и Сталинградский тракторный, Уралмаш и Днепрогэс, есть весомая доля труда пионеров и школьников.

Книга почета Всесоюзной пионерской организации открывается именем Павлика Морозова. Школьник из затерянной в уральской тайге деревни Герасимовки нашел в себе редкое мужество пойти против родного отца, потворствовавшего кулакам. Пятьдесят лет назад, в сентябре 1932 года, отважный пионер был злодейски убит. Его смерть всколыхнула страну, по городам и селам прокатилась волна митингов. Враги рассчитывали жестокой карой устроить детей, но просчитались — тысячи юных вступили в ряды пионеров.

Эстафету поколений доблестно пронесли сквозь военное лихолетье юные сороковых годов. В летопись воинской и пионерской славы навечно вписаны имена Володи Дубинина, Саши Чекалина, десятков других патриотов-ленинцев.

В августе сорок первого года в Киеве состоялся съезд тимуровцев столицы Украины. Почетным делегатом на нем был приехавший с фронта кумир и властитель ребячьих сердец Аркадий Гайдар. Он призвал школьников в эти грозные дни помогать своей стране всем, чем только можно, чтобы «одержатъ победу над хищным и подлым врагом».

Светлый день победы «приближали, как могли» юные патриоты. Многие из них пали с оружием в руках на поле битвы. Миллионы стали бойцами трудового фронта. В июле сорок первого школьники Свердловска приняли решение,

согласно которому они стали считать себя мобилизованными: никаких скидок на возраст, каждый наш час в школе и на заводе — фронту. В классах на видном месте висела свежая сводка Совинформбюро, создавались школьные мастерские, где выполнялись военные заказы. На средства, собранные и заработанные детьми, создавались для фронта танковые колонны, эскадрильи самолетов.

Сегодня за партами сидят мальчишки и девчонки, которые завтра станут к станкам и штурвалам комбайнов, которым проникать в глубь атома и водить космические корабли в грядущем XXI веке.

Усложняются школьные учебники, перекраиваются программы, эпоха научно-технической революции требует высокообразованных специалистов во всех областях жизни. Но самым главным программным требованием партии, обращенным к детворе, было и есть — учиться коммунизму. Ленинский завет, выданный в двадцатые годы, не только не тускнеет со временем, напротив, с каждым шагом эпохи становится все очевиднее мудрая прозорливость вождя революции.

Мальчишкам и девчонкам свойственно мечтать о подвигах, они легко представляют себя на месте Гавроша, сражающегося на баррикадах, готовы, как и Мальчиш-Кибальчиш, биться насмерть с проклятыми буржуинами, хотя во всем походить на героев Краснодона... И кажется иным, что родились они малость поздно, когда ушло время героев и героических дел.

Да, сегодня — и это огромное счастье, завоеванное поколениями отцов и матерей, — не звучат орудийные канонады, не рвутся бомбы. Но есть и в наши дни фронт — фронт мирного труда, который ждет своих героев, максимального участия юного поколения страны.

Шагает по стране одиннадцатая пятилетка. Шаги ее размашисты, шаги ее напряженны. Сегодня во всем мире ощущается острая нехватка природных ресурсов, и каждый килограмм металлолома, собранный школьниками, помогает осуществить программный лозунг партии «Экономика должна быть экономной». На пятилетку работают тракторы, комбайны, буровые установки, созданные из пионерского металла.

Ждет заботливых рук матушка-планета. Если каждый посадит дерево, расчистит родничок или просто подкормит зимой голодную птицу — насколько краше станет род-

ная земля. Быть на земле хорошим хозяином — это качество необходимо воспитывать в себе с детства.

Учиться коммунизму — значит со школьных лет воспитывать в себе и чувство коллективизма, эту наиболее присущую именно советскому человеку черту. Эта черта воспитывается не лозунгами и призывами, а реальным вкладом каждого в общее дело. Тематический пионерский сбор, операция «Память» по розыску героев гражданской и Отечественной войны, зеленые патрули, сбор библиотечек для детских домов и бамовских поселков, кружки художественного и технического творчества — в тысяче этих и других дел обретается чувство локтя, когда не в одиночку, а только сообща ставится и решается творческая задача.

В Положении о Всесоюзной ордена Ленина пионерской организации есть такие строки: «Пионерская организация воспитывает юных ленинцев в духе интернационализма, крепит дружбу с детскими коммунистическими и демократическими организациями всех стран».

В двадцатые годы по приглашению юных свердловчан на Урал приехала делегация французских пионеров. Деньги на эту поездку заработали на субботниках юные свердловчане. В течение многих лет длилась переписка уральских и французских пионеров. В довоенные годы каждый школьник считал для себя высокой честью принадлежать к МОПРу — международной организации помощи революционерам. Сегодня, когда над планетой дуют холодные ветры войны, дети поднимают свой голос в защиту мира. Они протестуют против нейтронной бомбы, борются за свободу политических заключенных во всех уголках земного шара, крепят контакты со своими сверстниками за рубежом.

Праздник юных совпал со знаменательным событием в жизни их старших братьев — съездом комсомола. Наказы комсомола, задание партии — закон для пионери. Несется над планетой как обещание, как клятва тысячекратное «Всегда готовы!».

ТО БЫЛО В ТРИДЦАТЫХ...

**Сергей
НЕУСТРОЕВ**

Историю эту рассказал Андрей Александрович Ежов. В 30-е годы он приехал в Свердловск и до конца дней своих работал в системе гидрометслужбы: был директором Свердловской геофизической обсерватории, а в последние годы — заместителем начальника Свердловского управления гидрометслужбы. Андрей Александрович от природы был вожатым и воспитателем, хотя и не довелось ему работать в комсомоле и в пионерии на постоянной работе. В сентябре 1930 года в составе студенческой группы комсомольцев-добровольцев из Верхнеуральского сельскохозяйственного техникума Андрей Александрович Ежов был послан на Магнитострой — помогать рабочим возводить плотину.

Чтобы понять, чем для нас стало участие в сооружении плотины, чтобы оценить величие той стройки, вы на минутку отвлекитесь от современных масштабов. «спуститесь» с высоты, скажем, многометровой стрелы подъемного крана на землю... Лопатами да кайлами, на посылках да на тачках за семьдесят пять дней была создана километровая плотина!

Разбросали нас по бригадам: кого к бетонщикам, кого к плотникам, кого к землекопам. Кроме строительных работ, мы должны были заниматься еще, как тогда говорили, культпросветом.

Мне досталось быть шефом пионерского звена, которое помогало строителям. Ученики выпускного седьмого класса фабрично-заводской семилетки назвали свое звено кимовским. Было им по шестнадцать — четырнадцать лет, в те годы такой разновозрастной состав был обычным. Накануне XIII годовщины Октября ребята собирались вступить в комсомол, уже мечтали о комсомольском значке — флажке с тремя золотыми буквами КИМ.

По характеру все они были разные. Сережка Иванов, звеньевой, был по-взрослому серьезен. Митька Лалин и Димка Сувор частенько доказывали свою правоту на

кулаках, у них правило было: задирайте не задирай, но задирам не спускай. Генка Сысолятин, книголюб, весь озабоченный «текущим моментом», наоборот, полагал, что вразумлять надо словом. Юрка Панов — молчун, во всех спорах у него один исчерпывающий аргумент: «А я, как все». Гурька Уверткин знал много, но был не то что с ленцой, а сторонился черновой работы, все норовил попасть в руководители; будто про него сказано: «языком скать — таких поискать, дойдет до дела — голова заболела». Микола Коваленко казался увальнем, но в делах был расторопен. Равел Хасанов выделялся дисциплинированностью и исполнительностью. Ян Савицкий любил работу, особенно ту, где можно показать физическую силу. Внешне спокойный, невозмутимый Отто Скутарис среди ребят слыл тоже силачом, но силу свою применял только в исключительных случаях. Ленька Гуткин — и ростом ниже всех, и вообще слабак — имел страсть прихвастнуть, приврать к тому, что было, еще с три короба. Однако в дружбе был бескорыстен, и ребята любили его за это, прощая хвастовство, «художественный свист». Единственная девочка в звене Аннушка Петрова слыла самым спокойным и рассудительным человеком.

Посмотрит, бывало, на разошедшегося крикуна своими глазами, и тот сразу: «А я что, я ничего...»

Когда мы заявили в школу, секретарь райкома по-свойски сел за учительский стол и спросил:

— Ребята, вы газеты читаете?

Кимовцы переглянулись: такого обидного вопроса можно и не задавать.

— Стройке не хватает воды. Надо спешить с плотиной, чтобы в 1931 году обеспечить водой нашу великую стройку и наш новый город — всемирно известный Магнитогорск. У нас сейчас, как в деревенскую страду: каждый час и каждый человек на счету. Люди работают по двенадцать часов. А вы согласны принять участие в стройке?

— Мы уже работаем, — заговорил первым Ян Савицкий. — Вон Митька с Димкой каждый день в механическом, я и Отка — в кухне... Мы пока только профессию добываем, но и помогаем, как можем.

— Пойдем на плотину!

— Будем землю копать, бетон подносить...

— Пусть только в школе не ругаются. Мы потом, когда плотину построим, догоним...

— Э-э, нет, — возразил секретарь. — Школу бросать нельзя, это раз. Землю копать есть кому, это два. От вас требуется другое. На стройке появились вредители, нытики, прогульщики. Таких надо показать народу во всем их безобразии и сделать это через боевые листки, плакаты. Нет у нас пока для этого ни времени, ни грамоты, многие читать-то не умеют. Штабу Магнитки не хватает грамотных людей, чтобы читать рабочим свежие газеты, писать плакаты. Вот чем заняться вам придется. А он вам, — секретарь представил ребятам меня, — для оперативного руководства... Вот и договорились. Завтра приходите. Спросите секретаря партиячки на плотине Шеринова. Он вам все скажет.

Когда на следующий день мы пришли в штаб стройки, товарищ Шеринов (звать как, не помню) уже ждал нас.

— Вот список ударных бригад и их показатели за вторую декаду. Нужно сделать с десятков этих списков на больших листах и расклеить на стройучастках, в бараках. Все должны знать передовиков. А то идут разговорчики... Второе. Есть у нас святая троица, техники Касперович, Тер-Аванесов, Волков. Все итээры как итээры, а этл... Только и каркают: «Схгоки не хгеальные, утопия и пхгожехтехдство...» Пусть люди знают, что «воронам» мы тоже спуска не даем! И еще. У бетонщиков и плотников появились прогульщики, особенно отличились Комиссаров и Грехно. Грехно сам бригадир, была артель — теперь бригадой называем; так вот, эта бывшая артель за бригадиром в разгул ударилась. Надо их разрисовать и тоже вывесить.

Я подсказал звеньевому Сережке, как дальше действовать, и ушел на стройку: мне надо было дать свою норму с арматурщиками.

Сережка назначил Леньку Гуткина, признанного непревзойденным живописцем, бригадиром рисовальщиков, а Миколу Кодаленко — бригадиром подсобных рабочих. Уверткин рассердился:

— Почему Леньку в бригадире рисовальщиков? Я не хуже рисую!

Аннушка пригела его в чувство:

— Ты не хуже его срисовываешь, а рисуешь хуже.

Ленька взял в бригаду Аннушку, Гурьку и умеющих кое-как держать кисти Сережку, Юрку и Отку. Оставшихся ребят Коваленко взял под свое начало. Работа закипела.

Были глубокие сумерки, когда я вернулся к ним. Гурька возмущался, явно рассчитывая на мое сочувствие:

— Ну, Ленька напридумывал чего-то! Надо было раз-раз, и готово. А теперь вот в темноте как управимся?

— Пустая твоя голова, Гурька, хоть тебя, а не меня взяли в художники, — возразил Уверткин Равел. — Как это ты болтаешь — «раз-раз»? Надо раз, надо два, надо три... Семь раз надо, потом резать.

Я успокоил ребят:

— Не надо спорить. Получается хорошо.

Потом осталось развесить листки. Отто с Миколой, Генкой, Ленькой и Гурькой пошли в бараки. Аннушку отправили домой. Остальные отправились со мной на стройучастки.

Все шло у группы Отто нормально, пока не пришли в барак, где жили рабочие-одиночки. Ребята наклеили на доску объявлений карикатуры прогульщиков и хотели уже уходить, да Ленька обратил внимание на пьяную компанию в конце барака.

На топчане бетонщика Комиссарова сидели шестеро рабочих и слушали хмельную ругань хозяина:

— Мы, красные партизаны, знаем цену жизни. Рази здесь жись? Фатер нету, монет тоже, с хлебушком перебои, харч нукудышный, спецовку не дають... Да рази при таких порядках можно что-нибудь построить?! Верно я говорю?

— Верно...

— Тоды что терпите? Уходить надо или бастовать. Тоды все будет.

— Против царя да против капиталу бастовали. А теперь против кого?

— Против начальников. Это они жмут нас, затирают старых рабочих и красных партизан!

— Бастовать зовешь? — спросил у Комиссарова один из сидевших на его топчане. — Знаем мы таких партизанов! Говоришь под мужика, да сбиваешься. Уходил бы ты, партизан липовый, туды, откудава пришел, и не мешал бы нам работать, — рабочий поднялся, сплюнул на пол.

— Ты что? Пока пил мое вино... Хрош гусь!

Рабочий и тут нашелся:

— Гусь я, да тебе, свинье, не товарищ.

Пьяный бетонщик поднял глаза и хотел, видно, крепко выругаться, но, увидев на доске наклеенные листы, забыл об отколовшемся сабутьльнике:

— Почитать, что там еще обещают?

У доски он сперва осоловело уставился на рисунки, потом тяжело засопел:

— Скажите, пожалуйста... — Пьяный круто повернулся к доске, сорвал наклеенные листы и разорвал их в клочки. Потом шагнул к Леньке и, сильно размахнувшись, ударил его по лицу.

Отто сжал кулаки, поднял их к груди, немного присел и, резко спружинив и выкинув поочередно правую и левую руки вперед под углом, стукнул Комиссарова двойным ударом под подбородок. Бетонщик грохнулся на пол и взвыл:

— Меня, партизана, би-и-ты!

Подоспевшие ребята скругили ему руки. А Микола наставительно сказал:

— Бреешь ты все про партизана. Який ты партизан...

— Пошли, — позвал всех Скутарис. — Завтра расскажем в штабе, там разберутся.

...Сережка и Отто жили в одном бараке и в школу ходили вместе. Утром по пути они забежали в штаб за новым заданием. Шеринов и я как раз были там, и мы быстро с ребятами все обговорили. И разговор был вроде исчерпан, а они что-то не уходили.

— Стряслось что-нибудь? Выкладывайте.

— Да с нами ничего... Вот товарищ Шеринов рассказывал, будто Касперович каркает, что нам плотину не построить. И Комиссаров об этом же кричит, да еще на забастовку людей подбивает. Когда он Леньку ударил...

— Это называется — ничего не случилось?

— Так Отто же дал ему сдачи... Так вот, после удара Ленька узнал Комиссарова. Это он каждый вечер бывает у Касперовича на квартире. Ленька ведь живет в итээрзовских домах... Он видел, как один раз Комиссаров вышел из квартиры пьяный в обнимку с Тер-Аванесовым, с ними еще один был, уса-тый...

— Грехно...

— Ленька Грехно не знает, какой он по обличению. Дружки, видно, они, заодно все делают.

— Собрал бог в кучу лапоть да онучу... За сообщение спасибо. Ну, что скажешь, товарищ Шеринов? Хорошие помощники у тебя? Успевай только давать работу...

С тех пор каждый день у ребят была новая работа. Они выпустили три стенгазеты, оформили две

витрины с портретами лучших рабочих, выпустили «молнии» об ударниках, нарисовали карикатуры на всех прогульщиков и лодырей. Только неразлучные Димка и Митька, бывшие все время в подсобниках, бунтовали:

— Хотим настоящего дела!

— А что настоящее?

— Выжимать проценты на стройке, ходить в ночные дежурства, охранять стройку от вредителей.

— Ладно, поговорю, — обещал я.

...В холодную и дождливую октябрьскую ночь кимовцы (без Уверткина, который отказался; двенадцатым был я) вышли на охрану только что установленных на правом берегу Урала новых четырех бетономешалок и двух камнедробилок. Старшим штаб назначил коммуниста, участника гражданской войны Степанова.

Сторожевой наряд в семь часов вечера пришел на участок, заваленный бочками с цементом, кучами песка и щебня. Маленькие лампочки на временных опорах тускло мерцали, слабо освещая площадку.

— Видимость неважная, а погода того хуже, — сказал Степанов.

— Давайте поделимся, — предложил Сережка, — половина с того конца, половина с этого.

— Поделится, только не на два, а на три поста. Ребята, которые покрупнее — Скутарис, Савицкий, Панов, к ним один поменьше... Хасанов, — пойдут на тот край. Иванов, Коваленко, Лапин, Суров будут посередке. Остальные останутся здесь. По местам, уговор — не дремать!

Степанов уже раза три побывал на центральном и дальних постах. Каждой четверке он успел рассказать, как в этих самых местах воевал с белогвардейцами. Время шло неторопливо. Даже Степанов не выдержал, посмотрел на часы:

— Вот и одиннадцать...

Вдруг раздался треск. Там, где проходила главная электромагистраль стройки, вспыхнули зеленые молнии, и крошечная тьма окутала стройплощадку.

— Вот же проклятые! Опять напакостили... — Степанов выругался, крутанул головой и скомандовал: — Все на центральный пост!

Я, как раз прибежавший узнать о времени, спросил:

— Отке с ребятами тоже туда?

— Пусть идут, и быстро!

Степанов вытащил наган из кобуры и направился к группе Иванова. Но Сережка, Микола и Димка с Митькой, вооруженные железными прутьями, уже шли на встречу.

— Ребята, сюда! — резанул тишину крик Панова.

Ну, если Юрка заговорил, да еще так громко, значит, что-то серь-

езное. Кимовцы рванулись вперед, я — за ними. Степанов приотстал: грузноват уже.

— Здесь они — ворюги! — еще раз крикнул Панов.

— Держите их, Отто! — отозвался я.

В темноте кто-то зло и грубо выругался, кто-то испуганно взревел. Раздался ребячий стон. «Больно кому-то нашим», — встревожился я. Наверно, и Степанов об этом подумал и выстрелил в воздух. В несколько прыжков мы достигли группы Скутариса. Глаза, уже привыкшие к темноте, разглядели около белеющих куч барахтающихся людей.

— Врешь, не уйдешь!

— Сережка, Ленька, жми его голову к земле, жми!

— Не вам меня брать, желторотые комиссары...

Степанов осветил кучу-малу карманным фонариком. Савицкий прижимал кого-то к земле; ребята из его группы наступали на здорового детину, а тот, размахивая кувалдой, пятился к дороге. Когда луч фонарика упал на него, он бросил кувалду, резко рванул в сторону и учесал в темноту.

Степанов разглядел прижатого к земле человека:

— Грехно!?

Постоянный прогульщик и бузотер зыркал злыми глазами, связанный, он не сопротивлялся.

— Где Скутарис?

— Здесь он. Живой... Стукнули его.

— Воды дождевой зачерпните, охолонуть лицо надо ему.

Отто открыл глаза:

— В голове... больно... Комиссаров и тот, картавый, убежали?

— Комиссаров?.. Картавый? Их трое было?

— Трое, — подтвердил Юрка. — Когда я крикнул, картавый сразу дал стрекача. И этот бы утек, да Савицкий подоспел, потом вы...

— Один попался, остальных найдем!

Пятого ноября, в день окончания строительства плотины, в школе состоялось комсомольское собрание. Радостные и смущенные, стояли мои ребята на сцене. Десять парней и одна девчонка (Уверткин, когда кимовцы стали выходить на ночные дежурства, откололся насовсем). На груди у всех алели значки: флажки с тремя золотыми буквами — КИМ.

Рисунки
М. Надеенко

ОГОНЬ НА СЕБЯ

**Александр
АБРАМОВ**

Глубокой ночью в квартире Дмитрия Васильевича Отрошко раздался требовательный телефонный звонок. Первой вскопчила с кровати дочь Наташа, взяла трубку.

— Свердловск?... Вас вызывает Москва. Говорите!

— Это квартира полковника Отрошко?

— Да, да.

— Извините, а самого Дмитрия Васильевича можно?

Наташа передала трубку отцу.

— Отрошко у телефона,— за спанным голосом ответил он.

— Здравствуйте, Дмитрий Васильевич!

— Здравствуйте. А кто со мной говорит?

— Зудиева вас беспокоит. Анна Дмитриевна... Вспомнили? Прошу извинить, вы, наверное, уже спали?

— Кажется...

— А у нас сейчас только однанадцать вечера... Но я не могла ждать до утра, это не в моих силах... Надеюсь, вы на меня не обидитесь. Вы помните мое письмо и наш первый разговор по телефону?

— Кажется, помню...

Да, он помнил и телефонный разговор, и письмо Анны Дмитриевны. Бывшая связистка 95-й Верхне-Днепровской ордена Суворова стрелковой дивизии неустанно занимается поиском однополчан-фронтовиков. В архиве МО СССР Анна Дмитриевна нашла личное дело полковника Д. В. Отрошко и разыскала ветерана в Свердловске.

— Так вот, Дмитрий Васильевич,— продолжила Анна Дмитриевна,— у меня радостная весть. Я нашла в архиве приказ по дивизии и представление вас к правительственной награде. А сегодня в 42-м номере «Ведомостей Верховного Совета СССР» своими глазами читала Указ от 31 мая 1945 года о награждении вас орденом Ленина за проявленные мужество и героизм. Как говорится, награда нашла героя через тридцать два года. С чем от всей души поздравляю!

Полковник не отвечал. Он еще не мог разобраться: не снится ли ему этот разговор.

— Что же вы молчите, Дмитрий Васильевич? — недоумевала москвичка.— Вы меня слышите?

— Да, да... Спасибо! Большое спасибо! — растерянно благодарил Отрошко.

Он лег в постель, но до самого утра не мог уснуть.

В памяти замелькали довоенные картины. Вот он сдает экзамены в Киевское пехотное училище. Потом — переезд в Свердловск.

Спустя два года на гимнастерке Отрошко появились два малиновых кубика. Он стал лейтенантом, командиром взвода, и ему самому доверили обучение курсантов.

...Когда немецко-фашистские захватчики напали на нашу Родину, старший лейтенант Дмитрий Отрошко, как и многие другие его товарищи, стал писать рапорт за рапортом с просьбой направить его на фронт. Каждому казалось, что его место только на передовой.

Попал он на Белорусский фронт. Назначили командиром батальона.

Новый комбат не успел еще познакомиться с командирами рот, как из штаба полка поступил приказ: овладеть ближайшей деревенькой, захваченной фашистами. Пришлось знакомиться с личным составом прямо на марше. Приказ был выполнен.

Без передышки, днем и ночью, батальон гнал противника. Пришлось идти по болотам — по пояс в холодной, грязной жиже. Не хватало времени ни поесть, ни поспать. Это многодневное сражение в болотах оказалось для Отрошко первым боевым экзаменом. И первый орден Отечественной войны 1-й степени украсил его грудь.

...Это было накануне Берлинской операции. По приказу командования батальон Отрошко был отведен в тыл, где приступил к подготовке показательного занятия — «Действия стрелкового батальона при штурме большого города».

В назначенный день на показательные занятия приехал Маршал Советского Союза Г. К. Жуков. Множество генералов и офицеров наблюдали за учебно-боевыми действиями солдат под командованием Отрошко. На этот раз комбату пришлось, пожалуй, попотеть сильнее, чем в жарком бою. Особенно Отрошко волновался, когда его вызвали для участия в разборе закончившихся учений.

Одобрев действия бойцов, Г. К. Жуков объявил благодарность всему личному составу батальона и его командиру. Такая оценка командующего была равноценна большой награде.

И вот — Берлинская операция. Вслед за огненным валом «катуш», артиллерии и минометов, вслед за танковой лавиной стрелковый полк прорвал оборону противника и устремился на запад. Сражения шли непрерывно. Воины не успевали передохнуть после одной жесточайшей схватки, как приходилось вступать в новую. И так все время: из боя в бой. Еще на дальних подступах к Берлину фашисты сопротивлялись с яростью обреченных, цепляясь за каждый вершок земли, за каждую улицу, за каждый дом. Однако напор наших солдат был настолько велик, что их уже ничто не могло остановить. Настроение у всех было приподнятое, чувствовалось, что не за горами долгожданная победа.

Когда полк, в составе которого был батальон Отрошко, вышел к каналу Одер — Шпрее, продвижение сразу затормозилось. Противоположный берег, занятый немцами, оказался сильно укрепленным, там искусно замаскировались вражеские снайперы. Положение усугублялось тем, что бетонированные стены канала сплошь заросли скользким зеленым мхом. Стоило кому-либо неосмотрительно спуститься в канал, как он тут же оказывался в западне. Гитлеровцы открывали уничтожающий пулеметный огонь. Форсировать эту преграду можно было лишь после тщательной подготовки. Батальон Отрошко остановился. Непредвиденная задержка вынудила командира полка появиться в передовом эшелоне. Выяснив причину пробки, без маскировки, направился он осматривать водный рубеж и тотчас был сражен вражеским снайпером. Неоправданная, горькая утрата!.. Отрошко срочно собрал на совет бывалых фронтовиков. Решили строить переправу, сваливая в канал самые большие прибрежные сосны.

К утру 23 апреля канал был форсирован. Советские войска, преследуя противника, завязали бои на юго-восточных подступах к Берлину. Отборные части эсэсовских головорезов, окруженные в этом районе, упорно сопротивлялись.

24 апреля Отрошко получил задание форсировать реку Шпрее, выбить врага из населенного пункта Биген. Путь батальону преградили проволочные заграждения. Дворы, улицы, все пространство до самого берега реки было напиговано минами. Всю ночь бойцы вязали плоты из подручных материалов. В дело пошли бревна, бочки, доски.

В обусловленное командованием время — ровно в четыре утра — изго-товленные плавсредства уже на-

ходились на исходных позициях. И все это было сделано саперами и пехотинцами, которые не спали с 20 апреля.

Отрошко лично контролировал подготовку к броску. Форсирование реки началось в рассветной тишине. Первая горстка смельчаков зацепилась за небольшой плацдарм на западном берегу, завязала неравный бой. И сразу заговорила наша артиллерия. Гулко и часто зашипели «катуши», словно быстро буксующий старый паровоз. Вслед заушали гаубицы. Их снаряды, со свистом рассекая воздух, неслись на головы врагов. Сквозь дымовую завесу, поднявшуюся над полем битвы, были видны сверкающие всполохи огня и фонтаны черной земли.

Немецкие заграждения на западном берегу были очень густыми и коварными. Особую опасность представляли осколочные прыгающие мины. Враг отчаянно сопротивлялся, широко используя фаустпатроны.

В самый разгар сражения, когда начался бой за первые дома, комбату сообщили, что гитлеровцы контратакуют, а командир роты убит. На последних словах связь оборвалась. Отрошко было ясно, что, оставшись без командира, бойцы могут дрогнуть... В этот критический момент была дорога каждая минута. И Отрошко рискнул. Захватив с собой группу батальонного управления с ординарцем и радистом, он решил лично поправить положение и предотвратить отход роты.

...Когда до железнодорожного полотна оставалось метров десять, ударили немецкие орудия. Рядом разорвался снаряд. Осколками напавал были сражены радист и два наблюдателя, разбита рация. Сам комбат, его ординарец и четверо автоматчиков получили тяжелые ранения. Продвигаться дальше самостоятельно Отрошко уже не мог: перебита нога, кровь хлещет в голенище. К нему подполз ординарец, раненный в плечо, спросил: «Что будем делать без связи?»

— Давай перевяжем друг друга, — ответил комбат.

Отрошко чувствовал, как уходит силы. Решил держаться до последнего патрона. А последний — оставить для себя.

В это время под отчаянным натиском противника рота без командира откатилась назад, и Отрошко с горсткой раненых бойцов оказался на нейтральной полосе перед разъяренными гитлеровцами. Те, словно почуяв слабость наступающих, приняли еще одну яростную контратаку.

«Есть последний шанс, — мелькнула мысль у комбата. — Вызвать огонь на себя». Он хорошо понимал, что значит «огонь на себя». Однако выбора у него не было. Превозмогая боль, он приподнял ослабевшей

рукой ракетницу: в ней был единственный заряд. Хлопок — и в небе зеленая ракета — обусловленный в дивизии сигнал: вызов артогня и целеуказание.

Медленно, томительно потянулись секунды... Волнение теснило грудь Отрошко, в висках отдавались гулкие удары сердца. Он отбросил уже ненужную ракетницу, достал из кобуры пистолет.левой рукой при- ставил к глазам бинокль: черные фигурки эсэсовцев были еще далеко, но двигались они в сторону железнодорожного полотна. «Наверное, наши не заметили ракеты», — с досадой и горечью подумал комбат. Вспыхнувшая было надежда стала быстро улетучиваться. Прошло еще несколько минут напряженного ожидания.

Вдруг в беспорядочном перестуке автоматного-пулеметных очередей Отрошко уловил орудийные залпы. В уши ударил пронзительный свист снарядов. Да, это ответила на сигнал советская артиллерия. Совсем близко раздались первые взрывы, вздыбились огненные фонтаны, покачнулась земля, запахло гарью. В тот же миг Отрошко услышал жужжащий свист осколков, почувствовал, что лицо заливают кровью, потерял сознание. Это было второе ранение комбата за несколько минут.

...Первую сложную операцию ему сделали в тыловом госпитале в мае 1945 года. Уже потом, после госпиталя, майор Отрошко узнал, что огонь на себя решил исход боя на их участке.

Почти сорок лет отдал полковник Д. В. Отрошко службе в Советской Армии. Теперь бывший комбат работает в Главсредуралстрое. Здесь, в Свердловске, и нашла его награда. За огонь на себя.

Экспонат № 91765

Ленинская тема в искусстве представлена во всех жанрах, начиная от монументальных скульптур и полотен и кончая миниатюрами на кости и металле. Мы уже привыкли к тому, что произведения, составляющие Лениниану, должны быть безупречны по форме. Но в первые годы Советской власти народ охотно прощал авторам несовершенство их кисти и резца. Поэтому многие работы тех лет воспринимаются нами не как произведения искусства, а как исторические реликвии. Об одной такой реликвии мне хочется рассказать. Сейчас она находится в Центральном музее В. И. Ленина в Москве. Ее номер — 91765.

Приезд в село Красное на Волге в мае 1919 года наркома просвещения А. В. Луначарского был событием, круто повернувшим производственную деятельность реорганизованных на новый манер кооперативных артелей. Нарком очень внимательно ознакомился со спецификой местного ювелирного промысла. Скорый на выдумки и щедрый на советы, он предложил мастерам заняться изготовлением различных знаков и эмблем революционного содержания.

Я приехал в Красное с необычной целью. У меня в кармане покоился значок с изображением Ленина. Значок несомненно старый, отчеканенный на медном кружке величиной в пятнадцатикопеечную монету. Попал он ко мне совершенно случайно. Но тот, кто передал его мне, сказал торжественно:

— Учтите, изображение вождя сделано при его жизни. Замечательно и то, что значок создан красносельскими ювелирами.

Это сообщение, разумеется, и обрадовало, и весьма озадачило меня. Опыт говорил: верить на слово в таких случаях никак не полагается. Нужны доказательства. Я много лет общался с собирателями знаков ленинской тематики. Среди них были коллекционеры, имевшие по

несколько тысяч значков. Но такого экземпляра я не встречал ни в одной коллекции.

Похожие были. Вот, например, в 1918 году в ознаменование первой годовщины Великого Октября был отчеканен жетон с изображением Ленина на лицевой стороне. Специалисты утверждают, что это первый знак с портретом Ильича. Если сравнить этот жетон и наш значок, то можно заметить, что для обоих портретов оригиналом послужил снимок известного фотографа Напельбаума, сделанный в январе 1918 года и размноженный фотоотделом Центропечати в качестве открытки.

Впрочем, удивительного здесь ничего не было: в первый год Советской власти эта открытка являлась если не единственным, то, по крайней мере, самым распространенным изображением Ленина. Ориентируясь на нее, художники рисовали, писали, вырезали на металле и линолеуме, выжигали по дереву портреты Ильича: социальный заказ требовал — изображение вождя пролетариата должно быть в каждом доме.

Копии не всегда удавались авторам. Но были и такие, что по своей художественной ценности превосходили оригинал. Например, сделанное на Дулевском фарфоровом заводе настенное блюдо с

портретом Ильича (оно сейчас находится в Центральном музее В. И. Ленина).

В экспериментальном цехе Красносельского ювелирного завода долгие годы работал медальером Николай Сергеевич Грустливый, потомственный ювелир, ветеран предприятия, хранитель истории промысла. Вот ему — наиболее авторитетному эксперту — показал я ленинский значок.

К моей великой радости, Николай Сергеевич заявил, что значок этот ему хорошо знаком. Делали его в одной из местных артелей в годы гражданской войны. Грустливый назвал и гравера, резавшего штамп, — А. К. Ратьков. Имя его в медальерном искусстве страны известно. В начале 20-х годов Ратьков был приглашен в Петроград работать гравером на монетном дворе. Его резку принадлежит фигура кузнеца на серебряном полтиннике, чеканившемся в 1924—1927 годах.

Еще не вполне уверовав в свою удачу — находку, может быть, первого красносельского значка с изображением Ильича, — после разговора с Н. С. Грустливым спешу к другому ветерану промысла восьмидесятичетырехлетнему пенсионеру Василию Дмитриевичу Сорокину.

К сожалению, старый гравер, несколько лет тому

назад потерявший зрение, не смог увидеть значка. Заскорузлыми пальцами мастер долго ощупывал рельеф и наконец убежденно сказал:

— Это нашенская работа, красносельская... Не помню, кто резал штамп — Ратьков или Гускин, но за то, что резали у нас, могу поручиться.

Потом я показывал значок другим старожилам села, ветеранам завода, преподавателям местного училища по художественной обработке металлов. И всюду слышал подтверждение слов Грустливого и Сорокина.

...Более 60 лет прошло с того дня, как появился на гимнастерке красноармейца или на косоворотке сельского активиста этот скромный значок.

На снимке: значок с изображением В. И. Ленина (увеличено).

Виталий
ВАСИЛЬЕВ

ЭТОТ ДЕНЬ МЫ ПРИБЛИ

● 242 экспоната в музее Первомайской средней школы (Чувашская АССР) знакомят с жизнью и партизанской деятельностью генерала А. Н. Сабурова, земляка школьников. Ведется большая переписка с сабуровцами. В школу приезжала жена Сабурова, Инна Марковна, со съемочной группой Киевской студии.

● Студенты филологического факультета Ленинградского государственного университета имени Жданова ведут сбор материалов о войнах-филологах. В годы Отечественной войны в боях за Ленинград отличился 10-й студенческий партизанский отряд, первым командиром которого был студент Сергей Максимов, погибший смертью героя. Студенты из «Поиска» собрали сведения о боевом пути отряда, разыскали многих партизан, совершили поход на места боев.

● В маленьком поселке Тамбукан в Ставрополье открыт памятник землякам, погибшим в боях Великой Отечественной войны. Всего 200 домов в Тамбукане — и каждый третий война не обшла похоронкой. Следопытский отряд «Поиск» именно назвал на памятнике всех погибших.

● «Я — Хортица!» — так называется фильм, снятый на Одесской киностудии. Он рассказывает о юных бойцах отряда «Юные чапаевцы». Материал о малоизвестном отряде собрали следопыты детской железной дороги в Запорожье.

● Уголь для фронта

Ветеранам труда шахты «Коксовая» Кемеровской области есть что рассказать молодым шахтерам, работающим сегодня в угольных забоях и лавах. На многих предприятиях тыла ковалась победа. Отсюда, с этой шахты, из Прокопьевска, день и ночь непрерывно шли вагоны, груженные высококачественным углем. Пункт следования — металлургические заводы, поставлявшие сталь для танков, пушек, самолетов, оружия... Десять миллионов тонн коксующегося угля получили сталевары только из недр этой шахты.

Как символ героического труда в тылу — красное знамя Государственного комитета обороны, оставленное коллективу шахты «Коксовая» на вечное хранение.

А. НИКОЛАЕВА

● «Александр Пушкин»

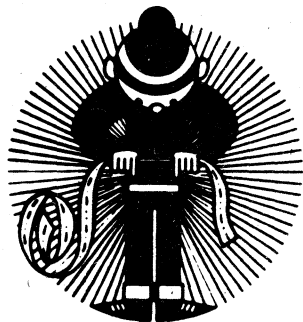
ведет бой

Каменск-Уральский. Здесь, на улице Ленина, в небольшом доме № 151 в годы войны жил писатель Иван Алексеевич Новиков, автор известных произведений «Пушкин на юге» и «Пушкин в Михайловском». Шел писателю в ту пору шестьдесят пятый год. Не имея возможности с оружием в руках защищать Отечество, Иван Алексеевич решил собрать средства на постройку самолета имени А. С. Пушкина. На промышленных предприятиях города он провел более десяти литературных вечеров. Весь сбор — сто тысяч рублей — поступил в фонд покупки самолета.

В Москву, в Ставку Верховного Главнокомандования, была направлена телеграмма: «Прошу включить в список действующей авиации самолет «Александр Пушкин». Писатель Иван Алексеевич Новиков». Ставка удовлетворила просьбу писателя.

В июне 1943 года И. А. Новиков получил сообщение, что боевой самолет-истребитель «Александр Пушкин» передан капитану Ю. И. Горохову. Новый самолет, поступивший в распоряжение 309-й авиадивизии, взял курс на Орловско-Курскую дугу.

12 августа 1943 года «Александр Пушкин», пилотируемый Ю. Гороховым, принял свой первый воздушный бой. Крепко досталось в этот день фашистам: четыре вражеских самолета уничтожил летчик. За проявленное мужество Горохов награжден орденом Александра Невского. А всего Юрий Горохов со своим именованным самолетом сбил

СЛЕДОПЫТСКИЙ

телеграф

ЖАЛИ, КАК МОГЛИ...

23 немецких стервятника. Ему присвоено звание Героя Советского Союза.

На вооружение нашей авиации стали поступать более совершенные истребители — «яки». Горохов принял новую машину, а свой самолет передал однополчанину Василию Бахиреву, ведомому комэска. И опять в надежные руки попал «Александр Пушкин». Храбро сражался В. Бахирев в небе над Москвой, над Ростовом, на Орловско-Курской дуге, делая по семь-восемь вылетов. И всегда крыло в крыло, в паре с Юрием Гороховым. Приняв самолет «Александр Пушкин», Бахирев продолжил боевой счет сбитых вражеских самолетов, начатый Гороховым.

Но война есть война. В одном из боев Бахирев бился сразу с двумя фашистскими стервятниками: одного сбил, атаковал второго, но сам попал под удар. Отважный летчик был тяжело ранен, сильные повреждения получил и самолет. Перетянув через линию фронта, пилот приземлился на соседнем аэродроме и уже на земле потерял сознание...

Так расстались и больше не встретились Василий Бахирев и «Александр Пушкин». После госпиталя еще четыре долгих года шел фронтовыми дорогами летчик-истребитель Василий Андреевич Бахирев, теряя боевых друзей. Узнал он, что в неравном воздушном бою погиб и его боевой друг Юрий Горохов.

Отгремели залпы войны. Подвел итог своего ратного труда В. А. Бахирев: 310 боевых вылетов, 57 воздушных боев, девять лично сбитых самолетов и пять — в групповом бою, много уничтожено танков и другой техники. Семь орденов и тринадцать медалей украшают грудь летчика.

После войны Василий Андреевич осваивал все марки новых боевых машин, летал на реактивных истребителях «МИГ-9» и «МИГ-17». Это ему, военному летчику 1 класса, рукоплескали на военных парадах в Тушино, когда он вел группу «мигов».

В. ШИРОКОВ

● Письма из тыла

...Бойцы стрелкового полка всегда радовались, когда получали посылки из тыла. Много, необходимое на фронте, находили они в ящиках и пакетах, любовно собранных в далекий путь родными и близкими или совсем незнакомыми людьми: теплое белье, приборы для бритья, кисты с махоркой... Но на этот раз, сняв крышку с продолговатого ящика, солдаты испытали настоящий праздник. В ящике лежали новенькие, жирно смазанные автоматы!

«Дорогой боец! Пишут тебе девушки, которые делают твое оружие — автомат. Знай, мы думаем о тебе, желаем тебе счастья и боевых удач. Бригадир женской фронтовой бригады Московского инструментального завода Блистанова, члены бригады Новикова, Князева, Ушакова, Шевцова».

Многие московские девушки хотели на фронт. Из добровольцев был сформирован отдельный истребительный батальон, в который вошли более ста девушек. Молодые москвички днем работали, рыли окопы, сооружали проволочные заграждения, а вечером обучались военной специальности — снайпера, автоматчика, связиста, медицинской сестры. Боевое крещение они приняли под деревней Рогачево и городом Дмитровом. Многие из созданного

истребительного батальона дошли потом до Эльбы...

В Первомайском районе Москвы, в школе № 356, активисты школьного музея оформили новые стенды. Они посвящены единству фронта и тыла, шефству москвичей над боевыми соединениями.

Н. АНДРЕЕВА

● Передний край

Сергей Братчиков

Армейская служба обошла Братчикова. Школу окончил шестнадцатилетним в том первом, военном июне. Рвался на фронт, но в военкомате сказали: «Подрости еще, когда потребуешься — вызовем». Пошел на завод токарем.

В ту пору каждый умеющий держать винтовку был на счету не только на фронте. В Кушвинском горкоме комсомола вспомнили, что средняя школа № 1 славилась образцовым преподаванием военного дела, что Братчиков был среди лучших — даже на всесоюзные стрелковые соревнования, когда пятнадцать еще не исполнилось, ездил. Вызвали: «Думаем поручить тебе, Сергей, руководство учебным взводом снайперов. Справишься?»

После трудной смены собирал свою девчачью команду, с песней вел в поле. Учил владеть оружием, строевой подготовке и тактике — перебежкам, умению окапываться, ползать по-пластунски. Когда передавал своих девчат строгой комиссии Свердловского облвоенкомата, поощрение получил: направили его самого на курсы командиров горных стрелков. Занимались на Уктусских горах, выматывались до предела, постигая основы боя в горных условиях. Вернулся домой, в Кушву — и еще целый взвод обучил. На этот раз под начало Сергея Братчикова попали рабочие парни с завода, рудника, железной дороги. На лыжах каждый, как везде на Урале, только что не вырос. Зимой 1942 года, в самый разгар боев, Братчиков проводил своих подопечных на Кавказский фронт.

А сам остался... После неудачной попытки попасть в Уральский добровольческий танковый корпус — «конкурс» на каждое место был побольше, чем в нынешних самых модных вузах — был направлен заводом на металлургический факультет Уральского политехнического института. Окончив его, поработал у печей на своем, Кушвинском заводе, поступил в аспирантуру и прошел там все ступени — от ассистента до заведующего кафедрой металлургии стали.

...И поныне доктор технических наук Сергей Георгиевич Братчиков приходит в институтский тир — и не по обязанности, а просто освежая в памяти дорогие воспоминания юности.

А те, кого обучал он? Конечно же, разлетелись по стране. Только однажды, в сорок третьем, кажется, удалось ему встретить в Кушве свою воспитанницу, прибывшую на отдых после ранения. На ее счету было двадцать шесть убитых фашистов...

Да еще, встречая на улицах людей с редкой сравнительно медалью «За оборону Кавказа», напряженно всматривается Сергей Георгиевич в постаревшие лица: «Не из моих ли?»

Л. ГАРЯЕВ

Конец 1922 года...
Только-только закончилась гражданская война.
На Дальнем Востоке были разгромлены и сброшены в море
последние белогвардейские отряды и японские интервенты.
По всей стране,
во всех республиках ширилось массовое движение трудящихся
за объединение в единое союзное государство.
И вот незабываемая дата — 30 декабря.
В этот день в Москве открылся съезд Советов,
который утвердил Декларацию об образовании
Союза Советских Социалистических Республик.
Создание СССР явилось триумфом

**Гилемдар
РАМАЗАНОВ**

Из лирической тетради

Мне в праздничный день
Принесли поздравленье
От юной красавицы,
Схожей с весной.
Идет переключка ее поколенья
С моим поколеньем,
Клейменным войной.

Мне грустно:
Пора свои годы итожить.
А взгляды красавиц
У нас во дворе
Напомнили,
Сердце опять растревожив,
О давней моей
Довоенной поре.

И хочется крикнуть
Сквозь годы и дали:
— О, юность моя,
Оглянись,
Возвратись!
Тебя мы досрочно старшинам сдавали..
По жизни бы молнией
Вновь пронестись!

*Памяти поэтов-воинов
Сергея Орлова,
Михаила Луконина,
Сергея Наровчатова*

Пути их короткими были,
Сраженьями озарены.
Их все же догнали,
Убили
Безжалостно годы войны.

Сгорали машины из стали,
Орлов оставался живым...
Мы утром его обнимали,
А вечером вдруг мы узнали,
Что больше не встретимся с ним.

...В кремлевском сверкающем зале
Луконин мне как-то сказал:
— С тех пор, как я был на Урале,
Приехать хочу на Урал.
Он знал по-башкирски немного,
Шутил по-башкирски со мной.
Не ведал, что в вечность дорога
Проходит другой стороной...

Синь глаз,
Словно волжские воды,
Принес Наровчатов с фронтов,
Как шпалы,
Ложились под годы
Могучие строки стихов.

Буслав и он —
Словно братья
По всем богатырским делам.
Друзьям открывал он объятья,
Но был беспощадным к врагам.

Из памяти нашей Отчизны
Бойцы не уходят в запас...
А мне до конца своей жизни
Грустить, дорогие, без вас.

Любовь

С каждым днем
Я все больше тоскую
Об ушедшей поре молодой,
Где любовь, и бурля и ликуя,
Разливалась безбрежной рекой.
Принесло сколько счастья и тягот
Лето знойное жизни моей.
Не забыть спелой сладости ягод
И солёности жатвенных дней.
Только в вешние годы и в лето
Не попасть, хоть лети, хоть плыви.
Как вошел,
Я и сам не заметил! —
В златоглавую осень любви.
Здесь не шальные —
Хмурые реки,
Но погожие вспыхнут деньки,
У любви нашей снова побег
Зеленеют всему вопреки!
Ты прекрасна —
Осенняя зрелость,
Осенняя радостью встреч.
Одного бы от жизни хотелось, —
Чтоб любовь от зимы уберечь!

ленинской национальной политики
и имело всемирно-историческое значение.
В этом году Союзу ССР, равноправной семье народов,
исполняется 60 лет.

Наши «поэтические маршруты», отмечая знаменательную дату,
пройдут по дорогам братских республик, России,
многонационального Урала.

Предоставляем слово поэтам Башкирии.

Гилемдар Рамазанов — фронтовик.

Кадим Аралбаев в 1941 году только родился.

Два поколения. Одна любовь — Башкирия
и вся наша советская родина.

Жизнь не раз мне давала уроки
На ухабах,
Подъемах крутых.
Вознестись можно было высоко,—
Средь друзей оставался своих.
...Не наложишь на сердце заплаты,
Сосчитать ран на сердце не смог!
Разве даром давался солдату
Каждый жизненный сложный урок?
Финиш близко.
И это бесспорно.
Но упорно учусь и живу.
Белым белое,
Черное черным,
Что бы ни было,
Я назову.

*Перевел с башкирского
Лев Сорокин*

**Кадим
АРАЛБАЕВ**

Фотография отца

Пропала фотография отца...
Она была единственной в альбоме.
Печали в доме не было конца,
Когда мы все перевернули в доме.

Он был на том портрете черноглаз —
Мне этих глаз дороже нету в мире.
Он испытующе смотрел на нас —
Так на проверке смотрят командиры.

На гордом взлете отроческих лет
Я озарен был полыханьем света,
Когда черты пропавшего портрета
Явил вдруг комсомольский мой билет.

Шинель меня овевяла, крылата...
Я воинский билет свой развернул —
В глаза мне испытующе взглянул
Отец, как командир — в глаза солдата.

Настало время — в ленинском строю
Иду, согретый светом партбилета,—
Черты родного старого портрета
Легли на фотографию мою.

Вдали от дома

Качается лозинка на ветру,
Зима ее нещадно исхлестала.
Как выросла ты на чужом яру,
Пришелица с далекого Урала?

Вот так и я: живу уж сколько лет.
В чужом краю и вижу все яснее —
Родной земли родней для сердца нет
И языка родного нет милее.

Как мне лозинку эту не понять!
«Сломи меня! — она мне прошептала,—
Чтоб лошадей в дороге погонять,
Когда помчат они тебя к Уралу...»

Когда б мне стать

родных полей кураем

Однажды песня старины далекой
Смутила душу мне,
и я запел.

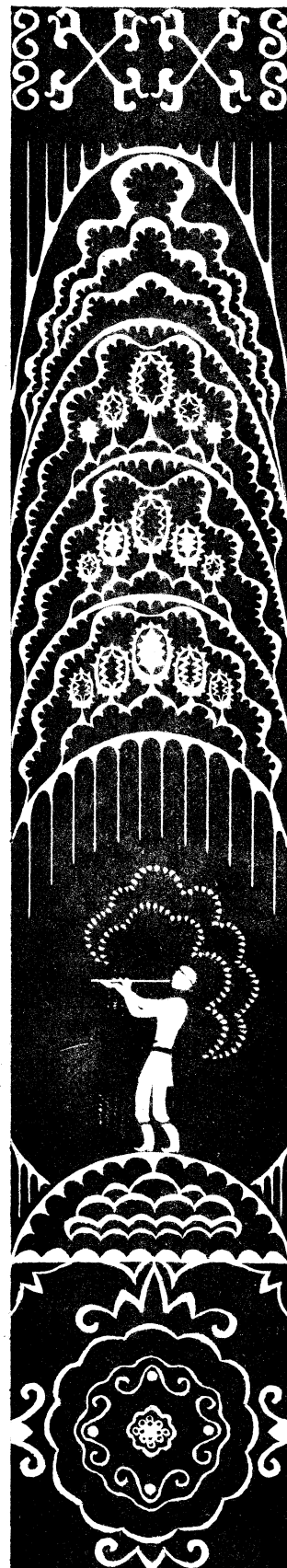
Мать прервала:
«Удел певцов жестокий —
тоска. Тебя да минет сей удел...»
О Шауре с прекрасной Зульхизюю
С тоскою в сердце пела моя мать
И причитала с горькою слезою
В семнадцать лет:
«Судьбы не миновать...»
Под синий купол радости взлетела
Душа как птица,

песнею звеня.
Ах почему от сладкого удела
Хотела мама уберечь меня?..
Одеждой белой золотистым краем
Не тьма меня коснулась — яркий свет.
Когда б мне стать родных полей кураем,
Не знал бы я тоски тогда вовек!

*Перевел с башкирского
Дим Даминов*

*Рисунки
В. Меринова*

ПЕРВЫЙ В МИРЕ

**Юрий
ЛИПАТНИКОВ**

Сто лет назад недалеко от Петербурга, там, где теперь станция Можайская, был испытан первый в мире самолет, сконструированный русским инженером Александром Федоровичем Можайским.

А за два года до этого исторического полета Можайский завершил работу над чертежами своего летательного аппарата и подал прошение в Департамент торговли и мануфактур о выдаче привилегии (авторского свидетельства) на изобретенный им самолет с паровым двигателем.

Как же он выглядел, первенец авиации? «... Нижеописанный и изображенный на чертеже воздухолетательный снаряд состоит из следующих главных частей: крыльев, помещенной между ними лодки, хвоста, тележки с колесами, на которую поставлен весь снаряд, машин для вращения винтов... Крылья снаряда делаются неподвижными». Так описывал свое детище морской капитан, дерзнувший стать воздушным капитаном.

А каким был сам создатель самолета?

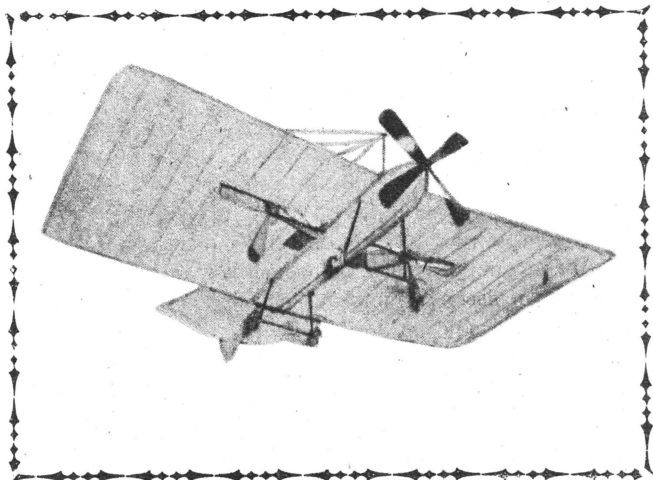
О нем рассказал А. Н. Крылов, студент Можайского, а потом известный кораблестроитель, академик: «Он (Можайский) был громадного роста, широкий в плечах, богатырски сложенный. Я его впоследствии знал немного, помню его еще и потому, что он нас экзаменовал на выпуске из Морского корпуса по морской практике. Так вот, Александр Федорович решил заняться разработкой вопроса о летании на аппаратах тяжелее воздуха. Начал он с того, что стал летать на змее. Вероятно, он был одним из пионеров этого дела. Построил он змей, запряг в него тройку, велел ее гнать, как говорится, в три кнута, и сам поднимался на этом змее на воздух. Удачно или нет, сказать не могу, но во всяком случае, когда я его знал, он хромал и ходил, опираясь на здоровенную дубину, так что никто не решался его спросить, не было ли это результатом его полетов на змее».

Это нам теперь ясно, что всем был хорош аэроплан Можайского, но только не паровым двигателем. Оттого и не смог летать. Но даже после опытов Можайского, в 1891 году, известный владелец оружейных заводов Х. Максим тоже предлагал большой аэроплан с паровой машиной, но, ввиду дороговизны и сложности конструкции, не довел до конца. В том же году француз Адер построил «Авион», также снабженный паровой машиной. Конструкция французского аппарата напоминала крылья летучей мыши. В 1896 году «Авион» сделал полет на протяжении 150 сажен. Однако тогда тяжелы и громоздки были паровые двигатели. Конечно, они были гораздо легче и изящнее чудовищно-машин Ползунова, и все же не годились для летания. А уже в двадцатом веке была в ходу

САМОЛЕТ

А. Ф. Можайский

такая шутка-байка: встречаются два приятеля и один другому говорит: мол, где же ты, друг, теперь работаешь? Тот лукавит — и отвечает: «Кочегаром на самолете!» Паровая машина и самолет, считалось, вещи несовместимые. Можайский же пытался устроить самолет, а вернее, паролет.

Нет, он не был отсталым инженером. Он во многом опередил время. Можайский пришел к идее самолета, когда в России еще не издавался журнал «Воздухоплаватель», когда в полет человека многие вообще не верили, считали это пустой фантазией. Однако же и окрыленных людей становилось все больше. Д. Менделеев в том же 1880 году предложил создать при Русском техническом обществе воздухоплавательный отдел. Уже становилось понятно, что человек сможет летать, но не при помощи крыльев, весел или паруса. Уже в 1843 году англичанин Хенсон пытался строить модель летательной машины с паровым двигателем, но она так и не полетела. Француз Лу проектировал летательный аппарат, подобный птице, но забросил дело. Голландец Груф построил аппарат с машущими крыльями. Все это — предшественники Можайского, моряка, который однажды пережил кораблекрушение и решил, что человек должен летать...

А как сделать, чтобы лошади мчались по небу, как поставить на аэроплан двигатель? Можайский, строя клипер «Всадник», имел дело с паровыми машинами. И вот он делает модели, и они у него превосходно летают, даже с грузом. «Быстрота полета аппарата изумительна,

он не боится ни тяжести, ни ветра и способен летать в любом направлении». Так писал в морской газете «Кронштадтский вестник» один из современников Можайского. И, наконец, в 1878 году изобретатель приходит к мысли строить аэроплан в натуральную величину. Это должен быть моноплан (не биплан, как у братьев Райт), способный нести груз в 300 кг со скоростью 40 километров в час.

Можайский предлагает проект комиссии. Генералы Паукер, Гери заволокнули предложение, потребовав детальных вычислений. Можайский посоветовался со знаменитым математиком Пафнутием Чебышевым и дал доказательства того, что машина, летающая с помощью пропеллеров, может быть построена. А тогда, заметим, повсюду в мире инженеры продолжали делать летательные снаряды с машущими крыльями, слепо подражая птицам.

Весной 1881 года Можайский заказал одной английской фирме сделать по его чертежам двигатель мощностью 20 лошадиных сил (топливо — керосин). А осенью этого же года ему был выдан наконец-то патент на самолет.

Летом следующего года ближайший помощник изобретателя механик Иван Голубев разогнал аэроплан и взлетел... Меньше минуты был в воздухе механик и пролетел всего-то сотню сажень, но стал первым человеком, летавшим на аппарате тяжелее воздуха.

Молодость страны

На 1-й стр. вкладки
фото А. Нагибина

Зимнее декабрьское утро семнадцатого года... В лучшем здании Екатеринбурга, харитоновском особняке, где ныне размещается Дворец пионеров, состоялся первый областной съезд Социалистического союза рабочей молодежи Урала. Залы, куда раньше мечтали попасть «сливки общества», «почтенная публика», заполнили молодые ребята и девочки, юные посланцы рабочих центров — Мотовилихи, Екатеринбурга, Невьянска. Одному из основных докладчиков было пятнадцать лет, а выступал он на архи-серьезную тему — «Экономическое положение подростков и задачи экономической борьбы». Звучали не томные цыганские романсы — старинный особняк сотрясала набатная мелодия «Варшавянки».

Родившись в огне революционных боев и гражданской войны, молодежные организации страны сразу встали в строй активных борцов за народное счастье. Они писали историю первого в мире социалистического государства — писали своими делами, жизнью своей.

Есть радостная символика в том, что XIX съезд комсомола начал свою работу именно весной, в цветущем месяце мае. Весна — пора обновления, когда бурными токами жизни напоена вся земля. Весна — молодость нашей древней планеты.

Молодое поколение — цвет, надежда человеческого общества. С молодежью, комсомолом мы связываем самые светлые надежды. Молодежь принимает эстафету поколений, не просто впитывает, а развивает, обогащает традиции, опыт отцов и матерей.

Съезд — всегда итоговое событие. Он итожит деятельность многомиллионного комсомола на всех участках коммунистического строительства. Всей своей работой XIX съезд ВЛКСМ рапортует партии о славных делах советской молодежи.

Фронт работ, где молодежь является застрельщиком, необъятен, его адрес — весь наш Советский Союз. Есть особая закономерность в том, что все важнейшие стройки страны, жизненно необходимые народному хозяйству, объявлены ударными комсомольскими.

Свежее дыхание тайги внесли в зал делегаты-бамовцы. Когда-нибудь, в этом нет сомнения, будет создана монументальная летопись крупнейшей магистрали мира, и бамовские страницы станут ровень со славными страницами рождения Комсомольска-на-Амуре, Турксиба, Урало-Кузнецкого угольно-металлургического комплекса. БАМ — это героика современности. Юность штурмует реки, сооружает туннели, основывает города, пробуждает к жизни веками дремавшие просторы Сибири.

Адрес другой крупнейшей стройки — тоже Сибирь, тюменщина. Вроде бы будничную работу выполняют молодые руки: прокладывают газы и нефтяные магистрали, бурят скважины, строят дома. Внешне будничная, а по сути своей — планетарная. Тюменский газ своим живительным теплом дает новые импульсы сердцу отечественной экономики, он приходит испланцем дружбы в социалистические страны, он, наконец, действует, и весьма благотворно, в пользу международной разрядки, в пользу мира.

На примере тюменщины видно, как наполняется новым содержанием зовущее слово «романтика». В тридцатых годах на Магнитке родились вот эти строки, обращенные к молодым энтузиастам:

По 34 часа без смены

В застывшую землю вы клинья вгоняли.

И воля к победе была неизменна!

Вы сами, как клинья, были из стали.

Суровая политическая и экономическая необходимость диктовала тогда щедрый расход мускульной энергии. Страна, поднимающаяся из пепла послевоенной разрухи, могла предоставить лишь лопату вместо экскаватора, тачку или, в лучшем случае, повозку на конной тяге взамен автомашины.

Но когда уже в наши дни, на тюменщине, один из руководителей стал воспевать романтику лишений, молодой мастер-строитель выступил с гневной отповедью: «Если краны и экскаваторы стоят из-за разгильдяя снабженца, а крановщик и экскаваторщик «преодолевают трудности» с совковыми лопатами в руках — мерси за такую романтику!» Романтика костров по-прежнему живет в молодой душе, но она включает в себя и строгий инженерный расчет, умение с минимальной затратой средств и времени достичь наибольших результатов. А результаты эти огромны. Тюменская областная организация ВЛКСМ одна из немногих в стране удостоена высокой государственной награды — ордена Трудового Красного Знамени. Формулировка Указа чеканна — за большие заслуги комсомольцев и молодежи в освоении нефтяных и газовых месторождений, активную работу по воспитанию молодежи.

В общенародную копилку дел к XIX съезду комсомола внесла свой трудовой пай комсомольца Урала. В ряду правофланговых предсезонного соревнования шли комсомольцы одного из прославленных предприятий нашего края — Уралвагонзавода. Молодые тагильчане бросили клич-призыв ко всей молодежи области: «XIX съезду — наш комсомольский эшелон». Вагоны для этого эшелона сделаны из экономленного металла, изготовлены во вне-рабочее время. Эшелон совершит агитационный рейс — маршрут по крупнейшим городам области.

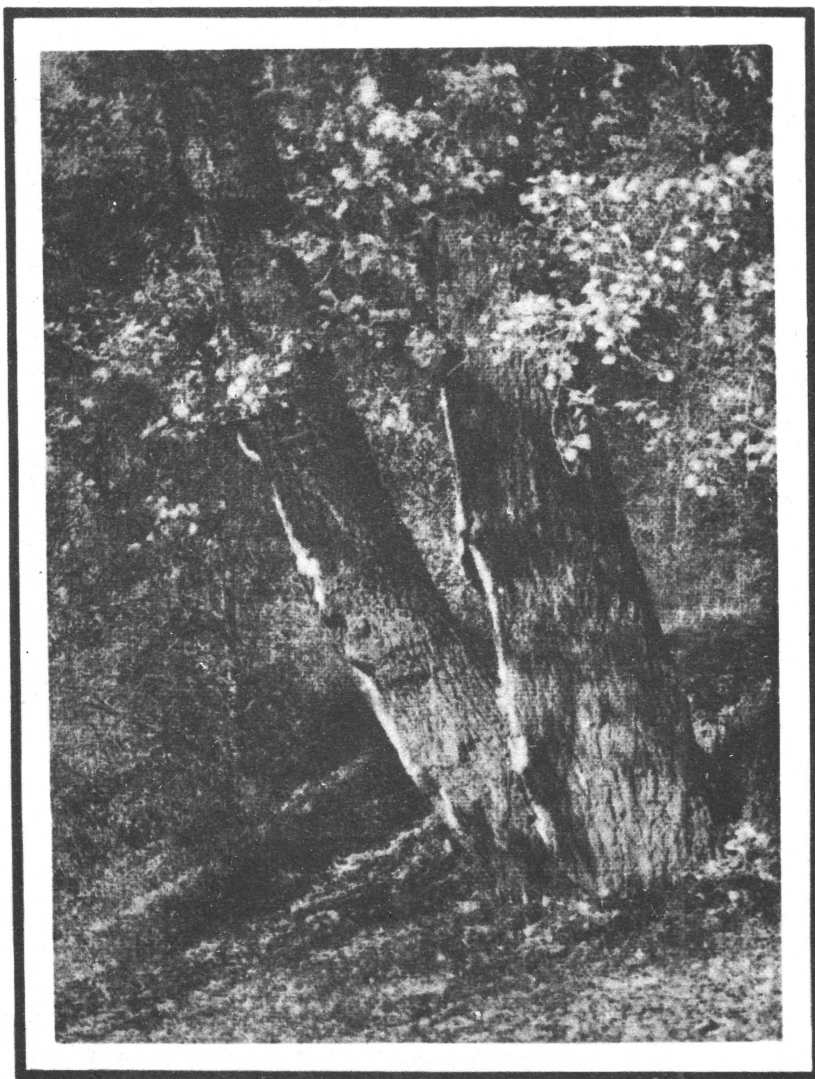
Инициатива рождает инициативу. Свердловская область, как известно, одна из родоначальниц широкого движения за увеличение выпуска товаров народного потребления. Вот и родилась мысль нагрузить вагоны комсомольского эшелона товарами широкого спроса, изготовленными сверх плана руками молодых. Слово «нагрузить» в данном случае условное, но подсчет продукции реальный, статистически точный. Каменск-Уральский горком комсомола, например, еще в начале года, тщательно взвесив свои возможности, отбил телеграмму: «Готовьте три вагона для нашей продукции».

Эшелоны леса, угля, зерна, металла, хлопка... Сотни километров газовых магистралей... Кварталы жилых домов, школы и клубы... Новые песни, книги, картины... Все лучшее, что создано руками, умом и энергией молодых за последние годы, нашло свое концентрированное выражение в работе XIX съезда — съезда молодых строителей коммунизма.

На снимке первой страницы вкладки:

так рождался сверхплановый эшелон молодых тагильчан из шестидесяти большегрузных вагонов.

Если б родину люди себе
выбирали,
Я бы выбрал вот эти зеленые
дали,
Нараспашку открытые за
перевалом,
С этих горных вершин, что зовутся
Уралом.

Если б каждому выбрать велели
наследство,
Я бы выбрал не деньги, я выбрал
бы детство,
Я бы выбрал, чтоб эта прекрасная
малость
Под зеленым шатром никогда не
кончалась.

Если б каждому было дано
повториться,
Я бы выбрал — березою белой
родиться,
Я бы выбрал — стоять на высоком
яру
И следить рысаков молодую игру.

Давид ЛИВШИЦ

Фото П. Щербакова, В. Гунькова (г. Оренбург),
В. Тверитина (г. Курган)

ПЯТЬ ДНЕЙ ШЕСТЬ ЛЕТ СПУСТЯ

Сергей
КРАПИВИН

Рисунки
С. Сухова

Повесть

Часть вторая

Луна запуталась в облаках, радостно высочила из них, посветила мимоходом на крыши вагонов мчавшегося внизу поезда и снова ушла в тучу, так и не подарив ни лучика света темному бору, разрезанному надвое железнодорожным полотном. По сторонам полотна притаились двое. Слева медведь обирал на склонах насыпи сочную позднюю землянику, безошибочно находя ее в темноте по запаху. Он уже научился не бояться грохота поездов, знал, что от них, кроме шума и вони, вреда не будет. Надо только на несколько секунд зарыть нос в душистую траву, чтобы не слышать отвратительного запаха дыма и горелого масла. А потом без опаски продолжай свое дело.

Справа от насыпи скорчился в кустах человек. Минуту назад он спрыгнул с тормозной площадки заднего вагона и сейчас ощущал ногу, которая побаливала. Простое растяжение? Но резкая боль заставила его охнуть и сесть. В ответ за рельсами испуганно рывкнул медведь. Человек быстро пополз на четвереньках в сторону болота, пытаясь на ходу достать что-то из-за пазухи. Медведь короткими скачками умчался в лес.

Напоминание

Когда участкового перевязали рукавом белой Пашиной кофточки, а широкоплечий умчался на велосипеде в поселок за машиной, Варфоломей вскрикнул:

— Ага, вот и познакомился с Айвенго. Лучшее бы незнакомиться... Он живой?

Он был живой, но лежал совсем тихо. Без сознания. Его сильно ударили сзади по затылку. Наверное, проломил череп. Кровь уже не шла

из-под повязки, но и так ее натекло много и на ковбойку, и на руки всех, кто к нему прикасался. Паша тряслась мелкой дрожью, прижавшись к сосне. Алексей в ужасе думал о том, что смерть может наступить раньше, чем придет машина. Варька продолжал всхлипывать, потом вдруг начал икать.

Автобус примчался быстро. Алексей с изумлением поглядел на майора милиции, который всхлипывал почти как Варька. Мрачно смотрел в окошечко подполковник с синими просветами на погонах. Женщина-врач поддерживала в руках голову Айвенго, которого положили на носилки вниз лицом. Паша так и не могла унять дрожь.

У окраины поселка автобус притормозил — видимо, шофер знал, где живут Мойсеновичи. Вместе с Пашей вылез Алексей. Подполковник не очень дружелюбно спросил:

— А вам куда? Сколько я знаю, Вершинины дальше живут.

Алексей ничего не ответил. Не мог он в таком виде являться к Мите, Соне и Ляльке: брюки, тенниска, руки — все в засохшей крови. Да и успокоиться было нелишне.

Дома Паша вскипятила на керогазе большую кастрюлю воды, напоила Варфоломея чаем с какими-то листьями, пахнущими валерьянкой, и непререкаемо скомандовала — спать. А парнишка и так уже спал за столом: пережитое вымотало из него все силенки.

Потом она поливала Алексею во дворе на руки и голову, снова грела воду, застирывала его одежду, а он сидел на крыльце в старых брюках и пиджаке Ивана и бездумно глядел в темную тихую августовскую ночь. «Ничего себе — тихая!»

За калиткой послышались шаги и нарочитый кашель. Дмитрий. Он погладил Алексея по плечу и тихонько проговорил:

— Айвенго в сознание приходил. Ненадолго. Говорит, ударил его тот, за которым он шел. Спрятался после поворота, пропустил мимо и уда-

рил. Значит, знал, что милиционер. В ките, говорит, какой-то...

— И с чемоданом,— добавил Алексей.— Видели мы его, нас он тоже обогнал. Почему его сразу на разезде не взяли?

Дмитрий замялся.

— Спрашивал я об этом подполковника. Хотели проследить, за чем идет в Красовщину.

Алексей горько усмехнулся.

— Вот и проследили. Ищи ветра в поле.

— Да нет, на дороге имеется еще один товарищ. Ему участковый и должен был передать свою эстафету... Лейтенант Харламов, тот, что на велосипеде страховал участкового, но на какую-то минуту опоздал. Сейчас, как мальчишка, ревет в больнице.

— Лешенька, ты где? — испуганно крикнула с крыльца Паша.— Все готово, иди переодевайся.

Дмитрий Петрович тихонько хмыкнул и протянул брату ключ:

— Кончай свои дела и иди домой. Не звони, чтобы женщин не будить.

— Соня здорово волнуется?

— Ничуть не волнуется, раз передали, что ты здесь сошел. Правильно, говорит, не оставлять же ему после всего Пашу и Варьку одних... Вот так-то. Завтра, то есть уже сегодня, мы с тобой в Гродно прокатимся. Мне в обком надо, а ты — куда там захочешь. Так что торопись выспаться.

Особняк с подземельем

«Победа» промчалась по заречной улице Пограничников, миновала мост через Неман и остановилась на углу Советской и Замковой. Дмитрий Петрович сказал:

— Мне отсюда до обкома два шага, а вас, ребята,— младший брат упросил взять в Гродно и Варьку,— водитель отвезет к Голубу. Там и встретимся вечером.

На зеленой и тихой улице Лермонтова стояли небольшие двухэтажные коттеджи. На балконе одного из них сидел в кресле-качалке мальчик. Увидев вышедших из машины Алексея и Варьку, он крикнул в комнату:

— Мама, мы туда не поедем, он сам приехал!..

Алексей узнал своего соседа по купе — строго Мирослава. Сразу же выглянула и Татьяна Григорьевна.

— О господи! Без предупреждения!.. Антон, гости!

По довольно хрупкой лестнице молодые люди поднялись на второй этаж, и Варфоломей сразу оробел при виде большого цветастого ковра на полу. Такого он еще не видел.

— Ты чего это, хлопец, растерялся,— добродушно подтолкнул его за плечи усатый хозяин.— Бери пример со своего старшего брата. Иван в

сорок четвертом добрался до самого Пантелеймона Кондратьевича Пономаренко, начальника всех белорусских партизан. Тот уже первым секретарем ЦК был в Минске, а ковры там, думаю, побольше этого. Так наш Иван протопал по ним мимо всех помощников и секретарей и предстал, как был, в прожженной телогрейке пред очи нашего дорогого партизанского генерала...

Алексей залюбовался цветной фотографией бравого воздушного десантника. Узнал Михась лишь по упрямому квадратному лбу.

— От командования части пришло благодарственное письмо,— с горделивой ноткой сообщил отец.— Что-то учудил в небесах Михась. Кажется, принял на свой парашют другого солдата: у того не раскрылся этот чертов зонтик... Не люблю я их профессию. За миллион не полезу на облака.

— Вы ему не верьте! — возмутился Мирослав.— Он сам прыгал! Или ты врал, папка?

Антон Сергеевич прикрыл ладонью рот сынишки.

— Нельзя так отцу говорить! Не столько я прыгал, сколько меня спихнули без всякой церемонии. Костры, видишь ли, появились под крылом... Не шутейное дело скакать в темноту вниз головой, а потом целый километр болтаться на каких-то веревочках. Нет, я уж лучше по матушке-земле...

Алексей поинтересовался, не общался ли Михась до ухода в армию со Станиславом Мигурским, здешним пареньком и их ровесником, и что вообще о таком известно?

Антон Сергеевич немножко поразмышлял.

— Мигурского что-то не помню, хотя фамилия мне известна... А! Однажды Михась рассказывал, что катался с ним на пароходе. А почему именно на пароходе — не знаю.

До обеда Алексей с Варькой решили прогуляться по городу. Прошли мимо костелов на площади, прошагали мост, за рекой Алексей без труда нашел улицу, где стоял бывший особнячок Шпилевских. Вон он, и сейчас стоит целехонький.

— Знаешь, Варфоломей, в этом дворе вон под тем сарайчиком есть тайное подземелье. А от него идет подземный ход.

— Что я — маленький? — шмыгнул носом Варька.— Сказки из кино рассказываешь...

— А вот и не сказки,— воодушевился Алексей, но вдруг замолк.

Из дома вышел худощавый невысокий парень в матросской тельняшке и необъятных брюках-клев. Он на ходу что-то дожевывал и потому невнятно спросил их: «Гам гого?»

Алексей прищурился. Голос, конечно, не тот — мужественный голос. Никаких усиков, разумеется, тогда тоже не было. Но глаза-то годам не подчиняются. Вот они — те самые, карие и мохнатые. Он скорчил свирепую рожу:

— Гам не гого, а возвращай раков, которых добрые люди тебе одолжили в больнице. Ишь,

исцелился, усы завел... Может, и «Яблочко» пляшешь?

Варька решил, что назревает драка. И почти не ошибся: Алексей и неизвестный матрос сшиблись в жестоком объятии.

— Лешка, дружище, какими судьбами?!

— Здорово, морской чертушка! Ты и вправду, Стаська, здоров?

Варька сплунул и бесцеремонно отправился во двор поглядеть на таинственный сарай с под-земельем. Пока эти будут по-девичночь обниматься...

Они больше не обнимались, а просто не могли наговориться. Сейчас им казалось, что месяц, прожитый вместе шесть лет назад, был чуть ли не эпохой в их жизни. Уму непостижимо, сколько событий тогда вместилось в тридцать дней.

Потом Станислав рассказал, что второй год после школы работает.

— Здоров-то я здоров, но в армию все-таки пока не берут. Пошел в пароходство: спрашиваю, нужны вам городские чемпионы по плаванию? Отвечают, что им нужны чемпионы палубу драить и на вахте ночью торчать, когда лесовоз через мели идет. В общем, поступил матросом. Доволен. Главное, что при Немане. Ну и заработок — дай боже. Мотоцикл купил. Женился.

Алексей, как маленький, раскрыл рот. В сознании не укладывалось, что недавний хрупкий и хворый Стасик — уже семьянин.

— Кто она?

— Была на пароходе буфетчицей, сейчас в «Поплавке» работает. Пошли!

— Куда?

— Да к ней. Я там всегда обедаю, когда не в плавании. А сегодня у меня вольный день... Да чего тут неудобного? Забирай своего парнишку и потопали. Он кто, кстати?

Алексей коротко пояснил. Стась про себя улыбнулся: «Ага, брат той самой «доярки». Тянется, значит, ниточка...»

Страсти-мордасти

Однако Варьку найти оказалось непросто. Он как исчез в недрах сарая, так больше и не показывался.

— Варфоломей!

Молчание. Парни пошли в сарай. Люк в погреб был открыт. На земляном краю его отчетливо видны следы маленьких сандалий. Нырнул? Выходит, так. Станислав озабоченно потрогал устики.

— Понимаешь, там соседкины припасы стоят. Всякие соленья-варенья. А баба она довольно сварливая, не повезло нам на соседку.

— Да он ничего не тронет, не такой хлопец, — успокоил Алексей.

— Не в том дело. Ты же помнишь, ход от-

сюда ведет прямо на кухню. А вдруг твой напарник решит исследовать его до конца?

Стась как в воду глядел. На крыльце раздался женский визг:

— Милиция! Я те покажу, как лазить по погребам! Я тя научу варенье красть! Милиция!

Поджарая растрепанная тетка цепко держала одной рукой Варфоломея за воротник, а другой упорно пыталась огреть его увесистой поварешкой. Но Варька был не из тех, кто покорно принимает тумаки. Он словно клещами вцепился в ее жилистую руку с уполовником и повис на ней. Когда парни подбежали к крыльцу, парочка уже кубарем катилась по ступенькам.

Разняли. Алексей спрятал за спину дрожащего мальчишку, а Стась попытался разъяснить соседке ситуацию:

— Наш это хлопец, наш, он случайно туда попал, успокойтесь!

— Случайно?! А вчера тоже случайно шебуршало в погребе? Я бы вчера его застукала, да он дал такого стрекача, что лестницу на меня опрокинул. Вон — синяк под коленом. А сегодня — вишь — пожаловал прямо на кухню!

Еле-еле удалось успокоить разгневанную тетку. Они уже были далеко за поворотом, а в ушах все еще раздавался пронзительный голос.

...«Поплавок» был устроен на четырех старых баркасах, сшитых воедино дощатым настилом, и вполне соответствовал своему названию, слегка покачиваясь на тихой прибрежной волне. За буфетной стойкой орудовала пухленькая блондиночка со вздернутым носиком.

— Знакомься, Катя, мой друг Леша, о котором тебе кое-что известно, — объяснил Стась.

— Ой, — пискнула девушка. — А я без укладки!

Она схватилась за белокурые кудряшки под накрахмаленным колпачком, скрылась за занавеской, но через минуту появилась вновь, чинно представилась и сразу осведомилась, чем их угостить. «Мальчику, конечно, мороженое на сладкое, — щебетала она, — а вам советую попробовать угря копченого, только что подвезли снизу на «Черняховском». Ничего против не имеете?» Алексей против угря ничего не имел. Жена Стасика ему понравилась.

— К угрею, конечно, пиво... или вам еще чего-нибудь ради встречи? — хозяйничала Катюша.

— Чего-нибудь! — четко распорядился Стась. — По маленькой.

Они чокнулись «ста граммами» за дружбу, закусили истекающим жиром угрем, потом подняли бокалы пива за расторопную Катюшу. Варфоломей после фирменного блюда «Поплавка» — свиной поджарки — с удовольствием атаковал вазочку с мороженым, поскольку производство этого деликатеса пока не было налажено в его родном поселке.

Стась и Катя ушли за занавеску о чем-то по-

шептаться. Алексей глянул на Варьку и заметил на его лбу созревающую шишку. Все-таки удостоился... Он укоризненно шепнул, имея в виду погреб:

— Ну, чего полез?

Варфоломей от неожиданности выплюнул мороженое:

— А ты бы не полез?! Сам нарасказывал о всяких подземельях да ходах и еще спрашиваешь! А тетка-то совсем сумасшедшая. Видать, сдурела от жадности к своим банкам. Вижу, что-то там в темноте белеет, спичку зажег и аж вспотел. Потому и кинулся бежать не в ту сторону. Вои какую картинку она прилепила к огурцам...

Он вынул из-за пояса скомканную бумажку. Алексей расправил, и на него впечатляюще глянул пустыми глазницами череп с перекрещенными костями. Внизу крупными печатными буквами было написано не менее устрашающее: «Возмездие близко!»

— Стась, иди-ка погляди на художество своей соседки. Охранная грамота для маринадов!

Стась разглядывал бумагу довольно долго. Потрогал усики.

— Д-да, смешно. Но изготовить эти страсти-мордасти соседка не могла. Она неграмотная.

На самый-самый десерт Катюша угостила компанию пластинкой с «Молдаванкой», нежным голоском подтянула: «Ждет тебя до-ро-о-га...» Алексей воспринял это как сигнал ретироваться. По пути домой поговорили о Михасе, об Антоне Голубе. Алексей спросил:

— О четвертом из нашей компании ничего не слыхать? Ну, о Казике Шпилевском?

Станислав фыркнул.

— Если не слыхать, то видать!.. Как раз вчера его встретил. Идет по Ожешковой улице такой пижонистый, в тонкой рубашке, ажно весь светится. Хотел я его окликнуть, да потом разглядел, что он сознательно свою пухлую фотографию от меня воротит. Ну я и прошел мимо. А все шесть лет не встречал. Думал, он в Польше.

— Чего бы ему отворачиваться? — возразил Алексей. — Ну, ссорились иногда, так ведь ребятишками были. Обознался ты, наверное.

Станислав ответил жестко:

— Нет. Я в нем не обозначаюсь. Мне даже его ямочка на подбородке до сих пор снится. Враждовали мы не от ребячества...

Варька, услышав про ямочку на подбородке, вытаращил глаза на Станислава:

— А где вы видели... такого?!

Сокрушение кумиров

Татьяна Григорьевна Голуб не одобрила того, что Алексей с Варькой уже пообедили. И не смиловилась над ними, а заставила активно участвовать в расправе над пышным рыбным пирогом:

«Угорь — мелочь, а вот налим — это вещь!»

Подъехавший из обкома Дмитрий Петрович с минуту разглядывал пирог; а потом пришел к выводу, что быстро с ним не управиться и потому есть смысл отпустить машину на час, другой.

— Да ты позови шофера сюда, — посоветовал Антон.

— Не пойдет. Он принципиальный и спесивый. Ты кто? Подполковник. А он ниже генеральского ранга не признает.

— Чего так высоко?

— погоди, расскажу. Женья! — крикнул он, высовываясь в окно. — До двадцати ноль-ноль свободен. Прокатись куда-нибудь, может, машину где сполоснешь!

Ответом он удостоен не был. Профырчал мотор разворачивающейся «Победы», и все стихло.

— Евгений шофер что надо, — продолжил разговор Дмитрий, — только спутник нудный. У него какая-то шпонка соскочила в голове. Довелось ему в армии возить с годик некоего генерала, с тех пор посовиствует на нас, гражданских.

Антон рассмеялся.

— Встречал и я таких фанаберистых. Только ведь твоя секретарская должность тоже почти что генеральская. Вразуми.

— Должность моя, говоришь? Чихал он на нее, ему звание подавай. А я всего лишь однопросветный капитан запаса. Его генерал таких чуть ли не в багажнике возил. А вразумить... А что, можно попробовать...

Опять провозжала гостей патефонная пластинка, но на этот раз мелодия ни на что не намекала. Марк Бернес пел довоенное «В далекий край товарищ улетает...» В последний момент Татьяна Григорьевна нагрузила Алексея солидной связкой книг.

— Соне пригодятся эти книги.

Алексей мельком проглядел корешки: Круицкая, Ушинский, Макаренко и даже Песталоцци. От такого подарка он бы и сам не отказался. Варфоломею был вручен Антоном Сергеевичем перочинный нож с четырех лезвиях.

— Держи, партизанский питомец! Без нужды не вынимай, без славы не вкладывай.

— Не выну, не вложу, — абсолютно серьезно пообещал Варька. — Мне давно такой надо, чтобы с кривым кончиком. Я вам вырежу Айвенго из ясеня.

— О! — восхитился Голуб. — Ясеньвый бюст при жизни. Он, пожалуй, заслужил.

Снова замелькали городские пригороды, а затем начались по обе стороны булыжного шоссе и нескончаемые леса. Неожиданно Дмитрий запел вполголоса:

Стоит угрюмый лес,
задумался и ждет...

У него был мягкий баритон, легко справившийся с широкой, торжественно-печальной мелодией.

...Там человек металлом
в камень бьет.
Вперед, друзья,
вперед, вперед, вперед!

— Митя, что за песня? — очень тихо спросил Алексей.

— Не слышал? Это песня старых политкаторжан, — так же тихо ответил брат. — Есть вещи слова:

...По капле кровь его
в тайге тропу пробьет.
Вперед, друзья,
вперед, вперед, вперед!

Чубатый Женя назидательно изрек:

— Мой гвардии генерал-майор, когда из гостей ехал, песни пел сплошь веселые. Была у него любимая: «Эх, Андрюша, нам ли быть в печали!» Андрей Ипполитовичем его звали.

— Кстати, о генералах! — вдруг громко сказал Дмитрий и кашлянул. Алексей глянул на него в зеркальце: брат коварно подмигивал. — Подходил ко мне сегодня в обкоме командующий армией, генерал-полковник. На коньячок звал домой после бюро, да я ему напомнил, что не люблю коньяк — у меня к нему аллергия. Ну тогда, говорит, моя Ксения тебя домашней вишнежкой угостит. Она, говорит, все вспоминает, как ты с ней мазурку плясал на рожденьи внука.

— По... посетили товарища генерал-полковника? — с почтительным придыханием спросил Женя.

— Так некогда же было, пирог ждал у Татьяны. Пообещал в следующий раз навестить старика.

— Помню я его, — включился Алексей, — по прошлому приезду. Ты его все на биллиарде громил, частенько приходилось ему нырять под стол.

— Сегодня я его в гости пригласил — сезон на уток начинается. Правда, стреляет он довольно дрянненько. Вообще генералы редко хорошо стреляют — разучиваются.

— Так ты потренируй его, — посоветовал Алексей, — ты же снайпер был на весь фронт.

Шофер осторожно скосил глаза на своего шефа в легкомысленной пестрой распахонке. А Дмитрий безжалостно продолжал:

— Кстати, о снайперстве. Оказывается, маршал меня не забыл: генерал от него привет передавал сегодня.

— Еще бы ему забыть! — хмыкнул младший Вершинин. — Маршал же лично орден тебе вручал.

— Какой маршал? — опять на придыхании спросил Женя.

— Один у нас был маршал на Втором Белорусском: Константин Константинович, — равнодушным голосом пояснил Дмитрий.

Машина уже шла просто по инерции. Женя сидел боком — само почтение.

Перегной

Переехавшая в начале 1946 года в Польшу семья Шпилевских задержалась здесь недолго. Народные власти без особого восторга встретили пана Августа, выдворенного из советской страны, как стало известно, за весьма и весьма неблагоприятную деятельность. Уличенный вскоре в крупной спекуляции золотом и алмазами на Познанском черном рынке, пан Август не стал дожидаться повестки к следователю, а мобилизовал остатки валюты, наплевал на подписку о невыезде и через Балтику уплыл с семейством в Лондон, под крылышко печально знаменитого эмигрантского правительства. Был удостоен личного приема у его главы Миколайчика, где достойно расписал свои кратковременные контакты с «лесными братьями». В его интерпретации банда Бородатого оказалась чуть ли не регулярной частью любезной сердцу Миколайчика «Армии Крайовой» — оплота борьбы против большевизма.

К этому времени польское эмигрантское правительство, никого собой не представлявшее, порядочно надоело британским властям и питалось уже в основном разовыми подачками «Интеллидженс сервис». В апартаментах лидеров эмигрантского правительства слонялись десятки типов — бывшие земельные магнаты и банкиры, адвокаты и миллионщики, служаки генерала Андерса, опозорившего польский военный мундир отказом сражаться с фашистами на советско-германском фронте. Они стыдливо пробрались в туманный Альбион через Иран и преспокойно получали здесь английские пайки, пока их братья по крови отважно сражались за свою родину в рядах созданного на советской земле Войска Польского.

К мундирной категории дармоедов-эмигрантов и было приковано пристальное внимание «Интеллидженс сервис». Как-никак майоры и ротмистры, поручики и хорунжие умели держать в руках оружие и выполнять воинские команды. Они заполнили классы и тренировочные полигоны разведшкол. Особенно много их оказалось здесь после воинственной фултонской речи Черчилля в 1946 году. И вскоре десятки агентов британской секретной службы польской национальности были заброшены в Прибалтику, в западные районы Украины и Белоруссии. Явочных квартир им здесь хватало: родственники и друзья в городах и селах, единомышленники в лесах и болотах из числа недобитых буржуазных националистов.

Но большинству агентов из числа выкормишей Миколайчика и андерсовцев был уготован быстрый и сокрушительный провал. Вгрызались в почву и довольно долго вредили такие типы, как Могилевский — «Дударь». Однако это была американская агентура, подготовленная по другой методе и из другого сырья. Конкурирующая «Интеллидженс сервис» вынуждена была в конце кон-

цов взять на свое вооружение ту же методику, больше того, решила перещегоолять заокеанских коллег новизной приемов в подборе и обучении разведчиков, брать на службу молодых, которые не были скомпрометированы сотрудничеством с гитлеровцами и потому не оставили за собою следа. Вместе с тем, они должны были безупречно знать местные языки, обычаи, жизненный уклад — вплоть до таких мелочей, например, что «там», на Востоке, принято в застолье чокаться рюмкой, а не поднимать ее с кличем «прозит!» салонным жестом... Так в поле зрения английской разведки попали старшие дети эмигрантов.

Безудержная фантазия пана Августа насчет энергичного участия в вооруженном подполье имела следствием то, что он получил патент на содержание часовой мастерской, а его семнадцатилетний сын Казимир был определен на казенный кошт в частный университет на славянский факультет. Потекла довольно сытая жизнь лондонских обывателей.

Сначала Казимиру нелегко было учиться и дышать университетским воздухом: он почти не знал английского языка. Это вызывало насмешки однокурсников, вконец испортивших болезненно самолюбивый характер парня. В отместку недоброжелателям он стал напористо изучать бокс, всерьез занялся гимнастикой, сбросил до последней унции прежние жировые отложения, и уже через год редко кто осмеливался поддразнить его в разговоре. Следовал короткий «хук», и обидчик попадал в нокаут. Однажды его даже исключили за драчливость, но пан Август куда-то отнес уникальные настольные часы викторианской эпохи, и Казимира восстановили. И пополнилась бы через пару лет бесчисленная армия лондонских клерков в белых воротничках еще одним собратом, не попади пан Август под колеса двухэтажного столичного автобуса.

Казимир пошел по знакомому адресу в унылый особняк агонизирующего эмигрантского правительствa с целью попросить денег на похороны отца. Он получил пять фунтов стерлингов на оплату катафалка и ксендза, а заодно сообщение о прекращении выплаты средств на университет. Глубоко удрученный и одновременно взбешенный, Казимир спустился в вестибюль и здесь услышал ворчливый голос швейцара:

— Нех млоды пан лучше вытирает обувь, я не каторжный вылизывать эту английскую слякоть.

Не раздумывая, Казимир дал ему основательного пинка и тут же был схвачен за плечо. Коренастый человек средних лет сказал ему по-польски, но с лондонским акцентом:

— Может быть, юный пан меня пожелает ударить вместо старика?..

Не дослушав, Казимир вкатил ему молниеносный прямой слева. Тот устоял, но отскочил и издала произнес:

— О-отлично! Где учились?

— Сейчас покажу! — остервенел парень и снова кинулся на незнакомца, но через секунду уже стоял в углу с вывернутыми назад руками. Так произошел его первый контакт с джентльменом из «Интеллидженс сервис», нередко навывавшимся к Миколайчику в поисках «свеженького материала».

Буточик раскрылся

Через месяц после многочисленных бесед и проверок Казимир был увезен из дымного Лондона в северную Шотландию, в бывшее имение богатого лендлорда с многомильным охотничьим парком, похожим на лес. Перед смертью лендлорд завещал свои владения британской короне «для умножения ее могущества». Сейчас все везды в имение были перекрыты шлагбаумами и автоматами часовых.

Вот здесь, в диверсионно-разведывательной школе, молодой Шпилевский развернулся вовсю. Здесь он был не парией, как в университете, а признанным лидером курсантов. Хорошее знание русского, польского и белорусского языков, а также вполне приличное — немецкого делало его перспективным кандидатом на ответственное задание. Очень пригодился бокс, помноженный в стенах школы на джиу-джитсу и каратэ. Но его долго пришлось учить хладнокровию и терпеливости, поскольку вспыльчивость и импульсивность категорически противопоказаны агенту.

К своему двадцатилетию это был натренированный физически и технически выпускник секретного учебного заведения. Он пробегал стометровку за одиннадцать секунд, мог в обмундировании перепрыгнуть четырехметровый ров, взвиться с шестом на высоту четырех ярдов, имея за спиной рюкзак со снаряжением; умел молниеносно стрелять назад из-под руки и попадать за пятьдесят шагов в подброшенную фуражку. Ну а плавал он и в детстве неплохо.

Какой политический багаж уместился в его молодой голове? Скучный, но компактный: ненависть к той жизни, где у власти стоят «хлопы», а богатство не дает привилегий. Когда само это богатство не разрешают наживать. Когда проповедуют дурацкое общее равенство. Какое у него может быть равенство с деревенским навозным трудягой или закопченным сталеваром, если к двадцати годам он уже почти супермен: разбегает в машине, имеет солдата для услуг, может любого из встречных уложить одним пальцем, а после экзаменов на него будет открыт персональный счет в банке?

Эта ненависть, всемерно поощряемая в школе, иногда трансформировалась у Казимира во вполне конкретные образы. Его охватывала, на-

пример, злоба при каждом воспоминании о слухах детства в далеком городе Гродно. Его осмеливался бить своей грязной рукой оборванец Михась — лишь потому, что к власти пришли рабочие и батраки. Нищий Стась всячески третировал его на том же основании, заезжий Лешка открыто презирал. И все — из-за его холеной кожи, упитанного тела, мягких курчавых волос, заботливо ухоженных рукой прислуги.

Это они отобрали у семьи Шпилевских собственный дом, заставили ее скитаться. Ну, он им еще покажет равенство!..

Правда, с экзаменами вышла небольшая осечка: так и не удалось наставникам выработать в нем всех качеств агента-универсала. В ходе «преддипломной практики», во время пробной заброски в Литву, он допустил серьезные промахи.

Ему надо было проникнуть в уцелевший лесной лагерь контрреволюционных «повстанцев» и поднять их дух операцией по взрыву шоссе моста на важной магистрали. Он вез новейшие мины, питание к рации, усовершенствованное личное оружие и, главное, большую сумму советских денег.

Быстроходный катер доставил пассажира из Швеции в прибрежные воды. Здесь Шпилевский погрузился в бесшумную резиновую лодку и благополучно причалил в условленном по радио месте.

Но дальше все пошло не по задуманному начальством. Через несколько дней он крепко повздорил с «лесными братьями», которые сильно раздражали его своей тупостью, вшивостью и жадностью: чуть не передрались из-за сотенных купюр. А ведь ему предстояло жить среди этого сброда да еще руководить ими. Нет, он не вынесет! Однако вернуться, совсем не выполнив задание, было равносильно пуле в собственный лоб. Он бесследно исчезнет не только из поместья лендлорда, но, вероятно, и из жизни. При самом оптимальном варианте окажется сезонным рабочим где-нибудь в Новой Зеландии...

Он попросту плюнул на своих одичавших соратников, однажды вечером выбрался один из леса в одежде монтера, а к сумеркам был у заветного моста через реку. Здесь он понаблюдал с полчаса за поведением пожилого постового из военизированной охраны. Убедился, что тот никак не реагирует на проходящие по мосту машины, а просто глядит на воду или отсиживается в будочке, и пошел прямо к часовому. Тот увидел монтерские «когти» и пояс, приветливо улыбнулся, но удостоверения все-таки спросил.

Больше он ничего не спросил, беззвучно полетев в воду со сломанными шейными позвонками. А диверсант установил одну мину прямо под сторожевой будкой, вторую — в теле главной опоры, куда спустился с помощью тех же «когтей», третью — у противоположного въезда на мост. Срок действия часового механизма — пол-

часа: За это время он «проголосовал» перед самосвалом, идущим в Клайпеду, ровно через тридцать минут затылком воспринял эхо далекого взрыва и попросил остановить машину у первого хутора.

Транспорт на шоссе вскоре стали осматривать разные спецслужбы, и Шпилевский справедливо предположил, что фигура монтера с инструментом им уже известна. Поэтому он закопал робу и «когти» в копну сена, а сам, нахально сидя на бровке в легком спортивном костюме и туристских кедах, принялся завтракать колбасой и хлебом. Трижды подлетали к нему мотоциклы для проверки документов, и столько же раз он предьявлял безупречно изготовленный студенческий билет Гродненского пединститута. Один дотошный проверяющий поинтересовался:

— В общежитии живете, на Ожешко?

— Нет, у хозяйки. На Подольной.

— А, знаю, бывал. Около пивзавода.

— Да не около, — улыбнулся Казимир. — Мой восемьдесят седьмой номер в другом конце улицы.

Когда суматоха на шоссе стихла, он приехал на попутке в Клайпеду, зашел, как и положено студенту-туристу, в городской и портный музей и вот тут впервые ощутил, как плохо не иметь явки в незнакомом городе. Клайпеда вообще не входила в его маршрут, и он знал, что от руководства ему здорово попадет за самостоятельность, но уж слишком тянуло его море как единственный путь к возвращению на берега Шотландии.

Да, связи и явок не было, но были деньги. Двадцать тысяч рублей лежали в целлофане между двойными стенками фляги, под стельками кедров, в рукоятке складного ножа. И он нашел им применение в припортовом районе, где немало болталось в те годы всякой сомнительной публики. На дне рыболовного баркаса его вывезли за пределы территориальных вод...

Начальству он доложил, что «шоссейное» задание выполнил и готов справиться с десятком таких дел, но пусть его уволят от сотрудничества с типами, подобными обитателям бункера. Он чувствовал в себе силы и дар действовать самым решительным образом, но только в одиночку. Это, конечно, не исключает необходимости иметь явки и помощников на местах.

Что ж, агент-одиночка тоже предусмотрен штатным расписанием разведслужб. Под таким ракурсом и стали в дальнейшей готовить Шпилевского. Но на экзамене выпускной балл был все-таки снижен — за самовольство в контрольной прибалтийской акции.

Тем не менее он по-прежнему находился в фаворе, и следующему его заданию придавалось особое значение. Пришлось даже обратиться к услугам американской разведки, поскольку ячейки агентурных сетей в данном случае переплелись...

Богиня на парном молоке

Август — по-белорусски «жнивень». Жнут хлеба. Но бывает, что в первой декаде месяца уже заканчивают уборку: все зависит от лета, щедрости солнца и количества дождей. Нынешнее лето выдалось, что называется, милостью божьей. С мая по июль стояла ровная жаркая погода, в меру перемежаемая теплыми грозowymi дождями без сильных ветров и града. Густые ровные хлеба поспели невиданно рано, и уже двадцать пятого июля в Красовичине сравили «зайки» — сжали первый сноп и по вековой традиции водили вокруг него хороводы. Потом сноп установили в колхозной конторе.

А сейчас он ожидал для себя напарника — последний сноп урожая. Подошли «дожинки». Отметить их широко предполагалось по нескольким уважительным причинам. Колхоз «Партизанская слава» первым в районе провел зимой укрупнение и первым собрал сейчас хлеба с площади почти в тысячу гектаров. На широких массивах оказалось удобно применить новейшие приемы земледелия, например, подкормку посевов с самолета. Из многих деревень приходил народ смотреть, как юркие «кукурузники» сыплют с неба на поле разноцветные минеральные удобрения.

И опять же впервые использовали на уборке в едином кулаке сразу шесть комбайнов. Стальной отряд могучих машин за пять дней скошил и обмолотил все озимые хлеба. Конными жатками и серпами пришлось только обкашивать закраины. Самое же главное, контрольное взвешивание показало немислимый прежде в здешних местах урожай: по двадцать центнеров зерна с гектара. Сто двадцать с половиной пудов — такое и не снилось мужику-единоличнику.

...Председатель колхоза Иван Григорьевич Мойсенович и члены правления в пятницу третьего августа сидели в конторе, обсуждая план проведения праздника. Ожидались многочисленные гости, в том числе из обкома и облисполкома, чтобы вручить колхозу переходящее Красное знамя, завоеванное в соревновании на уборке. Не исключался приезд самого секретаря обкома — человека в республике легендарного, отважного героя подпольной борьбы в Западной Белоруссии еще в предвоенные годы. Его имя было известно любому крестьянину. Подвиг этого человека, казнившего своей рукой подлого провокатора прямо на судебном процессе в Вильне, где тот давал показания против арестованных коммунистов, прогремел тогда по всему миру. И мир поднялся против смертного приговора, вынесенного белополюским судом тяжело раненному революционеру, схваченному у здания суда. Устрашенные всенародным гневом, власти не посмели казнить патриота, а приход Красной Армии в тридцать девятом году избавил его от пожизненной каторги.

Вот такого гостя надеялись увидеть в «Партизанской славе». Прибывала большая делегация колхозников соседней братской Литвы: предстояла взаимопроверка выполнения договора о соревновании. Съезжались руководители и передовики всех колхозов района. Ясно было, что не минуют такое событие корреспонденты газет и радио. Наконец, областная филармония присылала большую труппу артистов.

Руководители колхоза сбились с ног в своих многочисленных и радостных заботах. Намечалось после торжественного митинга всем участникам отправиться на поле, где лучший комбайнер скошит последнюю делянку ржи, и зерно из его бункера ляжет в ярко украшенный кузов автомашины последним плановым хлебом Родине.

К этому кульминационному моменту оркестр местной средней школы уже целую неделю разучивал днями и ночами разные торжественные мелодии, чем доводил до умопомрачения деревенских петухов: самостоятельно они уже не кукарекали, а обязательно ждали сигнала трубы и только тогда горлаисто включались в общую какофонию звуков. Трех петухов уже прирезали из-за их безнадежной испорченности.

Предметом гордости оркестрантов являлся новенький саксофон, но директор школы временно запретил его употребление. По жалобе заведующего фермой. Дело в том, что саксофонные рывдания угнетающе действовали на племенного быка Геринга. Он скорбно ложился на подстилку, начинал мелко вздрагивать всей тушей и вообще надолго терял всякую форму вожака коровьего стада.

Но какой праздник может быть без ярких плакатов и мобилизующих лозунгов? В клубе между тем не висело ни одного приличествующего моменту лозунга. Не было и приветственных транспарантов над въездной аркой у паромы через Неман. Трибуна на сельской площади сиротливо выпячивала голые дощатые бока. А художники в деревне имелись, однако председатель отмахивался от услуг доморощенных живописцев. Сегодня на правлении он опять отшел в сторону тревожных напоминания.

— Ясно вам сказано, что художник будет! Специалист, а не мазила. Вот бумага, если не верите.

На официальном бланке со штампом «Областные художественно-оформительские мастерские» значилось: «Сообщаем, что согласно заключенному договору от 15 июля 1951 г. к вам командирован не позднее 3 августа художник-оформитель Слуцкий Лев Самуилович. До этого срока вам надлежит перечислить на наш текущий счет сумму, обусловленную договором».

— Бухгалтер, деньги перечислены? Ну, значит, порядок. Видите, не позднее третьего числа... А третье еще не кончилось, к вечеру явится этот Лев. И с ходу подключим его к делу. Краски есть,

олифа есть, красное полотно имеется, всякие там гвоздики-шурупчики тоже найдутся.

— И двух помощников я тоже буду иметь? — спросил от порога незнакомый голос.

Там стоял незаметно вошедший розовощекий молодой человек с курчавой шевелюрой и в дружелюбной улыбке продемонстрировал свои золотые зубы. Он поставил чемоданчик у порога и сейчас рылся в кармане многоскладчатой вельветовой куртки. Потом подошел к Мойсеновичу.

— Я — Лев Слуцкий из худмастерских, вот мое командировочное удостоверение. Вот и личное, если желаете. Что мне требуется? Простор, воздух, ваши соображения, если они есть, а также парное молоко.

— Молоком хоть залейтесь, этого добра хватит, — улыбнулся Иван Григорьевич. — Коров подают, и пойдем ужинать.

— Я не о том. Я не пью парное молоко, хотя пью все другое, кроме теплого керосина. А молоком я развожу краски. Это придает красному колеру нежный оттенок девичьего румянца. Видели в городе панно у почты, где девушка выиграла на облигацию автомобиль и предлагает его жещиху в приданое? Ну так это моя девушка. Через два часа вы будете иметь такую же богиню, и она протянет с фронтона арки навстречу вашим гостям сдобный хлеб-соль.

— Гм! — крикнул председатель. — Мы думаем это сделать, так сказать, наяву.

— И делайте на здоровье! Хотя подозреваю, что его засунут в какой-нибудь ответственный багажник и забудут через десять или даже через пять минут. А моя девушка целый праздник будет с высоты напоминать гостям о вашем гостеприимстве.

Когда художник в сопровождении парторга ушел, скромно сидевший в уголке лысоватый мужчина попросил у Мойсеновича документы Слуцкого.

— Соответствуют? — спросил председатель.

— Тютелька в тютельку. Но перепроверить не лишнее. Закажите-ка по срочному Гродно, номер телефона мастерской указан на их бланке.

Вскоре он объяснил в трубку:

— Это из колхоза «Партизанская слава». Ждем вашего посланца. Выехал? Хорошо. Мы его собираемся встретить на станции, так как он выглядит, чтобы не разминуться? Золотые зубы? Так. А волосы какие? Курчавые. Запомним. В чем одет, говорите? А что это такое — толстовка? А-а, куртка широкая. Ну и спасибо. Встретим... Все сходится, — сказал лысоватый, повесив трубку. — Жалко, что пельзя было спросить, почему у него заклеен марлечкой подбородок.

— Велика загадка! Брился да порезался — и все дела. Весе-е-лый парень!..

Веселый парень снова заглянул в контору:

— Нашел двух помощников, уже натягивают материал на подрамник. Но я с жалобой...

— Успели обидеть? — помрачнел председатель.

— А много ли ума надо обидеть скромного заезжего художника! Он сидит себе в своей дурацкой лодке и какие-то нитки из воды мотает. Я кричу ему чуть не в ухо: перевези через реку, раз паром пока не идет, а он все себе мотает и спину на меня показывает. Бросил в него легонечко песком, а он схватил со дна жменю камней — и в меня будто шрапнелью. Видите: траumu оставил!

— До праздника заживет, — радушно заулыбался Иван Григорьевич. — А обижаться на того грубияна ни к чему: он глухонемой.

Художник растерянно уставился на Мойсеновича.

— Хе! Совсем-таки глухонемой? Выходит, это я обязан принести ему свой пардон? Ай-ай, как же я обмшурился!

Позже лысоватый мужчина спросил у Мойсеновича:

— Это какой глухонемой, Дударь, что ли? Чего он там делает у парома?

— Одна у старика забота: рыбу ловить. На этот раз для нас поставил переметы. Договорились, что обеспечит гостей ухой. С полнуда рыбешки уже есть.

На том разговор и закончился, собеседники разошлись. Председатель отправился полюбоваться делами веселого Льва Слуцкого, а капитан госбезопасности Михаил Андреевич пошел к реке встретить своего коллегу Юру Харламова.

Сапфир и рубин

Капитан дождался его у спуска к паромной переправе и прежде всего спросил:

— Правда, что участковый опять приходил в сознание?

— Точно. И опять на минуту. Как сестра ни загораживала его от Василия Кондратьевича, узнал Айвенго нашего старика и успел сказать... Вот, Василий Кондратьевич дословно все записал, даже с точками. Это когда хрипел Айвенго. «Падал... обернулся... чемо... ца... цара...» И все — снова потерял память.

Выходило, что после удара Айвенго сохранил искру сознания, раз помнит про чемодан. И про то, что успел повернуться...

— Юра, он как лежал, когда ты нашел его? Навзничь или ничком?

— Ничком, вниз лицом. Это к лучшему, иначе бы в рану на затылке попала грязь.

— А головой куда? Сюда, к Красовщине, или...

— Именно, что «или». Головой вытянулся назад к шоссе. Значит, правильно он шепнул старик: успел повернуться корпусом.

— Кровь могла попасть на преступника?

— Не думаю: тот, конечно, сразу отскочил вбок.

— Та-ак! Ну-ка, покажи еще записку Кондратыча.

...Чемодан, ца-ра... Нет, такому герою любой награды мало! Еле жив был, а старался оставить на чемодане приметку. Но чем он его царапнул, если даже в беспамятстве старается подтолкнуть друзей к своей отметке?

— Юра, может, у него какой ножик был в руке? Или хоть камень?

— Ничего у него не было, я светил фонариком... Стоп! У него кольцо было на пальце...

— Фью-ю! Разглядел его?

— Вот-вот, только до этого мне и было. Руки кровь заливают, а я буду рассматривать финтифлюшку...

Капитан вздохнул и сожалеюще взглянул на младшего коллегу. Кольцо — не финтифлюшка...

— Пойдем-ка звонить, лейтенант. Попробуем упросить эскулапов, чтобы осмотрели кольцо у раненого.

Разговор с главврачом оставил крайне неприятный осадок. Капитан выслушал кое-что насчет служебного рвения не по разуму, а также ядовитый вопрос: не пожелает ли он, чтобы ведущий хирург республике, который в данный момент осматривает больного, пересчитал заодно у пациента количество родинок на теле?

Пришлось звонить Василию Кондратьевичу. Но и тот только вздохнул в трубку:

— Это публика железная, и дай им бог оставаться такими... Есть у раненого близкий друг. Они и рыбу ловят, и купаются вместе. Попробуйте узнать через него.

Так в поле зрения опять попал Варфоломей. Председатель колхоза удивился, узнав, что вполне серьезные люди интересуются его маленьким братишкой: в представлении Ивана Григорьевича тот все еще был несмышленишем. Сам Иван жениться не спешил, жил бобылем на квартире у старухи и только изредка по-домашнему отдыхал, наезжая в райцентр к сестре и брату.

Он удивился, но машину дал. Михаил Андреевич и Юра заверили, что только расспросят кое о чем Варфоломея и сразу вернутся в Красовщину. К парому они спустились уже сквозь богато разукрашенную флажками и хвойными гирляндами арку. Не дремал и Лев Самуилович: на четырех склеенных листах фанеры он создавал монументальное изображение девицы-красавицы, протягивающей гигантский каравай с расписной солонкой на его вершине. Хлеб и соль были выписаны до конца, фигура богини гостеприимства тоже, а вот лицо оставалось пока схематичным.

Но художник не унывал. В гурьбе проходивших с поля девчат он наметанным глазом высмотрел подходящий типаж и моментом уговорил дев-

чонку позировать. Сейчас он внимательнейшим образом изучал черты ее лица, отчего милостивая колхозница покрывалась тем самым румянцем, который Лев Слуцкий упоминал в своем экспромте насчет парного молока.

Юра и Михаил Андреевич полюбовались на это зрелище из открытого кузова «ГАЗ-67» и выехали на мотопаром. Но Юра все поворачивался назад.

— Богиня приглянулась? — пошутил спутник.

— Н-нет. Художник что-то не приглянулся. Где-то я его видел.

— Не мог ты его видеть, он сегодня из города. Проверено.

— ...Даже не его, а вот этот поворот головы. Гляди, он и сейчас на нас вполоборота смотрит.

— Мерещится тебе. Это он на девочку смотрит боковым зрением. Художнический прием. Шустрый парень! Истинно Лев...

Варфоломея они застали только что вернувшимся из поездки в Гродно. Мальчишка был настолько измотан путешествием и переполнен впечатлениями, что никак не реагировал на призывы сестры умыться с дороги. Он устало сидел на крыльце — там, куда его донесли ноги.

В эту минуту и остановился у калитки «козлик». Узнав широкоплечего Юру, Варька кинулся к машине.

— Он живой?!

— Вполне, — ответил Харламов и хотел было даже передать привет от больного, но, сообразив, что вроде бы тогда и незачем было сюда ехать, добавил: — Он только все время спит от лекарств, а нам надо уточнить одну вещь. Помогите нам, пожалуйста.

— Он уже сегодня напомугался! — не на шутку рассердилась Паша. — Неужели не видите, что на ногах не стоит!?

— Девушка, мы на минутку! — взмолился капитан. — Хлопчик, это для Айвенго надо. Что-бы гада того поймать...

Сонливость с Варьки как ветром сдуло.

— Прасковья, уймись! — по-взрослому прикрикнул он на сестру. — Я в машине выпался. Ну чего надо-то?

Они втроем уселись на крыльцо. Михаил Андреевич с учетом обстановки по-военному лаконично и ясно изложил суть дела. Да, Варфоломей, конечно, видел кольцо. Оно тоненькое, а может, кажется таким на толстом пальце. Его почти не видно, но когда Айвенго согнет палец, металл выпирает наружу, и он тогда кольцом обрезает леску. Зачем обрезает? Ну, когда привязываешь крючок, обязательно остается острый кончик волоса, рыба его пугается. И обрезать трудно, он крохотный. А Айвенго чуть надавит ребром кольца, и волосок сразу отскакивает. Еще Айвенго стекло им режет. Варфоломей видел, как участковый однажды своей хозяйке стеклил раму.

Он никаким алмазом не пользовался, а поведет кольцом по листу, и там сразу остается царапина. Надломит — и готово.

— Выходит, в кольце тоже алмаз, — сказал Юра.

— Не-е, — возразил Варфоломей. — Айвенго называл камешек, да я забыл. Их там даже два — побольше и поменьше, чтобы резать стекло разной толщины. Он раз провел сразу двумя по консервной банке с червями, так двойная просечка и образовалась.

— Двойная?

— Ну да. Он говорил, что кольцо ему досталось в память о каком-то партизанине. Тот умирал, ну и... отдал. Как же он называл камень? Ко... Кор...

— Корунд?! — спохватился Михаил Андреевич.

— Точно, он — подтвердил Варфоломей. — Камешки совсем маленькие, один синий, другой красный... А вам зачем все это?

Коллеги переглянулись и откровенно рассказали хлопцу, что своим кольцом Айвенго сделал, видимо, отметку на чемодане преступника. Если действительно двойная, легче будет найти. Варфоломей здорово им помог своим рассказом.

— Может, и еще помогу? — загадочно улыбнулся Варька, забыв уже об усталости. — Вы передайте Айвенго, что того типа, которого мы с ним здесь караулили... ну, со щербинкой на бороде... или похожего на него, вчера видели в городе.

— Все! Спать! — безжалостно сказала в этот момент Паша и повлекла Варьку в дом. — Совесть надо иметь, товарищи.

Капитан только развел руками и направился к машине, но Юра не успокоился. Он выждал, скорчившись под окном, пока Паша пошла к колодцу, и поскребся в раму. Варфоломей упер в стекло нос.

— Кто видел, где, в чем? — горячо зашептал Юра своему нелегальному собеседнику.

— Алексеев друг, — только и успел ответить Варька.

В следующее мгновение лейтенант Харламов постыдно бежал от разгневанной Прасковьи.

Небеса, вода, твердь

Проводив взглядом председательский «козлик», художник Слуцкий быстро закончил сеанс живописи с симпатичной натурщицей и галантно отблагодарил ее, чмокнув в щечку. Потом объявил двум малолетним помощникам, разводившим ему краски, что на сегодня художественные работы завершены: начинает темнеть. Он отнес свой чемоданчик в клуб, где ему уже была приготовлена постель и поставлен ужин под вышитым полотенцем, осмотрел свое помещение — комнату

для музыкальных инструментов, проверил защелку замка и вышел на улицу.

По селу плыл предзакатный домовитый шум: цвилькало в хлевах молоко о подойники, скрипели валы колодцев, квохтали перед сном куры. У околицы уже пробовал лады баян. Слуцкий туда не пошел, а спустился к реке и помахал рукой маячившему у другого берега Дударю.

Вскоре лодка подплыла, Лев Самуилович знаками показал, что хочет прокатиться по воде, но уже на середине реки заговорил в полный голос:

— Не слышал, о чем говорили чекисты, когда переправлялись?

Низко склонившись над веслами, старик шепотом ответил:

— Самую малость понял. Зачем-то к Мойсеновичам поехали. Ну, к родне председателя. Еще какое-то кольцо вспоминали. А потом мотор обороты прибавил и зашумел.

— Ты в следующий раз, когда на пароме будут нужные люди, вплотную подплывай и слушай лучше. При тебе они не боятся разговаривать. А сейчас гребки к лесу и жди...

За поворотом Слуцкий выскочил на песок, поднялся в сосняк, достал из кармана заготовку-удочку, быстро размотал леску на ветвях и удалился в заросли, отсчитывая шаги. Через сотню метров достал из другого кармана яйцо, обвязал концом лески и сжал в кулаке. Скорлупа хрустнула, раздался негромкий щелчок, легкое шипенье — и все стихло. Он разжал ладонь. На ней лежал бесформенный сгусток коричневой массы размером с грецкий орех. Остро пахивало следами скоротечной химической реакции, молниеносно уничтожившей содержимое яйца. А над ветками белел еле заметный дымок от плавившейся антенны-лески.

Ровно через сорок секунд Слуцкий раздавил второе яйцо. Он знал, что его радиосигналы приняты в нужном месте и тут же расшифрованы: «3 августа в 20 часов 31 минуту и в 20 часов 31 минуту 40 секунд по средневропейскому времени зафиксированы радиоимпульсы из квадрата 40—42. Агент Голл (Шпилевский) подтверждает свою работоспособность. Условленная периодичность сигналов исключает оперативный провал агента. Вниманию следующих смен радионаблюдения! Очередной сеанс односторонней связи Голла — 5 августа в 14 часов 37 минут с интервалами в 35 секунд. Волна постоянная».

Слуцкий-Голл-Шпилевский прилег на хвою и позволил себе отдохнуть минут десять, пока его мохнатый помощник в лодке будет натягивать шнур своего дурацкого перемета. Он размышлял...

Да, послезавтра к полудню задание должно быть выполнено. Он заблаговременно уберется отсюда и без помех сообщит начальству о своем успехе из какого-нибудь похожего лесочка. А то и прямо из квартиры этой дурехи Леонадии. Или с балкона дома в Гродно, где его ждут. Сообщит

тремя последними яйцами, что будет означать завершение командировки.

Кажется, пока все идет без сучка и задоринки. Вернее, остались позади все колдобины, хотя сначала их было немало.

Неприятности начались уже в момент прыжка. Сопровождавший инструктор проворонил появление сигнала вниз и истощно заорал: «Костер! Уже сзади! Быстро прыгать!» Ну, Казимир и вывалился, как стоял: в костюме этакого студентика-пижончика, едущего в провинцию на каникулы к заждавшейся тетушке. А пакет с водонепроницаемым костюмом (в случае проверки — приобретен для подводной охоты) так и остался лежать на самолетном сиденьи. Хорошо, что сумку успел надеть через плечо.

Раз опоздал с прыжком, пришлось маневрировать стропами, чтобы подтянуться поближе к маячившему пятну костра. Но подтянулся как раз к реке: плюхнулся прямо в воду, хорошо, что все-таки ближе к нужному правому берегу. Пока выбрался на мелкое место, пока нашел под водой подходящий камень, отстегнул и надежно утопил парашют (все легче, чем закапывать), окоченел до костей. А костра и вовсе не стало видно. Брести мокрому в темноте и наугад? Даже если и выйдешь в поселок, то не найдешь явку, а видишь у тебя такой, что первая собака вцепится в мокрые штаны, не говоря о каком-нибудь ночном стороже.

Ладно, сочиним свой костер, обсушимся до рассвета. Подозрения не вызовет, тут, наверное, рыбаки часто ночуют.

...До определенного момента все происходило именно так, как предполагал Айвенго. И костерчик был малозаметный, и радиосигнал, и сморивший Казимира сон, и, наконец, совершенно нелепая встреча с медведем. Его Шпилевский увидел, приоткрыв один глаз, когда хрустнула под зверем ветка. Встречи с человеком Казимир сейчас особенно не боялся, даже, допустим, с милиционером: документы «железные», ничего подозрительного при нем нет, зато есть вполне правдоподобная версия о заблудившемся и окунувшемся по пьянке в воду легкомысленном студенте.

Но объяснять все это медведю ни к чему. От него надо удирать, что Шпилевский и сделал, ничуть не сомневаясь в правомерности своего спринта: косолапого не уложишь даже с помощью каратэ. Более существенного оружия ему пока не полагалось иметь при себе.

А вот дальше действительные события отклонились от версии Айвенго. Дело в том, что Шпилевский увидел на песке около можжевельного куста со своей сумкой многочисленные следы. Десятки отпечатков рубчатой подошвы тяжелых сапог сорок третьего размера невозможно было не заметить. Больше того, он легко определил, что сумку открывали. Правда, все оста-

лось на месте, и заветные яйца тоже. Но их кто-то держал в руках. Счастье, что не попробовал. Очень полезной оказалась также предусмотрительность инструкторов, промаркировавших скорлупу согласно имевшимся в центре образцам.

Шпилевский не имел возможности долго размышлять: из ельника двигались мальчишки. Он быстро пошел по дороге к райцентру, но заходить в поселок пока не стал: костюм высох, однако был страшно измят, да и все остальное выглядело не вполне прилично. Он припомнил ориентиры хутора Дударя, нашел тропинку и свернул на нее.

Старик сидел на пороге своей развалюхи и как ни в чем не бывало вязал перемет. При приближении гостя встал и ушел в хату. Здесь они и обменялись паролем, после чего хозяин злобно зашипел:

— Зачем сюда днем приперлись?! Ясная же была установка: встретиться на берегу. Если к костру не успеете, ждать следующей ночи!

Измотанный всем происшедшим, голодный и грязный, Шпилевский дал волю нервам.

— Ты что, старый пень, сам не мог дождаться меня на берегу? Почему искать не пошел? А если бы я приземлился с травмой! С этой минуты будешь глотать каждое мое слово, а то я тебя быстро превращу в натурального глухонемого. Уразумел?

Дударь уразумел: шутить с этим желторотиком, оказывается, нельзя. Из тайника под печкой извлек пакеты в плотной упаковке. Два новых костюма, светлый и темный, и еще один — полувоенный, с хромовыми сапогами к нему, летнее белье, тенниски и рубашки, галстуки, носки и платки.

— Оружие и мины?

— Отдельно закопаны в ящике. Здесь побоялся держать. Тряпки найдут — ладно, сойду за спекулянта, а другое... Там же ампулы и лекарства.

— Понятно. Деньги давай.

— А... сколько надо?

Шпилевский шагнул к старику.

— Слушай, дед, ты в дурачки со мной не играй. Нам точно сообщают перед отправкой, сколько монет должно получить от резидента. Вот я тебя сейчас и проверю, и если соврешь... Дударь почел за лучшее не врать и вручил гостю двадцать тысяч рублей в банковских облатках.

Шпилевский быстро переоделся в светлый костюм, надел белоснежную рубашку, свежие носки, поискал глазами туфли. Их не было.

— Пшепрошем пана, запоматовал взять, — извинился Дударь.

— Черт с тобой, — сказал подобревший гость. — Использую прежние, только почиsti их хорошенько.

Пока Дударь надраивал сукошкой острокопечную обувь прищельца, тот умело зашил в во-

ротник новой рубашки ампулу и, по обычаю воспитанников своей школы, трижды пробормотал: «Сперо милиора!»¹. Потом он изложил Дударю план дальнейших действий. Он идет сейчас к своей «тетушке», берет там сведения, которые ему пужны, отдыхает у нее, ночует и утром уезжает в Гродно. Вернется вечерним поездом — и сразу в Красовщину. Старик за это время должен извлечь из своего тайника мины и оружие.

— Кстати, в какой они упаковке?

— В надежной. Я так подумал: раз студент едет из города, так займется в деревне модным для ихнего брата делом — иконки будет искать. Ну и выпросил у ксендза такой плоский ящичек с серебряными вензелями, в него на самом деле положил икону, будто в футляр, а уж внизу под фанеркой все прочее...

— Неплохо придумано, — одобрил Шпилевский. — Такой камуфляж мне и в Гродно пригодится в случае чего. Встретишь меня завтра утром на дороге к разъезду и отдашь эту церковную утварь. Саквояж для нее найдется?

— Разве что этот... Зачем вам в Гродно-то?

— А вот это, старик, не твоего ума дело. Ты, как завтра мне коробку передашь, плыви сразу в Красовщину и жди там. В каком бы обличье меня ни увидел, я тебе незнакомый, а ты мне — глухонемой. Ну, давай саквояж.

Шпилевский уложил в него полувоенный костюм, сапоги, запасную пару белья. Вынул из желтой сумки яйца и аккуратно упаковал туда же.

— У вас и эта сумка хоть куда, — заметил Дударь.

— Как раз никуда, потому что уже меченая. Спрячь ее подальше и рассказывай, как идти к тете Лёде.

Трещина

В учреждениях был обеденный перерыв. Казимир Шпилевский, легкомысленно поспыстывая, пересек площадь, прочитал вывески на зданиях райкома, райотделов МГБ и МВД, полюбовался фасадом новенького дома культуры и спросил у девочки с кошкой на руках, где переулочек Гастелло, в котором живет учительница Могилевская.

— Леокадия Болеславовна? А я вам покажу ее дом, это близко.

Леокадия заметила гостя еще в окно, но дверь открывать не спешила, ожидая условленного стука. И он прозвучал: тук, тук-тук-тук.

По протоколу встречи им полагалось громко, в расчете на соседей, изображать радость свидания любящих родственников, причем слова «Дай я расцелую тебя в розовые щечки, племянник!» входили в пароль. Но церемониал подпортила нетактичная девчонка с кошкой. Она вперед

¹ Надеюсь на лучшее (лат.).

Казимира проскочила в прихожую и затараторила:

— Здравствуйте, Леокадия Болеславовна, вас этот дядечка спрашивает, а я за книжкой к вам, вы обещали, и я чуток посижу у вас, картинки погляжу, а то на улице жарко и кошка царапается...

В такой обстановке бурно выражать свои чувства было как-то не к месту, и встреча прошла суховато, хотя и с произнесением всех предусмотренных инструкцией выражений.

Кроме того, Леокадия сама не понимала, что с нею происходит. Известие отца о прибытии агента «оттуда» она восприняла через пять с лишним лет без всякого энтузиазма. Она просто устала от ожидания и гнетущего чувства раздвоенности. Образ жизни, который она годами вела в силу обстоятельств, исподволь подчинил ее себе. Окружающий жизненный уклад постепенно становился не декорацией, а реальностью ее бытия.

Понимали ли далекие «шефы» на Западе возможность такой трансформации? Видимо, нет. У них для попавших в тенета вербовки всегда наготове было пугало: угроза разоблачения. Собственно, с этого и начиналась подготовка агента: ему внушали, что малейший шаг назад — и его постигнет кара советского же правосудия.

Но все чаще Леокадия задумывалась: а какой, собственно, реальный вред она принесла стране, где живет, чтобы та покарала ее высшей мерой? Да, была переводчицей у оккупантов. Но своих рук в крови она не замарала. Да, была завербована иностранной разведкой. По глупости. Точнее, из-за жадности. Из-за стремления вернуть для себя тот образ жизни, который был усвоен с детства стараниями отца.

Однако пока никакого практического зла она никому не причинила. Живет, как все окружающие ее люди — соседи, знакомые, коллеги по школе. Даже в самостоятельности участвует, причем не без удовольствия. Выполняет общественные поручения. Добросовестно учит ребят. Правда, ее справедливо считают замкнутой, излишне педантичной и придирчивой. Но мало ли таких учителей! Эти черты помимо воли вошли в ее характер, опять-таки из-за проклятой раздвоенности.

О нет, она не стала коммунисткой. Слишком сильно бродила предшествующая закваска, заставлявшая во всем видеть в первую очередь негативное. Но если поначалу любой промах местных властей рождал в ней злорадство: так вам и надо, то позже все чаще стал вызывать досаду: неужели не сообразили сделать лучше?!

Ловя себя на таких мыслях, Леокадия пугалась, терялась, злилась, и все оканчивалось жестоким приступом тоски, почти протрацией. Она искала тогда встречи с отцом Иеронимом: его обволакивающие софизмы и почти циничное умение сгладить все острые мысли в мятущемся сознании успокаивали ее, как смесь брома с валерьянкой.

Но в последние год-два и здесь что-то надломилось в ее суждениях. Шла как-то подписка на заем. Вместе с другими уполномоченными поселкового Совета Леокадия совершала подворный обход. Люди охотно делились с государством своими сбережениями, зная, что страна начала вторую послевоенную пятилетку. Дошла очередь до усадьбы ксендза. Еще у высокой резной калитки фيناгент покрутил головой: мороки здесь хватит! Однако беседу с хозяином начал храбро:

— Как вы являетесь гражданином Советского Союза и знаете о восстановлении народного хозяйства...

— Все, все знаю! — вежливо, но настойчиво перебил отец Иероним. — И сколько же Совет депутатов рассчитывает получить в займовый фонд от моих доходов?

Уполномоченный добавил в голосе твердых ноток:

— Дело, конечно, сугубо добровольное, но доходы эти нам известны, и думаю, что пять тысяч будет для вас необременительно. Вон рядовой, так сказать, крестьянин Бородич подписался на три тысячи.

— Похвально, — отметил отец Иероним. — Но плохо же вы думаете о слугителе католического храма, если назвали столь скромную сумму. Не угодно ли получить пятнадцать тысяч на благородное дело? Сейчас принесу шкатулку...

В общем, уполномоченные были посрамлены ксендзом. И хотя его подписка легла солидным вкладом в план по займу, у всех остался почему-то неприятный осадок от широкого жеста слугителя культа. Позже Леокадия с недоумением и ядом спросила его:

— Вы что же — действовали по завету «рука дающего да не оскудеет»?

— Рука берущего да не отсохнет! — обозлился ксендз. — С волками жить... А что, лучше будет, если они ежегодный налог увеличат?

Раздражать Леокадию стала и ограниченность давнишнего приятеля. Он словно заостенел. Если Юлиуш Словацкий, то только его мистика, если музыка, то Бах и Вагнер, если живопись, то лишь фрески ватиканских храмов. А все остальное — от лукавого и «красная пропаганда». С ним становилось попросту скучно...

Ее счастье, что Шпилевский не знал о душевном смятении своей «тетушки». Собственно, ему и ни к чему это было. Гости интересовали более конкретные вещи. Что знает пани Леокадия о здешней милиции, ее численности, распорядке службы? Аналогично — об оперативных работниках госбезопасности. Существует ли охрана у руководителей района во время их поездок? Бывала ли пани на районных праздниках, вечерах и т. п.? Как они охраняются? Что ей известно о характере и привычках первого секретаря? Кто из интересующего его круга людей особенно дружит со спиртным? Не говорят ли ее сослуживцы о

материальных затруднениях кого-либо из руководящих работников?

Вряд ли собеседника удовлетворили ответы Леокадии, потому что он хмуро сказал:

— За столько лет могли бы узнать больше.

— Больше знает в этом плане, вероятно, наш соратник Дударь. Он везде бывает, за всеми наблюдает. И вообще — мужчина...

— Дударь — всего лишь старый обух, которм его хозяева колют дрова! — всерьез рассердился Шпилевский.

Как-то случилось, что его не проинформировали о родственных связях глухонемого и учительницы. Леокадия это поняла, но все равно кровно оскорбилась. Однако ответила сдержанно:

— Будет вам известно, что мне лично было приказано просто законсервироваться...

— Что вы успешно и сделали, — съязвил Казимир. — Ну да ладно, спасибо и на такой информации. Сейчас мне нужно подобие ванны, а потом — спать, спать до утра. В пять разбудите.

Художники живут

в мансардах

Как мы знаем, на следующее утро Шпилевский отправился на поезд. Во вчерашнем сером элегантном костюме, белоснежной рубашке и многоотрадных, но тщательно вычищенных туфлях. Через полчаса он встретился с Дударем и в саквояж, где уже лежали китель, бриджи и сапоги, спрятал плоский ящичек с иконой и двойным дном.

Они немного поговорили в густых зарослях бузины. Явно, ожидая похвалы, старик сообщил:

— Еще вчера забрал багаж из ямы. Счастливого обошлось — мальчишки вздумали там червей рыть и прямо чудом не напоролась на ящик. Я уж затаялся рядом, думаю, если найдут, придется силой отнимать.

Шпилевский скривился, будто от клюквы:

— Ну, помощничек!.. Силой!.. Ты же погубил бы все дело поднятым шумом. Или у тебя мозги начисто просквозило на реке?

Что бы он сказал, узнай он, что у бани побывала вчера целая экспедиция в поисках ящика, который уже взят на заметку в некоторых учреждениях?!

Непринужденно поболтав по дороге с встретившейся бабкой Настей, зафиксировав в памяти дорожный сверток на Красовщину, Шпилевский полюбезничал на полустанке с симпатичной кассиршей Ниночкой и влез в вагон пригородного поезда. Но садиться на обшарпанную скамейку по соседству с тетками, ехавшими на базар, не стал, а сошел на первой остановке. Отшагал два километра до параллельного шоссе и приехал в Гродно в кабине попутной машины. Если он уже

кого-то заинтересовал, пусть ищут на железнодорожном вокзале.

Зачем он ехал в Гродно? Еще в центре ему было предложено два варианта проникновения в Красовщину: или под видом студента — племянника Леокадии, которая сама наведается ради развлечения на сельский праздник и прокатит с собой гостя, или в роли художника-оформителя.

От первого варианта он после некоторого размышления отказался. Миссия племянника привяжет его к тетушке и лишит свободы действий. Кроме того, в этом случае можно было появиться на месте только в день события, а ему необходимо попасть раньше. Наконец, успешный финал операции означал неизбежный провал Леокадии, а она хоть и была абсолютно пассивным агентом, но зачем напрасно гробить ее — она еще может пригодиться.

Значит, художник... По агентурным данным, Лев Самуилович Слуцкий не отличался высокой нравственностью. К двадцати двум годам имел две судимости: за вымогательство и мошенничество во время денежной реформы. Нетрудно догадаться, что пределом его жизненных устремлений были деньги. Вырос он без родителей, в семье дядюшки — руководящего работника торговли — и рано вкусил прелести комфорта. Но дядюшка кончил карьеру довольно плачевно, и Лев пошел учиться в систему трудовых резервов. Не на металлурга или тракториста, а на художника-оформителя. Познакомился с «богемной» жизнью за счет левых приработков. Эти дополнительные дивиденды часто превышали скромную официальную зарплату театрального декоратора, но слишком много расплодилось в его родном городе конкурентов, и Слуцкий подался в западные края. И не ошибся: самые мало-мальские художники здесь были нарасхват.

Слуцкий отсидел полгода за упомянутую аферу и последнее время работал в мастерских по оформлению средствами наглядной агитации клубов, заводских цехов, городских улиц и площадей. Любил выезжать в командировки, потому что это давало верный побочный доход: колхозные кассы легко раскрывались перед человеком, способным красочно изобразить в виде диаграмм рост удоев и урожая. За пятнистую буренку на изумрудном лугу и силуэт силосной башни заезжий художник брал половину своего месячного оклада, хотя орудовал кистью от силы день.

Внимание английской разведки он привлек именно своей гипертрофированной приверженностью к легким заработкам. Внутренне этот бездумный завсегдатай городских ресторанов вполне созрел если не для прямой вербовки в агентуру, то для оказания ей помощи. Разумеется, за солидную сумму. Когда в центре разрабатывали «легенду прикрытия» для Шпилевского в Красовщине, то сразу подумали о Слуцком, даже и не подозревавшем, что его имя известно на Западе.

Почему бы колхозу «Партизанская слава» официально не пригласить к себе художника из солидной организации для оформления праздника? Эта идея была подброшена председателю Мойсеновичу по почте в виде проспекта-рекламы оформительских 'мастерских. Полистав на досуге красочное издание, тот послал сюда запрос. Зная мощьность Слуцкого, руководители мастерских его и направили в командировку.

Шпилевский действовал в городе уверенно и даже нахально. Вообще в последние сутки у него было бодрое и даже приподнятое настроение. Пока все шло гладко. Прыжок завершился в конце концов вполне благополучно, холодная ванна не в счет. Раз никто к нему до сих пор не прицепился, значит, и эпизод с желтой сумкой, и появившаяся настороженность в отношении Леокадии — ложные тревоги. Сейчас он идет по улицам родного города и чувствует себя почти победителем. Конечно, чувство неправомерное — это Казимир сам понимал. Но все равно он ничуть не похож на того затурканного мальчишку, каким покидал город пять лет назад. Он вернулся взрослым, сильным, неуязвимым, богатым. Вернулся мстителем.

Так он представлял себе свое нынешнее положение. Нет, он не был воспитан в имени лендлорда в духе беззубой романтики. Как раз наоборот: здравый практицизм и точный учет реальностей. Но ему было только двадцать два года, когда эмоции неизбежно прорываются в определенных ситуациях наружу. Он не удержался, чтобы не побывать за Неманом около собственного дома. Бывшего собственного. На минуту стиснуло сердце, и он не устоял перед другим соблазном: чисто по-мальчишески пробрался в памятный до мелочей погреб и оставил там на лямке из блокнота зловещий рисунок. Кстати, Станислав Мигурский ошибался, рассказывая Алексею, будто Казимир умышленно отвернулся при их встрече. Шпилевский просто не мог узнать в стройном мускулистом матросе контуженного беспомощного парнишку, одноклассника по мальчишечьим забавам.

Казимир слегка оторопел, получив в художественной мастерской сведения, что Лев Слуцкий полчаса назад отбыл в командировку. А потом сообразил: дурак, что ли, этот Лев — уезжать, получив аванс! Пропивает его где-нибудь в привокзальной забегаловке или у себя дома... Шпилевский кинулся к нему на квартиру.

Художник-монументалист жил в мансарде старого полуторазтажного дома с дрожащей от ветхости деревянной лестницей. Входная дверь открывалась прямо в квадратную комнату с гробовым потолком. Шпилевский пропик сюда без стука, потому что его все равно бы не услышали: в комнате вовсю наяривал патефон. Узнав английскую солдатскую песенку «Нашел я чудный кабачок» (она попала в наши края в годы войны) и невольно улынувшись знакомой мелодии, Казимир

шагнул в глубину затуманенного сигаретным дымом помещения и громко откашлялся. В ответ раздалось:

— Ну, принес закусить?

● КОШКАХ

Коллеги расстались: Михаил Андреевич отправился обратно в колхоз на председательском «козлике», а Юра Харламов пошел знакомиться с младшим Вершининым. Слова Варфоломея о встрече в Гродно друга Алексея с человеком, который якобы попал на заметку Айвенго, весьма заинтересовали лейтенанта.

...Братья сидели на веранде и отдыхали с дороги, предаваясь воспоминаниям о родной Сибири. Дмитрий Петрович увидел у калитки Юру и сказал без особой радости:

— Чека идет. Конечно, по твою душу. Свою я, кажется, еще ничем не запятнал. Входи, Харламов-младший, без стука, мы все равно тебя уже видим.

Юра сконфузился. Старый фронтовой друг отца вгонял юношу в растерянность неожиданными поворотами мысли и острым языком.

— Дмитрий Петрович, мне хотелось бы поговорить с Алексеем Петровичем. Боюсь, что вам будет скучно.

— Мне бывает скучно, когда в районе ничего не случается. Но, видимо, это исключено, раз ты появился здесь и к тому же наличествует мой братец. Валийте, юноши, от секретаря райкома секретов не бывает.

Юра осторожно, питку за питкой, вытягивал у Алексея связку событий вокруг человека с ямочкой на подбородке. Итак, субъекта с этим характерным признаком видели в районе двое: бабка Настя и кассирша Нина. Видели утром второго августа, то есть вчера. Был он в сером костюме, остроносых туфлях. Вчера же, но уже днем, друг Алексея встретил его на улице в Гродно. Причем раньше тот не появлялся в городе более пяти лет, уехал с родителями за границу. Возникает несколько вопросов: откуда и зачем он появился, что делал в райцентре, где и что делает сейчас?

Ни на один из вопросов ответа пока не было.

— И у меня есть вопрос, — сказал Алексей. — Если этот тип, как утверждает Айвенго, выкупался в реке, то откуда на нем взялся уже в поселке повестький костюм и свежая рубашка? Значит...

— Совершенно верно, — подхватил Юра. — Значит, у него в райцентре была встреча, во время которой его приютили и почистили. Но к кому он заходил, мы тоже не знаем.

Потом Алексей провожал Юру Харламова. Легонький неприятный осадок после вчерашнего знакомства на полустажке пропал без остатка: Алексею понравились хладнокровие и обдуман-

ность действий этого широкоплечего парня. Они шли и рассуждали о Казимире. Имеет ли он какое-либо отношение к самолету без опознавательных знаков? Судя по появлению на берегу, может иметь. Правда, квадрат не совпадает с тем, где самолет повернул на обратный курс, но тот мог специально пролететь дальше для дезориентации службы воздушного наблюдения.

Дальше. Этот фронт интересовался вчера утром дорогой на Красовщину и колхозным праздником. Но сам уехал в Гродно. Василий Кондратьевич предположил, что он скоро вернется, и они с Айвенго поджидали его вечером. Но никто похожий с поезда не сошел. На Красовщину свернул только неизвестный высокий мужчина в полувоенном костюме, в начищенных сапогах и с чемоданом. Однако, сколько Юра успел его разглядеть, он был чернявый, а не блондин, и значительно старше двадцатидвухлетнего Шпилевского. Был ли он кудрявый, мешала разглядеть кепка. По логике событий, он и совершил покушение на Айвенго. Он хотел прибыть в Красовщину незамеченным.

Однако никто в полувоенном костюме ни вчера ночью, ни сегодня днем в колхозе не появился. Если это был диверсант, нацеливавшийся совершить какую-то пакость к празднику в Красовщине, то все равно Айвенго его уже слугнул. Пока в деревню из незнакомых прибыл один художник. Курчавый, но брюнет и не очень высокий. И не в кителе, а в этой самой толстовке. На ногах легкомысленные сандалеты. Судя по деваче на фанере, кистью владеет профессионально. Да и с Гродно капитан связывался — все соответствует. Что касается злополучной ямочки, то как раз на подбородке у этого живчика-художника какая-то нашлепка: уверяет, что глухонемой в сердцах угодил в него камешком. Отодрать бы да поглядеть, так ведь повода нет никакого. Крик поднимет.

Правда, еще чемоданчик его не осмотрели: нет ли на нем двойной царапины от кольца Айвенго? Но сейчас этим как раз занимается капитан. А пока... пока все остается словно в тумане.

— Слушай, друг, — спросил Юра у Алексея. — Конечно, времени прошло много, но, может, тебе запомнилась еще какая-нибудь примета у этого вашего Казика?

Алексей подумал. Перед глазами вставал все тот же пухлый, розовощекий подросток со своим неутомимым, но несостоятельным стремлением верховодить в компании. Верховодил там Михась Дубовик. Он умел хлестким словом, а то и подзатыльником осадить хвастливого сына часовщика. Тогда Казимир... Внезапно Алексей рассмеялся.

— Наблюдал, как кошка из подворотни выходит на улицу? Она никогда сразу не выскакивает, а сначала высунет наружу башку, осмотрится по сторонам и уже потом вылетает... Так вот, нечто похожее наблюдалось за Казимиром. Он,

бывало, как подплывет к плоту, так сначала выставляет над бревном физиономию, оглядит всех и, если видит, что явного недружелюбия не проявляется, выбирается из воды. И всякий раз так.

— Опасался чего-то?

— Ему частенько попадало за хвостовство и вранье. Ну и за другое. От меня персонально — за национальный вопрос. Любил рассказывать анекдоты о евреях, больше пакостные. Акцент копировал талантливо.

— Ну, Леша, ты пока не подозреваешь, сколько ценного сказал! Только обдумать все надо. Ладно, успею переварить за восемь верст пешего хождения до Красовщины.

«Француз Дефорж» ложится спать

— Закусить я не принес, сам сбегашь, — сказал Казимир и протянул руку черноволосому курчавому парню в потертой вельветовой куртке. — Я — Стась, будем знакомы.

— Ну, допустим, ты Стась, но что ты за Стась, что я должен бегать за закуской? — сварливо спросил хозяин чердачной квартиры.

— Ладно, пусть он сбегает, — указал Шпилевский на третьего в комнате. — Заодно и коньячку доставит. Вот сотенная...

Они остались вдвоем. Казимир огляделся, заметил открытый довольно вместительный чемодан, набитый тюбиками и кистями. То, что надо, — саквояж туда влезет.

— Если хочешь пошущукаться, гони в темпе, — сказал Лев. — Сейчас еще один возникнет, пошел за помидорами.

— Гони всех в шею, — посоветовал Шпилевский. — Ты, вижу, в командировку собрался?

— Именно. На лоно. На травку и молочко. Трое суток буду питаться бульбяной бабкой и поцелуями под рулады соловья.

— Соловьи в августе не поют. Эти трое суток ты будешь питаться по-старому — городской снедью, а лоном тебе явится прежняя кушетка. Сколько ты получил командировочных?

Слуцкий ошалело глядел на нахального пришельца. Недостатком наглости он и сам не страдал, но с таким обращением давно не сталкивался.

— Сколько, я спрашиваю? — повторил Казимир и слегка ткнул хозяина пальцем в грудь. Тот моментально сел на упомянутую кушетку и пробормотал:

— Двести пятьдесят. Еще и не отчитаюсь...

— Помножь на десять, получи две косых с половиной и гони мне свою командировку и удостоверение. Деньги — вот они. Но получишь их с условием, что никуда и носа не покажешь, пока

я не вернусь и не отдам твои мандаты. Вот и вся работа. Дошло? Две минуты на размышление.

Слущкий побледнел. Он проследил взглядом за пачкой денег, которую гость сунул под газету на столе, а сам лихорадочно размышлял. Колом стоял главный вопрос: кто этот парень? И чем грозит предлагаемый контракт с ним? Если уголовщина, то в третий раз ему припают столько, что на волю без зубов выйдешь... Шпилевский без труда угадал ход его мыслей.

— Понимаю, что взлохматило твои мозги и шевелюру. Скажу сразу: я не убийца, не «медвежатник» и тем более не шпион. На остальные вопросы отвечать не буду.

— А если я милицию позову? — не очень уверенно сказал Лев.

Шпилевский безмятежно развалился в поломанном кресле эпохи первого раздела Польши.

— Где ты упер этот антиквар с клопами? А милицию ты не позовешь: во-первых, не в твоих финансовых интересах, во-вторых, не успеешь. Я умею испаряться через дымовую трубу, предварительно оставив хозяина без зубов. Тебе их, кажется, уже считали.

Да, верхняя челюсть Слущкого была щедро украшена золотыми протезами.

— Ну, тебя моя биография тоже не касается, раз не хочешь о себе трепаться!

— А я ее знаю, твою биографию. Ты неудачно работал под Остапа Бендера во время реформы и сложил шесть месяцев. Сейчас я предлагаю тебе войти в роль другого литературного персонажа. «Дубровского» читал?

— Не считай меня за пень, — усмехнулся Лев. — Только аналога для себя я там не вижу. В разбойники не пойду, даже в благородные.

Казимир поскрипел подлокотниками древнего кресла, придвигаясь к собеседнику. Вот еще лишняя морока — эти золотые зубы. Придется срочно ставить коронки. Хорошо, что в ящике лежит столбик царских пятерок. Слущкому он сказал:

— Там есть скромный француз Дефорж. Он отдает свои бумаги Дубровскому за десять тысяч и возвращается в Париж. И вся его работа. А тебе даже возвращаться никуда не надо: вались спать сразу.

— Ага, там — десять тысяч! А это что за сумма — две с половиной? Это даже никакая не круглая!

«Все. Испекся, раз торгуется», — справедливо решил Шпилевский. И сам стал торговаться. Он согласился округлить пачку банкнот до трех тысяч, но с условием, что Лев одолжит ему на время поездки свою толстовку. С возвратом. Хозяин запротестовал, объявив, что это в данный момент его единственный выходной «фрак».

— Э-э, сеньор Гойя в миниатюре! Вам фрак и камзолы ни к чему: вы даете обязательство безвыходно сидеть дома. Набрасываю еще сотню

за штаны, которые вы снимете и вручите мне для гарантии.

— Ну да, а если вы в воскресенье не вернетесь? Срок-то командировки истекает в воскресный вечер...

Шпилевский получил в конце концов командировочное и личное удостоверение за три с половиной тысячи рублей. Еще одну сотенную пришлось сунуть в пачку за довольно приличные сандалеты.

— Не понимаю, зачем тебе мои документы, — заметил Слущкий. — Ты же похож на меня, как гвоздь на панихиду. И потом — ты что, тоже художник? Что такое ты им намалюешь в колхозе? Выгонят, как Бендера с парохода!

Казимир только вздохнул. Не мог же он рассказывать встречному-поперечному, как проходил под руководством видного шотландского художника специальный курс живописи и карандашного рисунка, а другие педагоги три года обучали курсантов основам сценического перевоплощения, театральной мимики, дикции, жестикуляции.

Все-таки он взял клочок газеты на столе, вынул самонеску и за полминуты нарисовал шарж на Льва Слущкого. Тот глянул и рот разинул: он смотрел на себя словно в зеркало, правда, кривоватое. Еще больше сгорбился нос, вылезли наружу выпуклые глаза.

— Ну, убедился в моих талантах? Можешь взять на память. Бесплатно. А насчет фотографии не беспокойся.

— Ага, заменишь!

Казимир поморщился.

— Сказал же, что уголовщиной не занимаюсь! Ничего я менять не буду. Кто это по лестнице бредет? Помидоры или коньяк?

Пришли сразу оба. Вчетвером они выпили две бутылки, Лев захмелел и полез целоваться. Казимир затолкал его раздетого на кушетку под простыню, сунул под подушку пару бутылок водки, уложил в чемодан художника свой саквояж и закупленную на корню одежду и вместе с остальными покинул мансарду. Запиралась дверь довольно оригинально: надо было посильнее ею стукнуть, и настороженный изнутри крючок сам падал с косяка в петлю. Но Шпилевский не ограничился этой операцией. На листке из блокнота он красноречиво написал: «Уехал в командировку. 2 августа».

— Все, пижоны! — обратился он к случайным знакомым. — Не тревожьте его пару дней, так надо. И других предупредите. Вот вам по четвертной на пиво, и будьте здоровы, я спешу.

Он действительно спешил. К вечеру ему надо попасть на далекий полустанок, а в городе до конца рабочего дня еще предстояло немало дел. Он прежде всего отправился в зубопротезную мастерскую, где застал миловидную дамочку с роскошными клипсами и прочей яркой, но дешевой бижутерией на голове, шее и пальцах.

— Проще! — откликнулась она по-польски на приветствие красивого молодого человека.

Казимир и заговорил с ней по-польски, отчего дамочка стала еще любезнее. Она оказалась младшим техником-протезистом, а стоматолог-протезист пошел за «материалом» — за золотом. Шпилевский в нескольких словах изложил свою просьбу: может ли он приобрести шесть золотых коронок? За наличный расчет или тоже за «материал». И как можно быстрее. У старшего брата сегодня именины, хотелось бы преподнести ему к вечеру подарок.

— Молодость всегда спешит, — укоризненно улыбнулась дама. — Где же вы были раньше? Ведь нужна примерка, подгонка коронок, а возможно, и зубов.

— Ничего этого не требуется, — уверенно возразил Казимир. — У нас с братом зубы идеально одинаковы, только у него подпортились. Знаете, от курева...

— Да, кариес бывает часто от никотина. Хорошо, я попробую подобрать, но опять-таки вам придется ждать врача: принять плату за золото может только он.

— Да почему? — взмолился отчаянно спешивший молодой человек. — Я вам с лихвой заплачу. Вот, смотрите! — Он извлек из саквояжа завернутый в бумагу столбик золотых монет. — Ваш шеф, вероятно, не обидится на вас, если за каждую коронку вы возьмете с меня по такой желтенькой «пятерке». Сколько я знаю, из одной вы изготавливаете сразу по две коронки.

«По три, дурачок!» — мысленно сказала дама. Казимир и сам это знал, но сыграл под простачка. Лишь бы эта молодящаяся модница захотела урвать для себя пару кусочков презренного металла...

Она захотела. Конечно, придется поделиться с шефом, но он тоже не бесребреник и вряд ли откажется от половины неожиданного гешефта. Через пять минут она уже примеряла на зубы Казимира блестящие чехольчики и два из них слегка подшлифовала.

Шпилевский щедро расплатился с любезной протезисткой, галантно поцеловал пухлую ручку, и они расстались во взаимном восторге друг от друга.

Следующий его визит был в парикмахерскую на окраине города. Через час из нее вышел курчавый брюнет, смахивающий на цыгана. Только глаза были светлыми для волосяного обрамления. Но не зря учили Голла кое-чему. Две капли атропина под веки, и зрачки потемнели и расширились. Правда, видеть все он стал как бы слегка в тумане, но это уже неизбежные «издержки».

А еще через полчаса в закрытой кабине вокзального мужского туалета произошло последнее перевоплощение. Вошел туда молодой человек чуть выше среднего роста и в светлом летнем костюме. Через пять минут в распахнутой двери по-

явился высокий мужчина в кителе, бриджах и сапогах. Их специальные подошвы сделали Казимира выше сразу на пять сантиметров. Черные кудри прикрывала незатейливая серая кепка. Какой-нибудь техник из МТС, приехавший проталкивать наряды на запчасти.

Закодированный монолог

Варфоломей маялся. Он впервые за все лето не пошел на утреннюю рыбалку: что делать на берегу без Айвенго? Его неудержимо влекло к больнице. Он даже отважился поздороваться с главврачом, хотя не был с ним знаком. Тот поневоле заметил коренастого белоголового паренька, с семи утра отирающегося у больничного забора.

— Мальчик, ты кого ждешь? — спросил он наконец.

— Айвенго, — исчерпывающе и просто ответил Варька.

— А леди Ровена тебя пока не интересуется?

— Доктор! — Варфоломей чуть не заплакал. — Он не помрет?

— Ну, такие, как ваш участковый, не умирают, — старый врач тотчас отбросил шуточный тон. — Приходи после обхода... то есть через три часа. Можешь принести куриный бульон.

— Ой, доктор, нет у нас куриц, не держим. А можно ухи? Свежей. Или лучше супу из раков. Я за два часа обязательно наловлю. Они же... дие-ти-ческие.

Доктор рассмеялся и поинтересовался, откуда такая осведомленность насчет больничной диеты. И узнал, что еще один друг Варфоломея, студент Алексей, рассказывал, как носил когда-то в больницу хворому товарищу раковый бульон, и ничего — пропускали.

— У тебя широкий круг друзей, — задумчиво сказал старый доктор. — Милиционеры, студенты... Ты счастливый человек. Беги ловить раков.

...В десять утра Варфоломей с еще горячим алюминиевым бидончиком в руке вошел в палату в сопровождении главврача. Полы белого халата, брошенного на плечи, волочились далеко позади. Айвенго лежал как-то странно: лицом вниз, но на высоких подушках. Голова забинтована. Посетителям был виден лишь один его глаз.

Глаз зовуще подмигнул Варфоломею, и тот наклонился.

— Взяли? — успел спросить раненый.

— Больному не разговаривать! — строго приказал врач. — Говорить может только посетитель, и то как мы с тобой, мальчик, условились.

А уговорились они так, что ничего, связанного с печальным происшествием, Варфоломей упоминать не имеет права. Иначе больному станет хуже, а сам посетитель будет немедленно выдворен. «И, возможно, за шиворот», — добавил доктор.

И вот после короткого раздумья Варфоломей понес такую околесицу, что врач даже потрогал его лоб: не переволновался ли малец?

...Дырку в бороде видели в городе, а в синей хате все говорят спасибо Айвенго за два камешка, и скоро дядя Миша и дядя Юра чемодан откруют, а еще он забыл сказать, что старик с рыбой разговаривает, но об этом уже знают кому надо, и пусть он поправляется, потому что без него даже божьи коровки — это тьфу!..

Варфоломей сделал передышку и покосился на глаз. Глаз смеялся, и он снова набрал воздуха в грудь, но доктор выволок его за руку из палаты.

— Ты... может быть, тебя следует самого положить в больницу? Что ты такое лепетал? Какие камешки в огороде и божьи коровки в чемодане?!

Варька честно и весело глянул в глаза врачу:

— Я не лепетал, а доложил Айвенго обстановку. Вы поглядите, какой он стал веселый. Он сейчас быстро поправится.

Доктор вернулся в палату, а через минуту снова вышел. Он взял Варфоломея за подбородок и задумчиво поглядел ему в глаза.

— Мальчик... я хочу сказать, что ты умный мальчик! Возможно, умнее иных старых педантов. Знаешь, он — улыбается. Улыбается после трепанации черепа! Мальчик, когда вырастешь, учись на врача.

— Не-е, я на комбайнера, — виновато сказал Варька. — Я лекарств боюсь...

Ему надо было поделиться с кем-то впечатлениями. И он пошел к Алексею. Тот возил на шее по двору Ляльку.

— Дядька Леша, я включила третью скорость, а ты все равно едешь шагом!

— Надо говорить не дядька, а дядя, — поправила из кухни Соня.

— Хорошо. Дядя Лешка, я сейчас включу заднюю скорость, и ты въезжай на ней в крыжовник, я хочу ягод.

— Товарищ водитель, там крапива! — взмолился Алексей.

Он был в сандалиях на босу ногу и потому душевно обрадовался появлению Варфоломея:

— А, заходи, дружище! Милая племянница, в машине потек радиатор — видишь, у меня лоб мокрый.

Варфоломей сокрушенно поведал ему, что до сих пор носит в себе тайну Дударя, а это, наверное, неправильно, особенно с учетом последних событий. Алексей утешил его: глухонемой-то, кажется, отношения к ним не имеет. Варька как-то туманно глянул на друга:

— Ага-а, не имеет!.. А чего он тогда крутился у бани, где ящик лежал? Да еще Юзика не хотел подпускать туда за червяками.

Алексей вынужден был признать некоторую резонность его доводов и посоветовал обратиться к лейтенанту Харламову. Но Варька только пожал плечами: Харламов же в Красовщине. Откуда

ему известно? Да это и ребенку ясно — там они ищут убийцу Айвенго, где же еще?

Алексей вдруг вспомнил о подполковнике. Раз Василий Кондратьевич интересовался позавчера ксендзом, а разговор глухонемого происходил опять же с сутаной, то тут намечается какая-то взаимосвязь..

Через полчаса они сидели в кабинете Василия Кондратьевича, и тот очень дружелюбно поглядывал на Варфоломея Мойсеновича, но довольно прохладно — на Вершинина-младшего. Он их выслушал, сдержанно поблагодарил и поднялся со стула, корректно выпроваживая. Понаблюдав в окно, как друзья переходят площадь, он достал из сейфа письмо и сел его перечитывать.

«Уважаемый Василий Кондратьевич! К Вам обращается с данным заявлением настоятель костела св. Франциска Ассизского гр-н Савицкий И. В. Считаю своим долгом сообщить некоторые данные о проживающем на территории района гражданине Болеславе Дударе, известном как глухонемой. Он истый католик и привержен храму, но неправдив в существенном моменте. Он не является глухонемым, а вполне владеет великим природным даром — речью и слухом. Мне об этом стало известно случайно во время исповеди, когда на традиционный вопрос о грешности его мирских деяний исповедуемый вполне членораздельно ответил мне: «Бардзо гшешны!»¹. Тогда я, естественно, спросил о причине притворства, на что гр-н Дударь ответил мне, что об этом знает господь бог — и достаточно. О содержании своих грехов Дударь ничего не сообщил, лишь почему-то упомянул, что он плохой отец. В дальнейшем мне еще два раза пришлось слышать его речь: когда он принес в костельный притвор на продажу рыбу и вполне внятно назвал цену, а затем попросил икону св. Павла в ящичном футляре для личной молитвы. При этом он добавил, что разговаривает только со мной, ибо доверяет мне как духовному пастырю.

Указанный факт вызывает у меня тревогу, которой я и делюсь с Вами в знак глубокого уважения, не боясь разгласить тайну исповеди.

С искренним почтением И. Савицкий».

Василий Кондратьевич отшвырнул бумагу в сторону. «Тайна исповеди!.. Еще точно не установлено, сколько раз разглашал ты ее фашистской службе СД. Пастырь!..»

Но в данном случае настораживало другое. Неизвестно, когда была исповедь, но мальчик слышал разговор «глухонемого» с ксендзом в мае. Так чем объяснить письмо, датированное только 3 августа, то есть вчерашним днем? Тем, что Василий Кондратьевич накануне сам побывал у ксендза, и тот, обеспокоившись, решил вдогонку лишний раз продемонстрировать «лояльность»? Допустим. Ну, а если еще что-то ускорило этот

¹ Очень грешен (польск.).

жест? Почему именно в эти дни ксендз выводит их на Дударя? Нет ли тут связи с последними событиями?

Конечно, они держали на заметке глухонемого рыбака. Ребята из их отдела даже подвергали неожиданным проверкам наличие у него природного порока. Но старик, выходит, здорово натренирован. С другой стороны, его прежняя биография вполне совпадала с официальной версией и документами в поселковом Совете. Наконец, ни в каком «криминале» за все пребывание здесь он не был замечен, даже самогонкой не баловался. Правда, с неделю назад милиция видела его на соседнем базаре покупающим какие-то вещи у заезжего спекулянта из Литвы, но старик написал в объяснении, что хочет подзаработать, перепродав барахло на здешнем рынке. Махнули рукой и оставили вещи калеке.

Почему преподобный отец Иероним так настойчиво ориентирует их на Дударя? Стоп! Хлопцы говорили, что Дударь второй день безотлучно сидит в лодке у Красовщины и ловит для колхозной ухи рыбу по просьбе председателя. Только ли поэтому околачивается там мнимый глухонемой?

Подполковник поднял телефонную трубку:

— Колхоз? Мойсенович? Где мои ребята? Найди, пожалуйста, любого и пусть немедленно ко мне. Хоть на помеле, хоть на ковре-самолете, но молниеносно! Нет, только одного, второй пусть сидит на месте.

Через сорок минут в кабинет влетел коричневый от пыли Юра Харламов. Он забыл даже заглушить мотоцикл у подъезда.

— По вашему приказ...

— Выключи к лешему свой ракетоплан, — взялся за виски подполковник. — Вот так. Теперь слушай: Дударь там? Рыбу ловит? Глаз не спускать с него. Лодку немедленно обыскать до последней шпаклевки. И докладывать мне через каждые два часа, с кем он контактит. Домой звони, если здесь не найдешь.

— Ясно. У нас есть еще одно, Василий Кондратьевич. Две параллельные царапины, толстая и тонкая, обнаружены на чемодане кузнеца деревни Козляны Константина Буйко!

Иллюзии и сомнения

Кузница, куда по дороге со станции в Красовщину забрел Казимир, встретила его неверным светом маленького горна и тишиной. Кузнец сидел на дубовом обручке неподвижно. Он был сердит из-за пораненного пальца, по которому попал сорвавшимся зубилом, когда отрубал шинную полосу. Та светилась вполнакала, досадливо отброшенная к порогу.

Шпилевский переступил через горячую железяку и поздоровался. Кузнец, наверное, столько повидал на своем веку, что разучился удивляться.

Появление в два часа ночи незнакомого человека не заставило его и пальцем пошевелить. Тем более, больным. Однако он спросил:

— Ты как сморкаешься, добрый человек?.. Я спрашиваю — пальцами нос выколачиваешь или в платок? Если в платок, то давай его — лапу перевязать. Ветошь моя больно грязная.

Казимир не только вынул платок, но и сам забинтовал палец. Дальше беседа пошла еще свободнее. Он узнал, что осталось ошиновать задние колеса к четвертой бричке, а три уже готовы — вон, стоят за кузницей, хоть сейчас в упряжку. Нет, Казимир не знал, полагается ли кузнецу трудень за поврежденный палец...

— Тебе чего надо-то, — поинтересовался кузнец, — ножик, что ли, наточить?

— Нет, я случайно, с дороги сбился. Слез с поезда, пошел на твой огонек, думал, в Козляны иду, а попал сначала в болото, потом вот к тебе.

— К кому в Козлянах-то? Что-то я тебя не помню.

— Да ни к кому, но автобус-то там останавливается на Красовщину? Мне туда надо.

— А ну, дыхни! Ага, по пьянке, значит, заплутал. Это бывает. Ну ладно, посиди. Автобус там бывает, только днем. Всю сивуху выдул или оставил на опохмелку?

— Почти бутылка, папаша! — Казимир извлек из чемодана «Беловежскую».

На наковальне появились кусок сала и черная горбушка. С законтелой полки был извлечен граненый стакан. Шпилевский повертел его в руках и брезгливо сморщился.

— Ладно, сполосну, там в колоде вода есть. — Кузнец взял стакан и вышел.

Шпилевский быстро открыл чемодан, извлек три массивных продолговатых бруска, рассовал их по карманам. Когда выпили водку и решили вздремнуть, вышел перед сном на воздух. Три отремонтированных брички стояли в ряд шагах в двадцати. Он подобрал одинаковые по размеру капсулы химических взрывателей, вставил их в бруски и сунул снаряженные мины под сиденье каждой брички. Когда вернулся, кузнец уже посапывал в углу на соломе, накрывшись вытертым полушубком.

Одно дело было сделано. Казимир глянул на светящийся циферблат: три часа утра третьего августа. Капсулы растворяются точно через шестьдесят часов и сработают в три часа пополудни пятого августа, в самый разгар праздника.

Однако основная работа была впереди. Во имя ее пора было перевоплощаться в художника. Но ему до смерти надоел тяжеленный чемодан Слуцкого. Многого ему уже не нужно, в том числе и этот невезучий полувоенный костюм. Нет сомнения, что в округе уже ищут человека в таком костюме: засек все-таки его велосипедист на перроне. А сапоги и вовсе вредны: ему надо сейчас

не тянуться в росте, а умяляться до размеров истинного Слуцкого.

В углу кузницы он заметил потертый, но достаточно приличный для командировочного человека фибровый чемоданчик. Наверное, дядя Костя таскал в чем из дому еду и наиболее тонкий, а потому особо ценный инструмент.

— Слушай, папаша, — растолкал он кузнеца. — Мне идти пора. Давай чемоданами меняться, надоело мне этакую дуру таскать, руки отянула.

— В придачу сто грамм дашь? — спросил кузнец, ничуть не удивляясь предложению.

— Так все же выпили! Двадцатьпятьку могу выложить.

— И на том спасибо, добрый человек. Перекладывай свое барахло, а мое в уголке оставь. Ну и счастье тебе, а я еще посплю...

В предрассветной синеве Шпилевский выбрал в километре от кузницы густую осиновою рощицу, быстро переоделся там в костюм Слуцкого. Всю ненужную поклажу закопал в мягком грунте, в чемоданчике кузнеца остались только художнические принадлежности, коробка с иконой да серый костюм — на случай праздничного парада. И, конечно, яйца.

Пистолеты удобно разместились под мышками внутри широкой блузы, заветная ампула перекочевала в ее воротник, а шесть оставшихся плоских мин даже не трогали карманы. Он тщательно вымыл в лужице лицо и руки и вновь почувствовал себя бодрым и уверенным. Вернулся на дорогу и зашагал в сторону, противоположную деревне Козляны. Дурак он там показываться за полдня до автобуса?.. Он был уверен, что вновь начисто замел за собой следы и близок к цели.

Шпилевский ошибался: он немногого не учитывал. Он не учитывал характера здешнего народа, который только недавно пережил вражеское нашествие, а потом кровавый террор бандитов-националистов и потому был бдителен от мала до велика. Эту бдительность, как пружину на боевом взводе, удерживала огромная воспитательная работа советской власти.

Вот почему в ряды незримых, но смертельных врагов Голла-Шпилевского встали не только люди служебного долга, но долга гражданского. Даже такие малолетки, как Варька Мойсенович. Как ворчливый на свое жительство сельский кузнец дядя Костя... В нем Шпилевский тоже фатально ошибся.

Первое, что насторожило кузнеца Константина Бойко в прохожем, — это руки незнакомца, когда тот при свете горна и переносного фонаря перевязывал ему палец. Тыльная сторона кистей и запястья были покрыты густыми, но совсем светлыми волосами. А брови и волосы — черные...

В прямое смятение привело дядю Костю легкое позвякивание друг о друга металлических

брусков за кузницей, когда незнакомый человек вышел наружу по нужде. Сколько раз Бойко слышал этот характерный звон минных корпусов из особой стали! Потому и прильнул к дверной щели. Поглядел в сумрак и ахнул: темный силуэт двигался от брочки к брочке.

Немедленно бежать куда следует! Одному не справиться с этим молодым и сильным парнем. К тому же он, наверное, при оружии, раз балуется с минами...

Окончательно встревожило кузнеца предложение незнакомца обменяться чемоданами. Тот, значит, считает его совсем тупым пропойцей, не способным к подозрениям. Ладно, считай! Но когда парень в кителе исчез, он прежде всего осмотрел чемодан. Ничего необычного. Тогда он метнулся к гордости своих рук — отремонтированным брочкам. И быстро нащупал под сиденьями мины. Он был оружейник, но не сапер, и не знал, конечно, устройства этих совсем незнакомых брусков. Но что они снаряжены, не сомневался. И потому надо было торопиться. Очень!

Он бежал с чемоданом по дороге в Козляны и ежесекундно ждал взрыва. Но вдруг рассмеялся и остановился. В голову неожиданно пришла простая мысль: диверсант не будет тратить мины на пустые брочки. Взрыватели поставлены с расчетом на людей — когда они покатают в этих экипажах. А такое предстоит только завтра... Он перешел на шаг и постучал в хату участкового милиционера. А тот пригнал из дому велосипед, подвесил чемодан на раму и покатил в Красовщину.

Противостояние

Нет, Юра Харламов не узнал в пижонистом художнике высокого мужчину, который вышел в сумерках из вагона. Его насторожил лишь показавшийся почему-то ненатуральным поворот головы. Во время обстоятельной беседы с Алексеем он отчетливо вспомнил, что именно как кошка из подворотни выглянул тогда пассажир в кителе из тамбура вагона. Незаметный взгляд влево, такой же вправо и уже после того решительный соскок с подножки.

Многое наводило на мысль, что Казимир Шпилевский и человек, побывавший в то же утро в райцентре и виденный бабкой Настей, а также преступник, ранивший Айвенго, — вполне могли быть одним и тем же лицом. А одновременно и агентом, выброшенным с самолета. Переодеться не проблема, и не велик труд сменить саквояж на чемодан. Важно другое: куда он сейчас исчез и как намерен осуществить свой замысел в Красовщине?

В том, что такой замысел имеется, не было сомнений ни у Василия Кондратьевича, ни у его

помощников. Слишком упорно рвался сюда агент. И повод для преступной акции самый основательный. Удайся она агенту — какой толчок был бы для активизации антисоветского подполья, для распространения паники среди населения, срыва трудового подъема, достигнутого в первом году пятой пятилетки...

После своего разговора о глухонемом и чмодане с парашютами Василий Кондратьевич и лейтенант Харламов направлялись в «Партизанскую славу». Впереди мчалась «Победа», Юра пылил сзади на мотоцикле. Миновав колхозную контору, они подлетели к овощехранилищу. Здесь стояли Мойсенович, парторг, Михаил Андреевич, участковый из Козлян и капитан-сапер.

— Показывайте! — бросил подполковник.

Ему показали три упругие пластиковые капсулы, каждая величиной с мизинец. На них отчетливо чернела цифра «60».

— Нуте-ка, прикинем, на какое время запланировал взрыв брюнет в сапогах? Старшина, когда, по словам кузнеца, был у него этот любитель «Беловежской»?

— Выходил к бречкам в три часа. У Бойко ходики в кузнице, он засек.

— Умница партизан, помню его. Значит, взрыв планируется на три часа дня завтра. Парторг, дайте, пожалуйста, регламент праздника. Та-ак. Митинг, последний сноп... награждение. Ага: с двух до четырех — катание на тройках, игры, соревнования. Совпадает. А где диверсант мог увидеть этот ваш сценарий?

— Ну, это не проблема, — замылся парторг. — Мы его за две недели размножили на машинке и всюду разослали.

— И то верно, не проблема... Товарищи председатель и парторг, нам нужны три-четыре сметливых комсомольца, желательно служивших в армии. Но... Сами понимаете!

Мойсенович ухмыльнулся:

— Вроде не в наших интересах разводить панику. Только и вы, уважаемые товарищи, не испортите нам праздник.

...Шпилевский заканчивал писать лозунг на пароме, только что перевезшем на другой берег «Победу» и мотоцикл, когда на бревенчатый настил зашли двое колхозных парней и все тот же широкоплечий. На Казимира они внимания не обращали... У песчаного берега троица направилась вдоль кромки воды к лодке Дударя, словно еж, оцетинившейся во все стороны удочками. Один из парней зажестигулировал, будто матрос-сигнальщик на палубе. Глухонемой свернул удочки и подплыл к берегу, а сам вышел из лодки. Компания погрузилась в нее и вскоре скрылась за поворотом. Старик зашагал к парому, ступил на палубу, направился к Шпилевскому.

— Не останавливайся рядом, — шепнул ему Казимир. Недалеко был моторист-паромщик. — Иди в лес, к старому блиндажу...

Когда они встретились у блиндажа, Казимир мрачно сказал:

— Повели твою ладью обыскивать. Ничего в ней не оставил?

— Интересного для них ничего. Другое хуже, пап начальник. Молчать они при мне пачали. Не разговаривают меж собой. Так понимаю, что подозревают, будто я слышу. Откуда?

— Ну, тебе лучше знать, где наследил. У меня своих хлопот достаточно. В трибуну мины не подсунешь: видел я у одного из ихних миноискатель. Так что мои жестянки могут и не пригодиться. Имеешь какие-нибудь соображения?

Дударь думал о другом. Только бы этот парашютист не попался. Если схватят, штоточка непременно приведет к Леокадии: заходил, почевал, племянником числится. Прощай, значит, дочь. О себе он как-то не думал в эти тревожные дни. Иногда ловил на мысли, что смотрит на себя, как на уже готового покойника. А вот уберечь Леокадию или хотя бы смягчить ждущий ее удар... Эх, старик, старик, ведь это ты испоганил всю ее жизнь. Внушил чушь несусветную, будто уготована ей судьба помещицы. Другое-то бабы ее возраста, да и не умнее ее, вон как живут — веселые, с семьями, никого не боятся. Как же, нужна она американцам, как вот он этому безжалостному парню из-за кордона!

Вместе с тем Дударь и не думал уклоняться от участия в акции агента. Он понимал, что Шпилевский просто убьет его при малейшем шаге в сторону. Да и Леокадию не пожалеет...

— Какие могут быть думки у старика? — уклончиво ответил он Казимиру. — Я ваших планов не знаю, да и сил тоже. Чего бы проще — закидать их завтра бомбами с самолета со всем их праздником, так ведь не по возможности стям.

— Действительно — старый осел! — обозлился Шпилевский. — Ладно, иди сдавай рыбу председателю, бери расчет, садись в лодку и уплывай к своему хутору. Будет для тебя в райцентре ответственное задание. Шофера райкомовского знаешь? Женья? Очень хорошо. Так вот: подаришь ему завтра свежую щуку, когда будет ехать сюда со своими хозяевами. Встретишь по дороге, будто с берега идешь, и подаришь. Доходит?

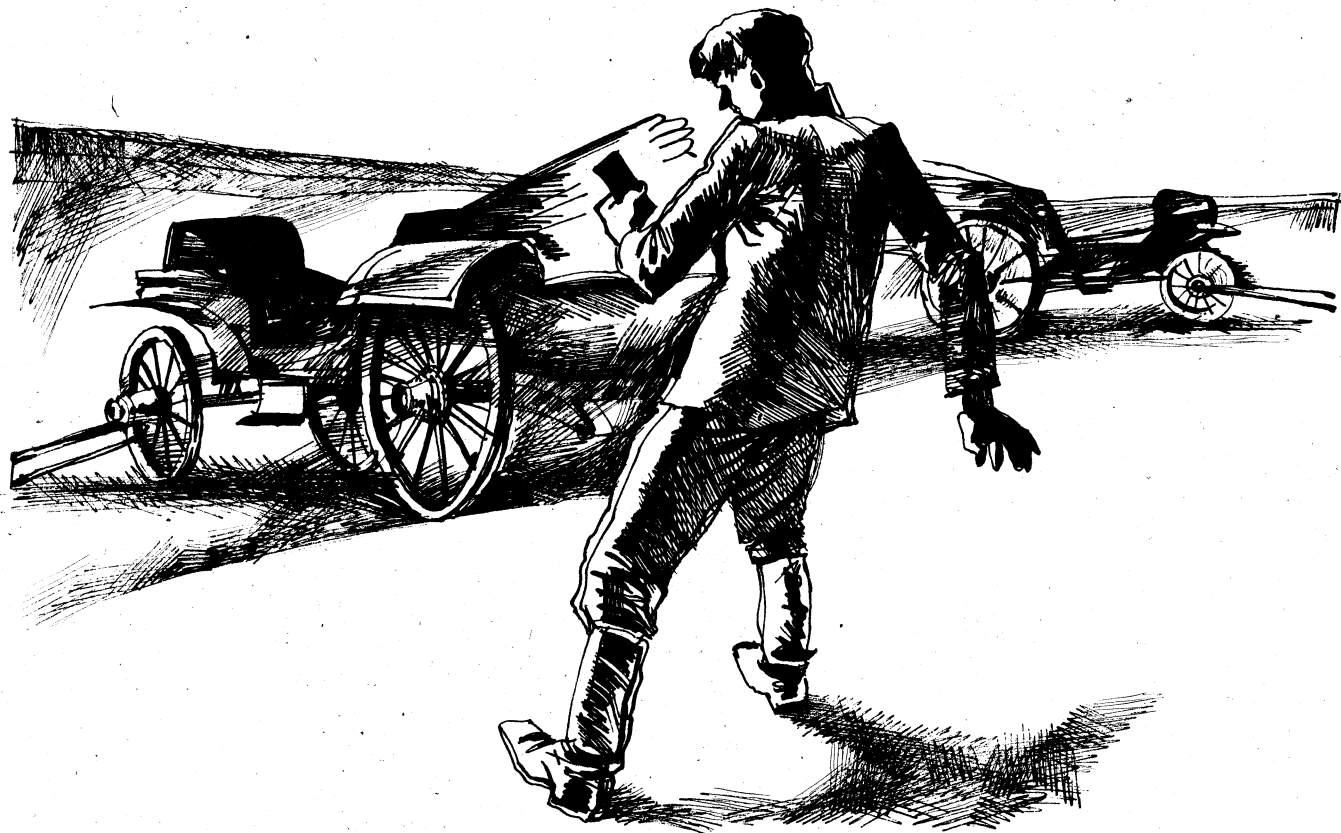
Дударь понял и оценил: «Хитер, змееныш, знает, что там баба поедет и ни в жизнь не откажется от свежей рыбки!» Вслух сказал:

— Большая щука нужна, чтобы влезла в нее жестянка. Да и зашить ее нелегко.

— Это твоя забота. И, кстати, последнее. Отдайшь рыбину — и спи в своей развалюхе, да так, чтобы люди видели, что в воскресенье ты и близко не подходил к Красовичине.

— Все понял, начальник. Сделаю.

...Василий Кондратьевич с любопытством наблюдал, как глухонемой рыбак объяснялся с председателем. Он загибал один за другим пальцы, разводил руками, мотал головой, потом изобразил.

будто расписывается на листке, и при этом густо гудел. Очень хотелось рывкнуть: «Прекрати спектакль!» — но приходилось терпеть до конца. В лодке ничего предосудительного не нашли, и надо было ждать, что же дальше предпримет этот старый обманщик.

Может быть, он и есть главный исполнитель задуманного на завтра преступления? Может быть, тот, в кителе, что ранил Айвенго, а потом заминировал экипажи, был второстепенный агент и, поняв, что наследил, уже ушел в тень?

Нет, что-то здесь не увязывается в логическую цепочку. Харламов настаивает, что фигура с чемоданом и появившийся на горизонте некий Шпилевский одно и то же лицо. Вчера вечером снова засечен сигнал, причем двойной, значит, парашютист данную местность не покинул. Где же он? Ладно, послушаем, чего добивается у председателя лжекемной. И председатель, наконец, объявил:

— Он говорит, что рыба больше не клюет, поднялся восточный ветер, а наловил он, говорит, на уху для целого полка. Просит отпустить.

Подполковник кивнул: не возражаю.

Когда Болеслав Могилевский поплыл вниз по течению, параллельно ему двинулся по лесному берегу сельский паренек Витя. Он получил подробные инструкции, а также совет прихватить ватник, потому что августовские росы холодные, а вахту нести придется целую ночь. А Дударь

устало перебирал веслами и так же устало разматывал клубок невеселых мыслей.

...Этот бешеный щенок думает завтра взорвать его руками машину с секретарем райкома. Сам он, видать, возьмется за начальство из области. Если и удастся, что будет потом? После слез людских да похорон пышных ничего не изменится для Дударя, одинокого, всем чужого и никому не нужного старика. Впрочем, изменится, но в худшую сторону: скорее всего сразу арестуют. раз уж и до взрывов заподозрили в симулянстве. И останется Леокадия совсем одинешенька с вечным камнем на шее: дочь наемного убийцы. И только так, а не какого-то борца за идею.

Как облегчить дочери этот тяжелый груз?

...С высокого берега, сквозь смородинные кусты, Витя с удивлением наблюдал, как Дударь бросил весла, обеими руками поднял со дна лодки двухпудовый валун, служивший якорем и потому обмотанный веревкой, и долго его разглядывал.

Потом поплыл дальше.

Синекура под угрозой?

Приход и уход «племянника» вызвали у Леокадии угнетенное состояние. Мрачная подавленность чередовалась с внезапными пароксизмами энергии, когда ей хотелось куда-то бежать и что-

то предпринять. С какой целью? Сквозь сумерки сознания все яснее проступал ответ: надо спасти себя.

Ей вспоминался выхолощенный гость «оттуда» с его зловещим цинизмом и барским высокомерием, приходили на память его наглые расспросы, прощальная небрежная реплика: «Ну-с, доживайте, раз уж приспособились»...

Она сутки пролежала без сна и еды, а завтра пошла к отцу Иерониму. Пошла, не таясь. Он откровенно растерялся, увидев ее среди бела дня на пороге кабинета.

— Что-нибудь экстраординарное, пани Леокадия?

— Да, пан Иероним! Как вы знаете, мне здесь больше не с кем посоветоваться. А пришла пора получить совет... возможно, на всю оставшуюся жизнь.

Она была бледна и потому некрасива. С необычной для нее краткостью и четкостью изложила душевную боль и отчаяние от безысходности жизни, дала понять собеседнику, что он тоже повинен в ее внутренних шатаниях.

— И что же, пани Леда? — осторожно спросил ксендз.

— Это я, я у вас спрашиваю — что?! — почти крикнула Могилевская. — Вы долго руководили мною, почти с самой юности, так дайте напутствие и сейчас, когда мне пошел четвертый десяток. А я почти и не жила...

Ксендзом овладел страх. Она решила идти с повинной. Отговаривать? Только не это! Она все равно пойдет, но пойдет раздраженной на него, и тогда... О, женская злоба добра не помнит. Он высказал свои опасения вполне прозрачно:

— Вижу, что всевышний уже вложил в вашу душу решение, и потому мой совет был бы неуместным и даже кощунственным. Любой шаг свершается человеком по воле божьей. Одно хочу напомнить: увлекая за собой на суд людской своих единомышленников, кающийся не приобретает благ ни в этом, ни в лучшем мире...

«Господи, да он перетрусил!» — поняла Леокадия. Но она не высказала презрения, а смиренно проговорила:

— Вы можете быть спокойны, пан Иероним: люди узнают только, что нас связывала любовь к изящному. Не более. Я о другом хочу посоветоваться с вами. Будет ли сокрытием греха, если умолчу в трудный час об известной вам тайне несчастного пана Болеслава?

Ксендз ощутил еще большее смятение чувств. Если она скажет следователю о мнимом глухонемом, а Дударь, в свою очередь, проговорится при допросе, как тогда будет выглядеть отец Иероним? Весьма плачевно... А это в самом лучшем случае — позорное изгнание за рубеж, где быть ему заштатным писарем в какой-нибудь духовной канцелярии...

— Конечно, покаяние должно быть полным,

если перст всевышнего направляет вас, — не очень уверенно начал ксендз. — Но, с другой стороны, позволю повторить свою мысль: увлекать за собой других на избранный вами крестный путь — вряд ли это в нравственных полномочиях рядового смертного.

— Я тоже так думаю, — с искренним облегчением сказала Леокадия. — Тем более, что он мой отец.

Отец Иероним растерянно сел. Этого он не знал. Так вот, значит, какой силы скрытность таилась в этой хрупкой и бледной женщине! Скрытность от него — ее духовного и мирского избранника. Так где же гарантия, что и сейчас она не скрывает многих своих душевных движений, которые пойдут ему в невосполнимый вред? Такое недопустимо, нужны действенные контрмеры.

Так родилось письмо настоятеля костела к Василию Кондратьевичу. И адресат точно уловил подспудный смысл действий неожиданного корреспондента: тот призывал обратить внимание на Дударя именно в сию минуту, поскольку ожидается скорое включение глухонемого в активную игру. Об этом ясно проговорила отцу Иерониму Леокадия, упомянув о появлении «племянника».

«Такой сигнал мне зачтется в случае осложнений», — удовлетворенно мыслил ксендз и уже не жалел ни о разрыве с многолетней подругой, ни о ее суровом решении относительно самой себя.

В Красовщине Василий Кондратьевич тоже не забывал о полученном письме. Даже спровадив Дударя, он не мог отделаться от мысли, что тот продолжает участвовать в подготовке к преступной акции. Как? Только бы Витя не допустил промашки. Но тут сразу два события переключили его мысли.

Из Козлян примчался Юра Харламов и доложил о разговоре с кузнецом. Они со старшиной обшарили ближайшие овраги и лесочки и нашли в рощице зарытые в листву вещи. Кузнец подтвердил: тот самый костюм. Самое же любопытное и одновременно тревожное — распоротый левый уголок стоячего воротничка кителя.

— Та-ак! — крикнул подполковник. — Выходит, ампула была. И перекочевала в другое место. Значит, просто переделся, а не исчез с места событий. Думайте, лейтенант, во что он переделся.

— Я не все еще вам сказал, Василий Кондратьевич, — чуть замаялся Юра. — Конечно, фибровых коричневых чемоданчиков наша кожгалантерея печатает тысячи, но...

— Ну?!

— Совпадение странное получается: у кузнеца и художника они одинаковые. Дядя Костя вспомнил, что левый замочек у его чемоданчика плотно не защелкивается. Разрешите проверить?

— Не разрешаю. Нужны более веские осно-

вания. Кроме того, если этот Лев агент, то он стреляная птица и сразу заметит досмотр. Моментаально свернет всю свою игру, а то и прямо смоеется. Наконец, не забывайте об ампуле...

— Так точно,— подтянулся Харламов.— Ваши распоряжения?

— Простые. Продолжайте собирать данные о художнике. Я буду здесь, в конторе. Ну, кто там еще?

Последняя реплика относилась к счетоводу, который позвал Василия Кондратьевича к телефону. Дежурный по отделу сообщал, что явилась местная учительница Могилевская и настаивает на немедленной встрече с подполковником. Утверждает, что крайне важно и срочно.

— Гм! Могилевская? Эта такая тихонькая... Ладно, еду.

Это был второй факт, который отвлек Василия Кондратьевича от сжимавшихся в тугой узел событий в Красовщине.

...Отправив Дударя домой, Шпилевский занялся установкой красных флажков на заборах и воротах вдоль главной улицы. В помощь ему отрядили двух мальчишек. Тонкие древки были недавно выкрашены и пачкали руки. Поэтому когда проходивший мимо Юра поздоровался с художником, тот вместо вымазанной ладони протянул Харламову запястье.

— Чего обедать не идете? — поинтересовался Юра.— Эк ведь как перемазались...

— Сказать, что да, так нет: бывает хуже. Потому и не иду обедать, что надо сначала выкупаться.

— Идем вместе,— обрадовался Харламов, загоровшись желанием поглядеть на художника в одних трусах и без марлочки на подбородке: авось, отмокнет в реке.

— Вы думаете, мне жизнь надоела? Загоняете меня, я видел, как вы плаваете. Лучше я под колодецем марафет наведу.

«Скользкий, черт!» — отметил про себя лейтенант.

«Куртку хочет проверить», — решил Казимир и внутренне содрогнулся: там пистолет, флакон, пять тысяч рублей, ампула. Хорошо, что остальное перепрятано в блиндаже.

Они разошлись, и каждый продолжал напряженно думать о своем. Шпилевский чувствовал, что начинает теряться. Его обкладывали, как медведя в берлоге. Кто мог подумать, что под такой жесткий надзор будут взяты дороги, паром, лодка и даже трибуна? Что это — обычная бдительность перед приездом начальства или результат собственных промахов Казимира?

Интуиция указывала на второе. Он почти с ужасом увидел час назад, как появился на крыльце конторы тот самый громоздкий чемодан и был погружен в «Победу», уехавшую затем в район-центр.

Уже дошли по следу до кузницы! И здесь

закрутился около него этот широкоплечий. Неужели смыкается черный круг? Да нет же, нет у них пока прямых доказательств, что художник — не художник, а механик! Он подлинный мастер своего ремесла: хромой председатель только языком щелкает от восторга.

Ладно, допустим, личная безопасность пока не под прямой угрозой. Но дело? Оно-то стоит, а часы бегут. Что же остается: прямая засада на дороге и обстрел обкомовской машины из двух пистолетов? Пусть даже Дударь справится с районным начальством, однако нельзя упускать главную фигуру праздника. Не простят этого в центре. Но до центра он не доберется, если будет в открытую стрелять. Догонят, и тогда... ампула. А ему двадцать третий... Думай, Казимир, думай!

Из омута возврата нет

В это время Леокадия входила в кабинет подполковника... Она была уверена, что если и выйдет отсюда, то явно не домой. А пошла именно домой — совершенно обессиленная и потрясенная. После часового разговора и двухчасового составления письменного заявления ей было предложено вернуться на квартиру и никуда пока не выходить.

— Почему только домашний арест? — горько спросила Леокадия.— У власти мало тюрем для врагов?

Василий Кондратьевич чуть поморщился.

— Не надо мелодраматизма, Леокадия Болеславовна. Выходить из дому вам не следует в целях личной же безопасности. Вы ведь не гарантируете, что «племянник» исчез совсем. Поэтому не считайте стражниками товарищей, которые будут пока охранять вашу квартиру.

Когда Могилевская вышла из кабинета, он долго сидел молча, отрешенно глядя перед собой. Потом произнес:

— Если все это действительно правда, то какая же она набитая дура! Классическая, хрестоматийная, феноменальная! Так испоганить ни за что собственную жизнь. О-о!

А дома Леокадию ждали. В темных сенцах сидел на кадушке ее отец. Это совсем переполнило чашу, и Леокадия без чувств упала на кровать. Она решила, что Дударь уже знает о ее поступке, что наступило возмездие, на которое намекал недавний собеседник.

Могилевский же понял отчаяние дочери по своему: нарассказал ей тот гаденыш о его темных делах, и она при одном виде его падает от ужаса в обморок... Но так просто уйти отсюда он не мог. Дождался, пока она откроет глаза, и глухо проговорил:

— Можешь — за все прости, дочка. Больше я черной колодой на твоём пути лежать не буду.

Это все, чем могу тебе помочь, не обессудь. А ты — иди к людям. Ну и... прощай!

Он чуть коснулся ее волос и вышел, не оглядываясь. В тревожной растерянности от его непонятных слов она метнулась к окну. Старик волочил ноги через улицу.

...А за Дударем шел вдоль по улице сельский паренек. Они миновали поселок, вышли на проселочную дорогу, которая вела к заброшенному хутору, и здесь Витя сообразил, что стоит старику обернуться, и он сразу заметит своего преследователя. Так оно и произошло на подходе к хате. Дударь словно споткнулся и вполоборота стал пристально рассматривать нежданного спутника. Витя был о многом предупрежден и не мог рассчитывать на дружеские объятия при встрече с мнимым глухонемым. Но он был парень плечистый и крепкий, а бежать обратно ему самолюбие не позволяло. Он пошел вперед, правда, не столь стремительно.

Дальнейшего он никак не ожидал. Дударь взмахнул рукой в почти приветливом жесте и громко прохрипел:

— Шагай-шагай, не робей, никакого худа не сделаю!

Парень подошел, он был весь настороже. Старик даже маскировку почему-то отбросил, даром такое не делается.

— Ну, чего ходишь за мной от самой Красовщины? — хрипло продолжал Дударь. — Пошли в хату, дам тебе кое-что, и ваяй ты обратно к тому начальнику, который тебя послал.

Еще ничего не понимая, Витя вошел в неогороженный двор. У погреба жалобно блеяла привязанная черная коза. Ее разбухшее вымя почти волочилось по земле. Лужайка была начисто выедена и вытоптана вокруг, а пересохшее корытце опрокинута. Старик вынес из хаты солдатский котелок и прежде всего сел доить козу. Потом отвязал ее и хлестнул веревкой, отпуская на все четыре стороны. Оглядел своего гостя с ног до головы.

— Неженатый? Ну так твое счастье... — Он заглянул в низенькую кладовку и вынырнул оттуда с желтой сумкой. — Вот, пригодится тебе на свадьбу и обзаведение. Да не сумка — ее ты начальникам отдашь, а деньги в ней. Их можешь не отдавать — мой. А побрезгуешь, выкинь к свиньям собачьим. — Он перевел дыхание, словно долго бежал, и уже размеренно проговорил: — Теперь так. Чекистам скажи: «Быстро берите парашютиста-художника». Чего вытаращился? Беги! Э-э, боишься меня оставить без догляду? Ну тогда выбирай: или доброе дело делай, или за покойником наблюдай...

Витя был парень не из робких, но испугался, заглянув в глаза Дударя. Он не увидел глаз. Вместо них были тусклые белесые пятна без зрачков.

И он ушел с хутора, а потом побежал изо всех сил по прямой дороге в колхоз.

Примерно через километр его догнала «Победа». Василий Кондратьевич сквозь облако пыли крикнул нетерпеливо и сердито:

— Ну, где он? Упустил? — Выслушав сбивчивый рассказ, шумно вздохнул: — Э-эх, молодозелено! Нелзя было оставить его. Водитель, разворачивайся и гони к хутору!

Но на хуторе уже не было ни души. Даже коза сбежала.

— К берегу! — скомандовал подполковник.

...Болеслав Могилевский вышел к лодке медленным и чуть торжественным шагом. Он оттолкнулся от берега и поплыл к омуту, где часто ловил язей. Пустив лодку по течению, поднял с днища валун-якорь, обмотал веревку вокруг шеи и без всплеска перевалился через борт. Омут моментально сомкнулся над его головой.

...Перепуганные увиденным, Варька и конопатый Юзик глядели из кустов на черную воду. Юзик первый вскочил на ноги и бросился бежать от берега, захлебываясь в крике: «Дударь утопился!»

Но тут из-за луговых кустов на мальчишек вылетела коричневая «Победа», и подполковник быстро затолкал их в машину, чтобы не оглохнуть от истошного вопля. Разобравшись в происшествии, он кинулся к омуту и сразу понял, что своими силами здесь ничего не сделать.

— Знал место, — угрюмо пробасил шофер. — Тут близко к шести метрам.

— Точно, шесть, — подтвердил Варфоломей. — Мы шпагатом с гайкой меряли.

— С чего он утопился-то? — толкнул Юзик в бок приятеля.

Но внимание Варфоломея уже переключилось. Он во все глаза разглядывал Витю, а еще внимательнее его желтую сумку на ремне. Глянул на ноги: с азарта померещилось, что и туфли остроносые. Посмотрел на подбородок — там все заросло недельным юношеским пухом. Он силой оттащил подполковника от машины.

— Василий Кондратьевич, сумка! Желтая. Та самая!

— Знаю. Так что?

Варька ошалело глядел на собеседника.

— Так чего вы его не арестовываете?

Подполковник, наконец, понял Варфоломея.

— Нет, дружище, это не тот. А настоящему хозяину сумки мы скоро ее предьявим.

Машина помчалась в Красовщину.

Две банкноты

Лейтенант Харламов все-таки спугнул Шпилевского. А произошло это так.

Юра вдруг вспомнил о двадцатипятирублевой бумажке, пожертвованной дяде Косте за чемоданный обмен. Он снова оседлал свой «БМЗ» и слетал к кузнецу. Поспел вовремя: застал дядю

Костю на крыльце сельмага в Козлянах. Юра записал номер купюры: «ХО 6391250» — и помчался обратно. Час назад он видел, как художник заходил в магазин и вышел оттуда с банкой тушенки в руке: видимо, решил добавить калорий в колхозную молодую бульбу с огурчиками, принесенную ему на обед в клуб.

Юра повел с продавщицей тетей Броней хитрый разговор. За время командировки у него в карманах скопилось столько мелочи и мятых рублей, что вываливаются при езде на мотоцикле. Вот три тройки, восемь по рублю да еще восемь серебром — нельзя ли обменять? Она и обменяла ему выложенный некомпактный капитал на двадцатипятирублевую ассигнацию. В комнате парторга Юра сравнил номера и остался сидеть в глубокой задумчивости. Перед ним лежал билет Государственного банка за номером «ХО 6391249».

Разница в единицу. Значит, купюры, попавшие к кузнецу и тете Броне, вынуты из одной пачки. И она — у Слуцкого! Что ж, лейтенант, последние сомнения исчезли, и пора брать этого Льва... Харламову не удалось дозвониться до Василия Кондратьевича: подполковник уже выехал в Красовщину. Значит, минут через пятнадцать здесь будет. Но прошел целый час, а «Победа» не появлялась. А без санкции начальства лейтенант не рисковал перейти к решительным мерам.

Между тем Шпилевский тоже не терял ни минуты. Обедая, он увидел в маленькое оконце клубной комнаты, что широкоплечий чекист опять прикатил откуда-то на мотоцикле и круто затормозил у магазина. Оттуда вышел в такой спешке, что не стал отгонять свой транспорт, а пешком пошел через улицу в контору. «Чего он опять выкрутил-выудил?» — подумал Казимир и отодвинул тушенку. Последние часы он чувствовал себя, словно на медленно раскаляющейся плите... Он быстро пошел в магазин.

— А где мой друг — мотоциклист? — удивленно спросил он продавщицу. — Машина, вроде, у вашего крыльца.

— Только что был, — развела руками тетя Броня.

— А «Беломор» он взял на мою долю?

— Н-нет, ничего он не покупал. Мелочь всякую обменял на одну бумажку и пошел.

— Что за мелочь, на какую бумажку? — не понял Казимир.

— Да медяков у него куча скопилась, как раз и пригодилась ваша новенькая четвертная!

Наверное, Казимир побледнел, потому что тетя Броня приоткрыла рот. Но он уже вышел. «Вот теперь все ясно! Кузнеца-то они раскололи, раз отдал чемодан. Значит, и деньги показывал. А с тушенкой я на его глазах выходил из магазина...»

Готовый ко всему, Шпилевский снова пошел к клубу. Держа руку за пазухой, ногой распахнул дверь. Она ударилась о стенку, отскочила,

но оттуда никто не появился. Он быстро достал из чемодана яйца, переложил их в футляр с иконой, прощупал в нем двойное дно — пачки с деньгами похрустывали; туда же сунул пару кистей, так, чтобы концы торчали наружу. Подумав, торопливо надел под наряд художника серый костюм. Кажется, все! Чемоданчик он брать не стал, чтобы не вызвать лишних подозрений. Выйдя из клуба, сразу же повернул в противоположную от конторы сторону и нос к носу столкнулся с колхозным парторгом.

— Далеко собрались?

— У школы гипсовые пионерчики совсем цвет потеряли, хочу алебастром пройти, а то вид портят, — пояснил художник.

— Похоже, нам повезло с вами, — улыбнулся парторг. — Ну, удачи!..

«Вам повезло, — думал Казимир, сворачивая на огороды. — Ваше счастье, что нет времени кинуть флакон в артезианскую скважину, а то попили бы колхозные буренки водички с бруцеллезом...»

...В кабинете председателя Харламов встретил своего начальника официальным докладом:

— Согласно вашему распоряжению, продолжал вести оперативный розыск. Добыты неопровержимые вещественные доказательства того, что неизвестный, покушавшийся на младшего лейтенанта милиции Горакозу, а также заминировавший около кузницы три колхозных повозки, и художник Слуцкий являются одним и тем же лицом. Считаю необходимым немедленный арест указанного Слуцкого.

Василий Кондратьевич с одобрением, но и с некоторым удивлением посмотрел на Юру.

— Ну и отлично, — сказал он. — Тем более, что у нас имеется четкое подтверждение вашей версии со стороны гражданина Дударя, правда, уже покойного.

Харламов продолжал все тем же официальным тоном:

— Докладываю, что в настоящий момент задержать Слуцкого не представляется возможным: из-за непродуманности моих действий он заметил свой провал и сбежал!

Василий Кондратьевич сел на стул и прищурился:

— Ход ваших мыслей улавливаю: проворонил, виновен и, значит, заслуживаю отстранения от операции и отправки под арест. В самый ответственный момент? Извольте не каяться, а действовать! Быстро, решительно. Для начала осмотрите клуб.

Осмотр комнатки еще раз подтвердил правоту Юры: брошенный чемоданчик на одну защелку не запирался. Значит, действительно кузнеца. Но кое-что и насмешило посетителей: рядом с недоеденной тушенкой поблескивали зубные коронки.

— Эх ведь рвал кости, даже золото забыл!.. —

хмыкнул Мойсенович.— Вот тебе и художник. Как же это он обвел меня, старого партизанского разведчика?

— Не одного тебя,— хмуро успокоил председателя Василий Кондратьевич.— Профессионалов четвертые сутки водит вокруг пальца.

Не в радость встреча

Шпилевский шел к Леокадии. Он понятия не имел о ее поступке и меньше всего подозревал, что квартира «тетушки» под наблюдением. О смерти Дударя он тоже, естественно, не знал. Предстояло уговорить или заставить Леокадию явиться завтра в Красовщину и научить ее заминировать в последний момент трибуну. Он даст ей четыре бруска с детонаторами, покажет, как обращаться с ними. Убедит ее в абсолютной безопасности: никому и в голову не придет заподозрить скромную тихую учительницу в диверсии. Пусть только она правильно поставит свои часики, чтобы вовремя уйти от трибуны. Он напишет и покажет ей докладную записку о ее подвиге, которую представит шефам на Западе...

Он еще и еще придумывал доводы, которые подтолкнут Леокадию на этот шаг. Придумывал и сам до конца не верил в осуществимость своего плана. Но это была последняя его надежда. Другой опоры он не видел, его окружала пустота в этом враждебном краю...

По старой заброшенной дороге он шел в поселок, и это был уже не приезжий художник в замызганной «богемной» блузе и запачканных белыми брюках, а снова эlegantный молодой человек в отлично сшитом летнем костюме. Одежду Слуцкого он закопал у лесного ручья, вымыв заодно перекисью водорода волосы, брови и ресницы. И даже побриться успел заботливо сохранным лезвием.

Он входил на окраинные, тускло освещенные улицы райцентра, а навстречу ему шли Алексей Вершинин и приехавший на побывку к приемным родителям Михась Голуб, бывший Дубовик. О многом переговорили два друга, встретившись, многое вспомнили. Вспомнили и приятелей детства.

— Кстати, о Казимире,— заметил Алексей.— Есть о нем кое-какие свежие сведения...

Михась вдруг встал, как вкопанный.

— Какие сведения, когда вон он сам идет! По той стороне!

И он уже раздул легкие, чтобы рявкнуть приветствие бывшему товарищу, но Алексей что есть мочи дернул его в ближний дворик. В нескольких словах обрисовал обстановку: самолет, ямочка, Станислав, раненый Айвенго... Михась таращил и без того круглые глаза, а Алексей лихо радочно вырабатывал план действий. Ага, да ведь они рядом с домиком Мойсеновичей.

— Варфоломей!..

Варька тут же выглянул из-за забора, разгораживавшего дворы. Увидев призывной взмах руки, лихо сиганул через изгородь.

— Видишь? — показал ему Алексей на уходящего в сумрак Шпилевского.— Вот тебе тот тип с ямочкой на подбородке. Догоняй и следи за каждым шагом. Нам нельзя, он нас знает. Ты, Михась, страхуй издали Варфоломея. А я галопом в синий домик...

К дежурному по отделу Алексей ворвался смерчем: «Где Василий Кондратьевич? Или Юра?!»

Старшина в синих погонах неспешно оглядел встрепанного юношу и, лишь выяснив, по какому делу и кто он, взял телефонную трубку:

— Девушка, колхоз «Партизанская слава», председателя...

Через минуту он тем же уравновешенным тоном сообщил, что «товарищ подполковник и товарищ лейтенант в двадцать один ноль пять отбыли в районный центр». Алексей кинулся на площадь и перехватил «Победу» еще на въезде в поселок. Выслушав Алексея прямо в машине, Василий Кондратьевич сказал:

— Молодой человек, я начинаю думать о вас все лучше, и не исключено, что подножка с ксендзом исчезнет из моей памяти. Лейтенант, машина в вашем распоряжении, а я пройду пешком. Жду ваших сообщений.

...Варфоломей не стал переходить на другую сторону улицы. Светло-серый костюм и так хорошо виднелся в сумерках. Человек в нем чуть замедлил шаг около дома учительницы Леокадии Болеславовны, но только поправил шнурок на туфле и пошел дальше в сторону сквера, где уже играла радиолка, сзывая молодежь на танцы. Варька вспомнил глухие кусты вокруг площадки. Там нетрудно исчезнуть из виду. А дальше крутой откос, луг и лес.

...Казимир без труда заметил темную фигуру в палисаднике дома «тетушки». Человек даже не прятался, сидел на завалинке и курил. В его функцию и не входила маскировка: просто было приказано никого не впускать и не выпускать. Шпилевский этого не знал и сейчас напряженно раздумывал: «Случайность? Просто знакомый? Сосед? Но мне она до зарезу нужна»...

Впереди играла музыка, шаркали подошвы, слышалось множество молодых голосов. Было удобное место для встречи, и он решил вызвать сюда Леокадию через посредство какого-нибудь мальчишки. Пока оглядывался, Варька подошел к нему почти вплотную и при свете фонаря рассмотрел гладко выбритое полнощекое лицо с раздвоенным ямочкой подбородком. Он!

Казимир заметил его и подозвал:

— Танцевать тебе, хлопчик, рано, а заработать на конфеты можешь. Где учительница Могилевская живет, знаешь?

— Ну, знаю,— протянул Варфоломей.

— Вот тебе рубль, сгоняй к ней, вызови сюда.

— А кто вызывает?

— Она догадается. Беги! Скажи — обязательно.

«Может, он и Леокадию собирает хлопнуть, как Айвенго, — заподозрил Варфоломей. — Она хоть и зануда, а все равно женщина. Ишь чего надумал!» И никуда не пошел, просто спрятался в кустах, продолжая наблюдение за серым костюмом. А тот поднялся со скамейки, подошел вплотную к перилам площадки, оперся на них. Варфоломей отчетливо увидел, как незнакомец что-то сунул между тесными балясинами ограды. «Так, запомним», — отметил про себя хлопец, не зная, что Казимир решил избавиться от одной из оставшихся мин. Леокадии и трех вполне достаточно для Красовщины, а оставить свою «визитную карточку» в самом людном месте поселка — не лишнее. Казимир поставил двухчасовой взрыватель, рассчитывая, что при всех вариантах будет в половине двенадцатого далеко отсюда.

Неожиданно он уловил ставший уже знакомым звук мотора коричневой «Победы». Прислушался. Сомнений не было: машина двигалась сюда. Вот уже отблески фар сверкнули между домами ближайшего переулка. Он шагнул в сторону кустов. И вдруг, словно из-под земли, вырос парнишка, посланный за Леокадией, начал что-то бормотать: «Она... она скоро... только...» Но Шпилевский глянул ему в глаза и понял: этот сопляк следит за ним! Ну да, он же шел по другой стороне улицы, когда Казимир задержался у дома учительницы. «Ах ты, пионерчик вшивый!» — пробормотал он и железно сжал ему шею сгибом локтя, а движением колена отшвырнул его в кусты. И тут почувствовал не менее железную хватку вокруг собственных запястий. «Уже!» — страшно мелькнуло в голове, и он подумал было об ампуле, но чей-то голос произнес: «Ты чего с маленькими развоевался, Казик? Со мной попробуй!» О, он помнил этот голос, годы не изменили его. Да, перед ним стоял Михась Дубовик, только не в брезентовой нищенской робе, а в щегольской форме воздушного десантника.

— Так что ты тут делаешь, Казик Шпилевский?

— Э-э... это, брат, в другой раз: сейчас жуть, как спешу. Мальчишка этот в ногах запутался.

— Не от них ли спешить? — показал Михась глазами на приближающиеся три фигуры, по-прежнему сжимая его запястья.

И тогда Казимир резко ударил противника головой в переносицу. Но Михась знал этот прием: десантников учат молниеносным рукопашным схваткам не хуже, чем в разведшколах. Удар пришелся вскользь по скуле, однако левую руку Казимир все-таки освободил. Он тотчас нанес ею жестокий болевой удар в низ живота, но Ми-

хась успел круто вывернуть ему правую руку, так, что хрустнуло в предплечьи. Шпилевский вырвался и стремглав кинулся к откосу, клубком покатился вниз, в густой луговой туман. Харламов, Алексей и шофер «Победы» бросились следом. Чуть оправившийся от шока Дубовик крикнул им вслед: «Живым берите, правая у него вывихнута!» И тут он услышал рядом с собой стон. Стонал мальчик, следом за которым он шел.

— Больно тебе? — испугался Михась.

— Не то... не в том дело... мина там, — еле выговорил Варька. По его подсказке Михась тщательно обшарил столбики перил, пока не извлек нечто продолговатое, с чем бросился сквозь кусты под откос.

Там Михась посветил себе фонариком, вспомнил уроки минного дела и решительным движением извлек из узкого паза пластиковый взрыватель. С трудом уgomонил дрожь в пальцах... Потом он вновь поднялся к площадке, нашел лежащего Варьку, взял его на руки и вышел на свет:

— Эй, ребята, кто знает этого хлопчика? Отнесите его домой или в больницу, шпана его крепко помяла.

Сам Михась очень торопился присоединиться к чекистам: он ясно услышал два глухих выстрела.

«Пьяного ведут...»

Собственно говоря, пока стрелял только «вальтер» Шпилевского. Харламов и шофер-сержант даже не вынимали оружие: упаси бог ранить! Станут подходить, и хрустнет ампула... А он нужен живой. И такое возможно, маневренность и боеспособность агента сейчас здорово ограничены вывихнутой рукой. Молодец десантник!

Шпилевский оторвался от своих преследователей метров на триста. Еще столько же — и спасительный лес. Конечно, тот полностью от опасности не избавит, но от пуль укроет. Кстати, почему они не стреляют? Рассчитывают взять живым? Ему же нечего терять, за одного постового на прибалтийском мосту уготована «вышка», да и пацану сегодняшнему он, кажется, намертво свернул шею. Нет, он их еще поводит за нос, изобразит, что кончились патроны, а потом подпустит вплотную и перещелкает по одному из «бесшумки». Жалко, что нет мгновенного детонатора для мин, он бы вымостил взрывчаткой дорогу к лесу.

Бормоча все это вполголоса, Шпилевский перебегал от кочки к кочке, от куста к кусту и — наконец-то! — от дерева к дереву. Уже из-за сосны он пустил пулю в широкоплечего и увидел, как тот споткнулся на правую ногу. Второй, в кожанке, подбежал к нему. Казимир еще раз выстрелил. Мимо. Все-таки с левой руки стрелять неудобно. А где третий? В лесу уже совсем

стемнело, можно только догадываться по хрусту сучьев, что тот взял вправо, в обход. Окружить пытаются? Ну, треугольник — это не круг, проход найдется, были бы силы да патроны. Сколько их осталось в «вальтере» — три или четыре? Ладно, он будет стрелять, пока машинка не замолкнет. Потом возьмется за «кольт». А пока еще бросок на двадцать метров, еще...

Еще перебежка — и вот она, чащоба ельника. Но туда ему не проползти со вспухшим плечом. Откуда принесло проклятого Дубовика с его самбо? Или, может, Михась ему померещился? Вообще-то, самая пора появляться призракам и миражам: он четыре ночи почти не спал, да притом какие ночи! Прыжок в темноту, вода, медведь... Что еще мешало ему поспать?.. А-а, ковбойка и булжник в руке, потом мальчишка...

Мысли начинали безнадежно путаться. И тут он услышал из ельника голос:

— Слушай меня, Казимир!..

Он в ужасе выстрелил на звук: это не был голос Дубовика, так кто же еще мог знать его имя? Выходит, новый призрак? Ну давайте, окружайте, я вот только пистоль сменю, и посмотрим, берут ли пули привидения... А голос продолжал:

— Да не попадешь ты в меня, я из-под земли говорю, из старого окончика, пули сюда не залетят. А сам ты в ельник не влезешь, у тебя рука сломана. Знаешь, кто я? Лешка Вершинин, ты такого помнишь? Ну, хлопец из Сибири, мы с тобой наперегонки плавали в Немане. Вспомнил? Я тебе еще пинка дал за вранье, помнишь? Так вот...

«...Таких пинков тебе я надаю, забудешь песенку свою!» — неожиданно влезли в голову слова патефонного шлягера, которым совсем недавно встретило Казимира обиталище Льва Слуцкого. Как там дальше? «Вернись попробуй, дорогой, дорогой...» Ага, вот еще вспомнил: «...тебя я встречу кочергой, кочергой». Кочерги у меня нет, а «бесшумка» имеется. Вот она... О-о! Черт возьми, я достать не могу пистоль, совсем правая рука не подчиняется...

— Слушай, Казимир, сдавайся! Ты не убил того парнишку, он жив. А нас уже четверо, вон Михась подошел, все равно не уйти тебе далеко, а уйдешь, так ненадолго!

...Все правильно, вот уже и Лешка-сибиряк появился, кого же еще не хватает? Ага, контуженного Стасика, так я и его, кажется, тоже видел в городе — значит, полный сонм привидений собрался. Что ж, пора к ним присоединиться! О, дьявол, голова болит хуже руки, не повернуть ее к воротнику. И ампула, наверное, горькая, как вино в Шотландии. «Вино там стоит пятачок, пятачок»... Почему этот Лешка кричит — уйдешь ненадолго?! А я вот сейчас всем вам докажу, что надолго. Как там, в песне?..

...У кромки ельника вдруг в рост поднялась светло-серая фигура. Пошатываясь, размахивая

одной рукой с зажатым пистолетом, человек побрел навстречу своим преследователям, распевая во все горло:

«Я надолго уезжаю,
И когда вернусь — не знаю,
А пока прощай!..»

Сержант подскочил и выбил пистолет. Одновременно Юра с силой дернул и оторвал от рубашки воротник. Казимир никак не реагировал. Он продолжал горланить:

«Прощай, и друга не забуду-дь,
Твой друг уходит в дальний пу-у-ть».

Агент «Интеллидженс сервис» Голл-Шпилевский сошел с ума.

Шофер с «Победы» сказал еще короче: «Спятил!» — и на всякий случай привязал здоровую руку Казимира к туловищу. Потом при свете фонарика осмотрел царапину на бедре Юры, пошарил вокруг и залепил ее обычным подорожником: «Будете танцевать, товарищ лейтенант». Нашел он лекарство и для Михася, которого все еще рвало после удара в живот, — достал из заднего кармана флягу и сказал предельно ясно: «Употребь!»

Таким квинтетом они и появились у машины, стоявшей рядом с танцплощадкой. Казимир все еще орал свой «Кабачок». «Пьяного ведут», — так прокомментировали событие танцующие.

Без десяти одиннадцать Харламов вошел в кабинет начальника.

— Товарищ подполковник, вражеский агент арестован и доставлен. Но не в форме...

— Как это? Помяли? Ранили?

— Никак нет. То есть, почти нет. Он свихнулся. Песни орет и зубами щелкает.

Подполковник облегченно откинулся в кресле:

— Ну, тогда вылечат. Заговорит. Это тихие в ум не возвращаются, — он взялся за телефонную трубку.

Врачи ошибаются редко

Врач сказал, что растяжение мышц шеи не столько опасно, сколько болезненно. Тут главное соблюдать полную неподвижность данной части тела. Плюс компрессы и жаропонижающие средства.

Варфоломей и лежал неподвижно с туго забинтованной шеей. Что касается удара коленом в живот, то, по мнению врача, мальчика спас от серьезной травмы чрезвычайно развитый брюшной мышечный пресс.

— Похоже, что больной систематически занимается тяжелой атлетикой или, во всяком случае, специальной гимнастикой?

— Систематически. Специальной, — подтверди-

ла Паша, у которой за два часа впали щеки и провалились глаза: брата принесли домой без сознания и двадцать минут приводили в чувство.— Он ведь как занимается: за день вытягивает из колодца и приносит домой ведер пятнадцать воды. Столько же выносит грязной. Зимой дрова колет, снег убирает — тоже нелегкая... атлетика.

— Реку забыла,— просопел в подушку Варфоломей.

— Вот, и река... Я раз попробовала подержать эту его жердину с крючком; так руки отвалились через пять минут. А мальчишки по часу стоят, как цапли в воде, и на весу держат эту оглоблю. Тут не только брюшной, а и спинной пресс нарастет.

Врач посмеялся и заверил, что непосредственной опасности нет, однако в случае температурной вспышки пусть за ним обязательно придет муж.

— Он еще не муж,— возразил Варька.— Студенты не женятся.

— Господи! — охнула девушка.— Да о ком вы?!

— А это разве не супруг ваш сидит на крыльце? Ну, извините старика. Я часто вижу вас вместе на улицах, ну и...

На крыльце сидел, конечно, Алексей. Гнаться за вооруженным Казимиром он не боялся, а сейчас трусил зайти в дом. Конечно же, Варфоломей рассказал сестре, что именно Алексей послал его следить за Шпилевским. Значит, он больше всего и виноват в случившейся беде.

Когда Алексей все-таки зашел в комнату, Паша принялась оглядывать его со всех боков, почти как братишку. Не найдя ран или царапин, спросила, словно маленькая девочка:

— Страшно было?

— Нас же четверо там оказалось. А вообще-то действительно страшно стало, когда он вдруг зашел и вышел. Брр!

По нечаянности Паша и его принялась гладить по голове, как брата. Варька фыркнул на это и сказал:

— Вы когда поженитесь, сейчас или в другой раз? А то вон уже люди запутались в ваших делах.

Паша убежала в кухню, а Алексей погрозил ему пальцем. Когда Варфоломей уснул, они сели по обыкновению на крыльце и долго молчали...

Утром Соня собиралась на колхозный праздник, словно на торжественное заседание. Надела строгий синий костюм.

— Жарко будет,— скептически заметил Дмитрий Петрович, облачившись всего лишь в свежую вышитую рубашку.

— Жарче было бы, не поймай вчера ребята диверсанта! — парировала Соня и стала размещать на жакете награды. Лялька подносила коробочки, а мать устанавливала их очередность.

— Подавай на правую сторону. Сначала

«Отечественной войны» первой степени. Сейчас — второй. Теперь «Звездочку» давай. Так, умница... Начали на левую. «Красное Знамя». «За отвагу». Опять ту путаешь с «Боевыми заслугами»! Вторую «За отвагу». Теперь мою самую любимую — «Партизану Отечественной войны» первой степени... Дима, а ты чего скромничаешь?!

— Куда уж моим регалиям рядом с твоими, срамиться только,— жалко шмыгнул носом Дмитрий.— Мы уж как-нибудь в сторонке от вашей сиятельности постоим.

— Ну как знаешь, а я считаю своим долгом быть в Красовщине при полном параде: я там воевала, создавала колхоз.

...Чтобы Варьке не было скучно, Паша чистила картошку к обеду прямо у его кровати и что-то рассказывала. Увидев Алексея, сконфузилась и едва не опрокинула кастрюлю с табуретки.

— Ну чё запрыгала! — вдруг с сибирским произношением строго сказал Алексей.— Чужой я вам, что ли, стесняться-то. Вот апельсины лучше возьми для Варфоломея, доставлены из Гродно.

Паша сроду не отличалась смелостью, а от такого хозяйского тона вовсе оробела. И уж совсем растерянно поглядела на Варьку, когда Алексей взял в сенках ведра и пошел к колодцу.

Он постоял на дворе, ожидая, пока ветром снесет пыль от машин с флагами, идущих на праздник в Красовщину.

Машины все шли и шли.

Все свершится своим чередом...

**Владимир
СИБИРЕВ**

Хлеб

Давно отвыкла пашня
От мотыги.
Бензином знойным отдает стерня.
И лишь ядреный вкус ржаной
ковриги

Дошел в первооснове
До меня.
В нем солнце бродит
Золотым свеченьем.
В нем грусть славянской
Маятной души...
Есть в хлебе нашем все,
За исключением
Расчета на шантаж и барыши!

Портовый ветеран

Мне не хочется
Плыть на лайнере,
Заграничных не надо виз.
С сотоварищами случайными
Мне на сейнере бы
В круиз.
Вот он
К стенке бортом обветренным
Прикоснулся, словно щекой...
И конечно же
Стенке ведомо:
Скоро сейнеру на покой.
Не смотри, что на вид
Игрушечный.
С пулеметом такие в войну
Шли,
Обстрел презирая пушечный,
И пускали врага ко дну!

Воспоминание

Мы готовимся как на парад.
Дело в том, что за дальним лиманом
Под Одессой поспел виноград.
И в совхоз на подмогу пора нам.
Хлоркой,
Чтоб белизной обожгли,
Мы холщовые травим рубахи.
Пемзы целый вагон извели
В эти дни на матросские бляхи!..
Тайный трепет скрывают едва
«Старички», повзрослевшие на год.
Сколько раз
Кругом шла голова
От былых поцелуев и ягод.

Возле тумбочек — фото подруг.
Чуть повыцветь пришлось их овалам.
Ничего не поделаешь — юг —
Даже в кубриках солнца навалом!
Все свершится своим чередом.
Отслужу.
Сдам преемнику пушки.
И залихватым смехом хохлушки
Огласится родительский дом...

**Игорь
ЧЕРНУХИН**

Я бы с лесом и тяжбу завел,
и борьбу,
И срубил для тебя золотую избу
Из поющих деревьев,
на четыре окна,
Чтобы стала она
и углами красна.
Я срубил бы ее
возле светлой реки,
Чтобы все по душе тебе было,
с руки...
Я б украсил ее
самой тонкой резьбой,
Чтоб прохожие люди дивились избой.
...До сих пор в моих снах —
голубая изба...
Но ни мне не судьба,
ни тебе не судьба.

Дождь

Памяти Н. Рубцова

Тихий дождик. Воскресенье.
Ты меня туда зовешь,
Где лежит Сергей Есенин
И не слышит этот дождь.
За кладбищенской оградой
Одиноко и темно...
Будут капли долго падать
В наше красное вино.
Выпьем молча,
но без грусти.
Есть для грусти свой черед...
Над Москвой,
над целой Русью
Поминальный дождь идет.

ДОБЛЕСТЬ ХРАБРОГО СОЛДАТА,
ПАМЯТЬ ПАВШЕГО БОЙЦА
БЕРЕГУТ СВЕТЛО И СВЯТО
ПИОНЕРСКИЕ СЕРДЦА.

ОБЕЛИСК У ШКОЛЫ

Борис
ГЕЛЬРУД

Первые шаги поиска героев-защитников Родины были сделаны сразу по следам горячих боев. Но армия красных следопытов родилась и получила свое название в 50-е годы. И связано это вот с каким фактом. 26 мая 1957 года ленинградская пионерская газета «Ленинские искры» опубликовала обращение: **«КТО ХОЧЕТ БЫТЬ КРАСНЫМ СЛЕДОПЫТОМ!»** По всей стране откликнулась пионерия, включаясь в поиск героев войны. К ней присоединились ветераны, студенты, рабочие... Следопытский поиск разросся, расширился. До сих пор сохраняется верность военной тематике; но рядом со следопытами «по войне» давно и успешно работают поисковые отряды, занимающиеся революционным прошлым, краеведы, археологи, геологи, «литературные» следопыты... Ныне 60-миллионная армия следопытов отмечает свое 25-летие. Отдавая дань военному поиску — «изначальной» следопытской теме, — мы публикуем истории, восстанавливающие судьбы павших бойцов.

Фотография первого выпуска нынешней 9-й школы города Нижнего Тагила. Мальчики, девочки, классный руководитель, пионервожатый... 1936 год. Пять лет остается до того июньского дня, который многих из них оденет в шинели, уравнивает учителей и учеников, разбросает по фронтам. Многие из них останутся лежать на поле боя...

Очень хотелось нам подробнее узнать о каждом из учеников первого и других предвоенных выпусков, о каждом воевавшем учителе — где воевали, как погибли, живы ли родные, как сложилась судьба фронтовиков, если их пощадила война. О каждом... О каждом! В 1974—1975 гг. десятиклассники из группы «Поиск» наладили переписку и встретились со многими десятками учеников до-

военной школы, учителями, родственниками погибших. Тогда и появился у школы обелиск — до сих пор вписываются в перечень на нем все новые и новые имена...

Первой на обелиске в память погибших учителей и учеников школы стоит фамилия Дмитрия Ивановича Базунова. Он всего на несколько лет был старше своих учеников. Долго мы не знали, где и когда погиб учитель. В апреле 1975 года следопыты нашей школы попали в центральный архив Министерства обороны под Москвой, и внимательные работники архива среди двадцати миллионов сообщений о гибели воинов нашли нужные нам сведения. Дмитрий Иванович служил в стрелковом полку политруком; он умер от ран 16 сентября 1942 года и похоронен в Волоколамске.

Завуч школы предвоенных лет Николай Александрович Самарин, с первых дней войны призванный в действующую армию, погиб 21 октября 1941 года. Учитель музыки, баянист Борис Андреевич Глотов погиб под Сталинградом в конце 1942 года. Смертью храбрых пали учителя математики Владимир Алексеевич Малиновский и Василий Васильевич Кузнецов. В первые дни войны убит учитель Степан Степанович Сухорук.

Бесценные документы, старые фотографии — отдельных учеников, классных коллективов, кружков... Сколько мальчишеских лиц! Эти ребята уже выбирали себе жизненную дорогу: они хотели стать инженерами, летчиками, металлургами, геологами. Все дороги перечеркнула война.

В газете «Тагильский рабочий» за 20 октября 1938 года была напечатана фотография ученика 10 класса нашей школы Левы Гудина, участника драмкружка при клубе Уралвагонзавода. Говорилось там, что Лева рекомендован областной комиссией в театральный институт. А вот фотокопия дивизионной газеты «За Родину» от 22 января 1942 года: «Взвод артиллеристов товарища Гудина уничтожил 2 танка, 2 минометных батареи, 2 станковых пулемета, орудие и более взвода немецкой пехоты. В бою в Можайске товарищ

Гудин действовал с примерным бесстрашием и мужеством. В подвале одного дома он встретился с четырьмя вооруженными фашистскими диверсантами. Он смело напал на фашистов, обезоружил их и захватил у них рацию и документы».

24 апреля 1942 года в деревне Сорокино под Гжатском лейтенант Гудин был сражен осколком вражеской мины. Лева похоронен со всеми воинскими почестями на 141-м километре Минского шоссе. Через три с лишним десятилетия рассказал фронтовой друг Левы школьникам семидесяти годов о боевом пути одного из лучших комсомольцев школы.

Материалы о Лева Гудине хранятся в музее Бородинского поля, на котором он сражался, в нескольких школьных музеях, где следопыты собирают сведения о боевом пути дивизии. Лева любил фотографироваться, и одну из своих фотографий он, серьезный десятиклассник, подарил своему товарищу Васе Решетникову с шуточной надписью: «На память Васенци от Левенци Гуденци». А на другой фотографии повзрослевший Лева, уже в военной форме, пишет: «Васе — на долгую память о хорошем прошлом и еще лучшем будущем».

За это будущее через несколько месяцев заплатили своей жизнью в боях с врагом артиллерист Лев Гудин и его друг, морской пехотинец Василий Решетников. В конце 1942 года от Васи с Калининского фронта пришло письмо: «Пишу на саперной лопатке, скоро бой». В этом бою он и погиб...

Толя Иванов был намного старше своих одноклассников. В десятом классе он уже возглавлял районную организацию Осоавиахим, часто занимался с одноклассниками строевой подготовкой. Бывшая наша школьница, ныне доктор химических наук А. А. Неймышева пишет: «У нас тяжело заболел учитель математики Петр Иванович. Нового преподавателя не было, и роль его взяли на себя Толя Иванов, Алеша Шинкарев и я. Мы вели уроки почти полтора месяца...» Командир разведчиков Анатолий Иванов погиб в боях под Сталинградом. Погиб и его товарищ Алексей Шинкарев.

Рядом с Толей на многих фотографиях — за игрой в шахматы, на заседаниях комитета комсомола — сидит небольшой паренек Валера Зуев. наших следопытов из «Поиска» всегда волнуют встречи с Александрой Павловной Зуевой — мамой Валерия. Взвешивая каждое слово, боясь привлечь особое внимание к судьбе своих детей, она рассказывает, как война одного за другим отняла у нее трех сыновей: Валерия, Поликта и Веню... Уроки выдержки, стойкости, скромности преподала своим сыновьям эта женщина, которая в первые годы строительства завода

одна подняла четырех детей, имея на руках еще больных родителей. Таким же трудолюбивым и энергичным вырос ее старший сын Валерий. Чтобы помочь матери, он играл в духовом оркестре, но никогда не забывал на часть из заработанных денег купить мороженое всем девочкам класса. Он погиб под Сталинградом 11 августа в 1942-м.

Погиб от вражеской пули во время переправы через Днепр Коля Гончаренко. На смоленской земле при высадке очередного десанта убит Толя Кириллов. В Калининской области с отдаением всех воинских почестей похоронен умерший от ран Петя Карпенко. У деревни Борки Псковской области оборвалась жизнь Вити Пушина. Не вернулся из воздушного боя в районе города Проскурова в Западной Украине Гена Сандаков...

Не пришел с войны погибший в 1943-м Федя Сидоров. До последних своих дней Пелагея Тимофеевна Сидорова, учительница, награжденная орденом Ленина, хранила последнее письмо сына: «Мама, вылетаю защищать Родину. Надеюсь, встретимся, но, может, я и погибну — войны без жертв не бывает. Ты не переживай: у тебя много ребят, которых надо учить».

Ежегодно два-три раза — в день Победы, в день рождения сына и к началу учебного года — приезжала Пелагея Тимофеевна к обелиску у школы. Большими руками взрыхляла землю и высаживала цветы, затем заходила в школу, угощала конфетами ребят. И когда в начале июня 1979 года последние силы оставляли старую учительницу, она попросила, чтобы ее после смерти в последний раз пронесли мимо обелиска...

Пятьдесят шесть фамилий учителей и учеников школы, погибших в боях с немецко-фашистскими захватчиками, значатся на обелиске у школы. Множество цветов легло на каменные плиты у его подножия. Склонив головы, подолгу стоят здесь жители Вагонки и ее гости, родные и близкие павших. Первого сентября бегут сюда с букетами первоклассники...

В ЖИВЫХ ОСТАЛОСЬ ТОЛЬКО ДВОЕ

**Равиль
ЕНАКАЕВ**

Их было шестнадцать — сильных, смелых, веселых парней. Русские, украинцы, коми... Самому младшему, командиру взвода 3-го стрелкового полка, гвардии младшему лейтенанту Василию Кочеткову, было всего девятнадцать.

Донская степь. Август 1942 года. Получен боевой приказ: взводу Кочеткова занять оборону на высоте 180,9 у хутора Дубового, в пяти километрах севернее станции Сиротинской, и удержать ее любой ценой до подхода подкрепления.

Утром начался минометный обстрел, а потом показались и фашисты. Они шли во весь рост, поливая высоту автоматным огнем. Первая атака была отбита удивительно легко и совсем без потерь.

Однако вскоре поднялись новые вражеские цепи: на взвод шли две роты итальянцев. «Ближе, ближе подходите...» — шептал Кочетков, и первым дал длинную автоматную очередь.

Тишина установилась. Надолго ли?

Василий вырвал из общей тетради листок бумаги и торопливо стал писать домой. Это его письмо и по сей день бережно хранит мать героя Евдокия Николаевна: «Мама, милая, здравствуй! Не знаю, дойдет ли до тебя это письмо. Сидим в окопах, ждем новую атаку... Будем биться до конца. Победим и приедем...»

До вечера враги еще три раза ходили в атаку, но высота 180,9 оставалась незыблемой. У ее подножья нашли смерть около ста итальянских солдат и офицеров.

Утром из оврага взметнулось густое облако пыли, показались автоматчики в черной форме.

— Это уже немцы... — сказал боец Касьянов.

— Сомнем и этих, — сквозь зубы отозвался Григорий Штефан.

И передние ряды гитлеровцев были буквально скошены. Потеряв более пятидесяти человек, фашисты вынуждены были отойти. Однако появились первые потери и у гвардейцев: ранен комзвода Кочетков, бойцы Федосимов, Унжаков, Меркурьев. Но все остались в строю.

Ночью полковая разведка сообщила, что враг готовится к танковой атаке.

— Один, два, три... пять... — запекшимися губами считал Кочетков, — восемь, девять... Еще три... Что ж, друзья, мы — комсомольцы. Вспомните подвиг панфиловцев под Москвой, они стояли насмерть. И нам отступать некуда — позади Сталинград!..

Начался последний, неравный бой. Запылали, остановившись, две головные машины, третий танк свалился прямо в траншею. Рядом с Кочетковым взорвался снаряд, второй раз был ранен командир. Заслоня его, вперед выдвинулись Докучаев, Федотовский, Двоеглазов. Было трудно дышать, дым разъедал глаза. Кто-то из бойцов бросался со связкой гранат под громохочущие гусеницы...

В строю оставались Михаил Шуктомов, Василий Чирков, Михаил Степаненко. А два вражеских танка все

еще ползли вперед. И тогда все трое оставшихся, уложив на дно окопа умирающего командира, кинулись им навстречу.

...Когда к месту боя подошло подкрепление, командир взвода, откашляваясь кровью и напрягая последние силы, сообщил политруку Новикову о подвиге своих товарищей. Приказом Военного совета фронта от 2 октября 1942 года за выполненные задания и проявленные при этом доблесть и мужество Кочетков, Бурдин, Гушин, Докучаев, Чирков, Шуктомов были посмертно награждены орденами Ленина, остальные десять гвардейцев — орденами Красного Знамени.

Через две недели о подвиге кочетковцев узнали в родном городке Василия Кочеткова — Беднодемьяновске, что находится на границе Пензенской области и Мордовии. Младший брат Василия, Дмитрий, узнав о гибели брата, тут же ушел добровольцем на фронт.

Только после войны следопыты Волгограда и Беднодемьяновска установили, что погибли не все кочетковцы. Павла Бурдина и Геннадия Унжакова, получивших тяжелые ранения во время взрыва вражеского танка, подобрала санитары соседней части и отправили в госпиталь. После выздоровления они снова встали в боевой строй и с победой вернулись в родные края. Унжаков работал трактористом в Новосибирской области — старые раны преждевременно оборвали его жизнь. А Павел Бурдин жив и сейчас, работает начальником цеха Очерского машиностроительного завода.

Время бессильно стереть из памяти советских людей героизм и мужество солдат Отечественной. Командир шестнадцати гвардейцев запечатлен скульптором Е. В. Вучетичем на Мамаевом кургане. На высоте, где погибли парни, поднялся обелиск...

БЫЛ ДЗОТ НА МЕСТЕ ТОМ...

**Алексей
ВЛАДИМИРОВ**

В городе Армянске Крымской области есть школа №3. Перед новым зданием школы — бюст молодого военного...

В годы войны этого здания школы не было. В апреле 1944 года здесь проходил передний край обороны, а на месте памятника находился немецкий дзот. Тот самый дзот, который Герой Советского Союза Петр Григорьевич Карелин закрыл своим телом 8 апреля 1944 года.

Недалеко от школы — могила героя. На надгробном памятнике стихи:

Он здесь в бою
упал на пулемет,
Теперь над ним
росинки мята пьет,
И журавли, летящие на юг,
Над перекопской степью
совершают круг.
Они в полете
мощно воздух рвут
И почести солдату
воздают...

Петр Карелин родился в Сретенске в 1922 году. Отец, Григорий Сергеевич, и мать, Секлетинья Никитична, гнули спину на кулаках, чтобы прокормить девятерых детей. И этой, глухой в то время, провинции коснулись события борьбы за власть Советов. Однажды город заняли белые. Двое красноармейцев, не успевшие уйти, спрятались в стогах: один — на огороде Григория Карелина, а другой — на огороде его богатого соседа. Сосед сразу же выдал красноармейца белым, и того расстреляли. Когда стемнело, Григорий подошел к стогу:

— Товарищ, выходите...

Рискуя своей жизнью, жизнью семьи, Григорий Сергеевич помог красноармейцу скрыться.

После гражданской войны к Карелиным заехал красный командир. Он зашел к Григорию Сергеевичу поблагодарить за то, что спас ему жизнь.

Об этом случае Секлетинья Никитична рассказывала своим детям. Дети гордились отцом.

В детстве Петр, как и многие его сверстники, зачитывался книгами об авиации. После восьмого класса он был направлен по комсомольской путевке в школу летчиков. Это было в

1940 году. А в 1941-м по личной просьбе был переведен в военно-воздушное училище. Там и застало его известие о войне. Курсанты были досрочно выпущены из училища и отправлены на фронт.

Петр Карелин попал под Сталинград. Воевал храбро, был представлен к ордену Красной Звезды. В 1943 году после ранения в ногу его отчислили из авиации.

«Авиация не выходит из головы, — писал он домой. — Мама и все родные, хочу вам напомнить год 1933-й, когда я бродил с котомочкой. Сколько сейчас вокруг подобных картин! Не могу видеть, когда бродят голодные дети...»

Фронтовая судьба забросила его на курсы младших лейтенантов. Направление он получил в 3-ю гвардейскую стрелковую дивизию командиром роты. За участие в освобождении Сталинграда и Донбасса Петр Карелин был удостоен медалей «За отвагу» и «За оборону Сталинграда».

В марте 1944 года дивизия с боями подошла к Перекопу. Предстояло прорвать полосу укреплений на перешейке.

Ровно в восемь часов 8 апреля раздался гулкий выстрел: зенитная пушка дала сигнал начала артподготовки. Огонь советской артиллерии застал фашистов врасплох. И когда из окопов поднялись идущие в атаку солдаты, немцы не поняли, что это всего лишь чучела, изготовленные незадолго до боя. Выйдя в ответную атаку, фашисты попали под обстрел и с большими потерями отступили. Говорят, что у страха глаза велики... Когда те же самые чучела были вновь подняты из окопов, немцы вторично попались на эту хитрость! Укрепления первого рубежа были отвоеваны.

Вторая стрелковая рота Петра Карелина уже достигла окраины Армянска. И тут, словно из-под земли, заговорил у разбитого дома вражеский дзот.

Пулеметная очередь косила ряды наших гвардейцев. Рота залегла. И командир принял решение. Он с тремя солдатами стал пробираться к дзоту, обходя его слева. Расстояние до дзота было не более пятидесяти метров, но с каким трудом оно

преодолевалось... Впереди, почти сросшись с землей, продвигался командир. Прикрывая своего лейтенанта, чуть справа полз ординарец — дядя Сережа.

Пятнадцать метров до дзота... А пули свистят... В одно мгновение командир оторвался от земли и бросился под огнем на ствол пулемета.

Рота ворвалась в Армянск. Дядя Сережа с обнаженной головой долго стоял на коленях перед своим командиром, которого любил, как сына. В ушах его еще звучали слова Пети, сказанные им накануне боя: «Нравится мне здесь... Вот кончится война, приеду сюда жить. Ведь я никогда еще не видел настоящего моря...»

О подвиге гвардии лейтенанта Петра Карелина писала в 1944 году «Комсомольская правда». Указом Президиума Верховного Совета СССР от 16 мая 1944 года ему присвоено звание Героя Советского Союза.

Памятники Петру Карелину установлены и в Сретенске, и на станции Чарская. В школах Сретенска и Армянска красные следопыты рассказывают о двадцатидвухлетнем лейтенанте, повторившем подвиг Матросова, на первом уроке первокурсников — уроке мужества.

ПОСЛЕДНИЙ БОЙ

**Евгений
КОМАРОВ**

Красные следопыты средней школы № 1 города Артемовского Свердловской области не первый год ведут поиск новых материалов о бывшем ученике школы Спиридоне Спицине. Начали ребята с того, что просмотрели публикации в газете «Артемовский рабочий», съездили к сестре Спиридона Матвеевича Анне Матвеевне Трофимовой, живущей в шахтерском поселке Буланаш. В горкоме КПСС им дали адрес И. И. Смагина, проживающего в Москве, — председателя совета ветеранов 68-й дивизии, в которой воевал Спицин. Иван Илларионович Смагин выполнил просьбу ребят и прислал адреса восьми участников боя на Днепре, где погиб Спицин.

К сожалению, никто из них не знал подробностей его гибели. Своими материалами поделились с артемовскими следопытами работники Куйбышевского музея и ребята одного из куйбышевских ПТУ. Уральские следопыты получили приглашение на встречу ветеранов знаменитой дивизии.

Ко многим ветеранам подходили ребята на этой встрече, показывали снимок своего земляка. Но, увы, никто не мог рассказать им о гибели Спицина. Единственное, что удалось узнать — место его захоронения в селе Балыко-Щученка, на берегу Днепра. С тем и вернулись.

Шли дни. Разбирая как-то очередную почту, девочки распечатали объемистое письмо. Начинилось оно так: «Уважаемые красные следопыты! По вашей просьбе сообщая сведения о службе командира взвода противотанковых ружей лейтенанта Спицина С. М., служившего во втором батальоне 198-го гвардейского полка 68-й гвардейской стрелковой дивизии, и о его героической гибели...»

С волнением склонились девочки над письмом, с трудом разбирая незнакомый почерк. Автор письма П. М. Медведев командовал вторым батальоном — тем самым. Вот что они узнали.

Встретились Медведев и Спицин на станции Графская в мае 1943 года. Медведев принимал тогда пополнение. На уральца обратил внимание сразу: нетороплив в движениях, подтянутый, спокойный. Вместе прошли они с боями от Курска до Днепра.

Здесь, возле села Балыко-Щученка, в ночь на 24 сентября 1943 года взвод Спицина одним из первых на плотях и лодках переправился на противоположный берег Днепра, занятый противником, крутой и сильно укрепленный. Сверху из темноты изредка постреливал пулемет, видно, для острстки. В деревне, занятой немцами, было спокойно. Бойцы Спицина молниеносно уничтожили охрану, заняли траншею и развернули пулеметы противника в сторону занятой деревни.

Почувствовав неладное, фашисты начали обстрел реки. Из всего батальона Медведева переправилась лишь сотня бойцов. Перестреляв немцев, спросонья ринувшихся из деревни к своим траншеям, бойцы остаток ночи укрепляли оборону, как могли, ясно представляя себе, каким горячим выдастся денек...

Едва рассвело, фашисты обрушили на смельчаков всю мощь: артиллерию, самолеты, пехоту. К двенадцати часам дня в живых осталась половина бойцов. Появились танки. Заранее предвидя это, Медведев справа от оборонительного рубежа расположил взвод противотанковых ружей Спицина. Дружным и точным огнем встретил взвод врага. После

первой танковой атаки в живых осталось двадцать бойцов...

В минутную передышку боец перебинтовал Спицину голову — пуля коснулась головы выше виска, — наложенная повязка обагрилась кровью.

Танк с черным крестом появился с левого фланга, его пулеметный огонь ложился вдоль траншеи, укрыться было почти невозможно. Медведев подполз к Спицину; тот, почерневший от пыли, перебинтовывал себе новую рану...

— Что будем делать, Спиридон? — охрипшим голосом спросил комбат. — Двух автоматчиков с гранатами, а?

— Гранатами согласен. Но воевать с танками — это моя работа, комбат.

Медведев, глядя в его решительные глаза, возражать не стал. Спиридон кивнул головой последнему своему, тоже раненному, бойцу. Взяли они по связке гранат и поползли... От второй брошенной связки танк вздрогнул, повалился на бок и вспыхнул. И тут же очередь из пулемета прошла героев насквозь...

...Восстановили следопыты спустя много лет подробности последнего боя Спиридона Спицина. Его имя носит школа в Артемовском.

АДРЕСАТ ИЗВЕСТЕН!..

**Алексей
ШИЛОВ**

Прошло уже много лет, как в Латвии отгремели последние бои. В 1972 году в Свердловский обком комсомола пришло письмо:

«Красные следопыты школы № 2 г. Резекне имеют данные о захоронении на братских кладбищах района Резекне Латвийской ССР советских воинов, погибших в боях с фашистами летом 1944 года. Их родные не знают, где и когда они погибли, и считают их без вести пропавшими. Просим Вас организовать поиск всех родственников погибших...»

Дальше шел перечень фамилий. Это были воины из Свердловской области.

Поиск был поручен школе № 52. И хотя были летние каникулы, отряд красных следопытов собрался почти весь. Первое, что сделали ребята,— написали письма в районы, в поселки Свердловской области по довоенным адресам. Почти все письма вернулись обратно с пометкой: «Адресат не проживает».

Таня Индейкина написала семье солдата М. М. Минцева в село Петропавловка, что под Карпинском. Письмо пришло назад. Тогда Таня обратилась в городской отдел внутренних дел. Там тоже не нашли семью Минцева, но какой-то добрый человек переправил письмо в Североуральск, и оттуда Таня получила письмо. Вот оно:

«Привет из города Североуральска. Здравствуй, незнакомая нам девочка Таня. Пишет тебе ответ дочь Минцева Михаила Михайловича, про которого ты спрашиваешь. Танюша, ты даже не знаешь, какую радость ты нам принесла. Прошло столько лет, а мы не знали ничего о своем отце... Просим тебя и твоих друзей рассказать о себе. И о самом главном хочу тебя спросить:

1. Как вы узнали о нашем папе? С чего началась эта ниточка?
2. Где точно, в каком месте он похоронен?
3. При каких обстоятельствах он погиб, если это известно?
4. Как вы нашли нас?

Очень просим сообщить местонахождение братской могилы, так как хотим съездить.

С уважением к вам Колединская Анна Акимовна и ее дочери Мария и Александра».

Сейчас Таня — студентка, заканчивает институт. Но она часто заходит в школьный музей, где было положено начало ее дружбе с семьей Минцевых.

Другая девочка, Света Принцева, разыскивала родственников погибшего П. К. Рудакова. Его семья проживала до войны в селе Косолманка. Тамашние следопыты помогли Свете найти трех дочерей Рудакова. Они воспитывались после гибели отца у чужих людей, совершенно не помнят его, имеют разные фамилии и отчества. Сейчас они узнали, что был у них отец-герой.

Так было найдено пятнадцать семей. Все родственники прислали фотографии фронтовиков. Следопыты пересылали увеличенные фотографии старых фотографий в Резекне, латвийским школьникам. А из Латвии шли письма с фотографиями братских могил, где похоронены наши воины-уральцы. А однажды, ко Дню Победы, в Резекне была послана памятная лента с надписью «Воинам-землякам от пионеров школы № 52 города Свердловска».

В декабре 1974 года в радиогазете «Пионерия Урала» свердловские следопыты сообщили адреса и фамилии тех семей, которые не удалось найти. Буквально через пять минут в учительской раздался звонок — нашлась сестра В. Е. Жернова, и вскоре от нее пришло письмо...

Сейчас и в Свердловске, и в Резекне работает другое поколение следопытов. Но дружба между уральскими и латвийскими школьниками продолжается.

Поиск не закончен. Еще не найдены родные похороненных в братских могилах З. К. Сукманова (довоенное местожительство семьи Верхняя Салда), И. В. Ефремова (г. Серов, ст. Воч), Б. Л. Зыкова (Свердловск), Г. И. Чухорева (Красноуфимск)... Кто их помнит? Кто знает?

БЛОКАДНЫЙ ВАРИАНТ

**Нина
ЛИДИНА**

Многофигурная композиция изображает атаку, удар по врагу. Скульптор М. Г. Манизер, трижды лауреат Государственной премии, создавая памятник В. И. Чапаеву, не раз встретился с бойцами чапаевской дивизии, расспрашивал о боях, вглядывался в лица. Памятник легендарному комдиву был отлит для площади Чапаева в Куйбышеве.

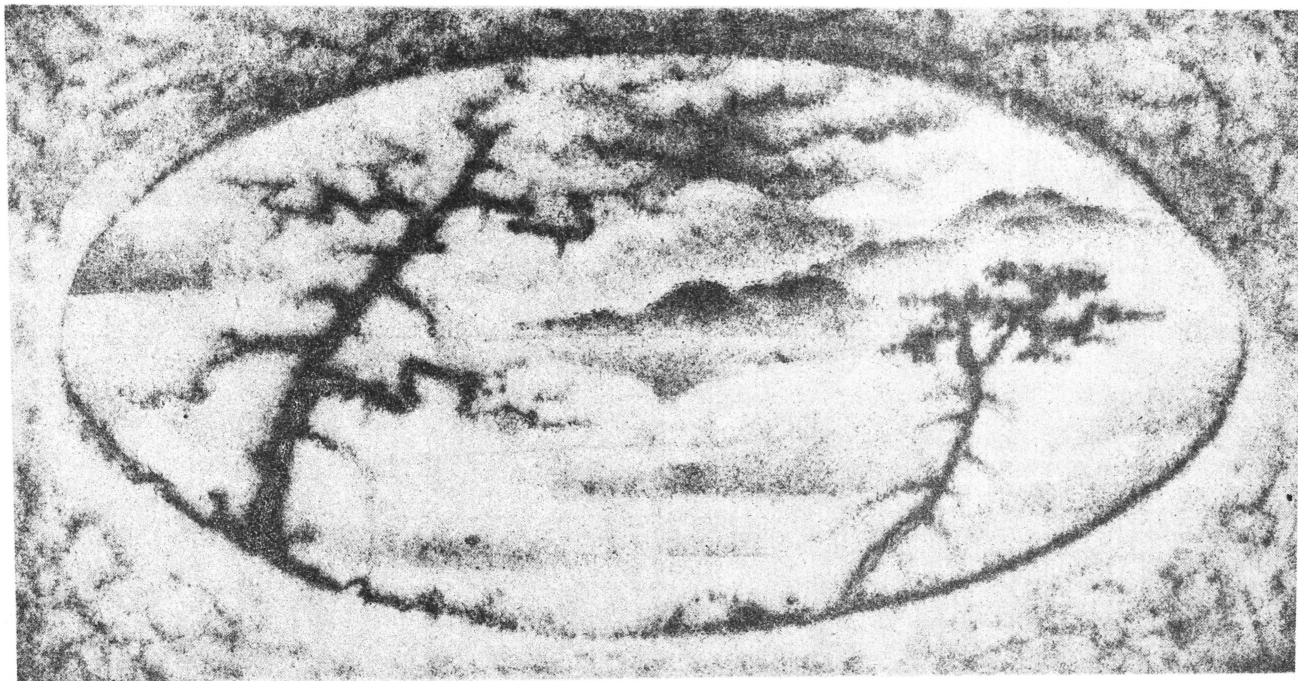
Еще в мастерских памятник увидел С. М. Киров и высказал пожелание — точно такой же установить в Ленинграде. Композиция ленинградского варианта была отлита с гипсового оригинала в 1933 году. Но поставить его помешала война.

Однако именно в военные годы он и был установлен. В 1942 году курсанты стрелково-пулеметных курсов узнали от своих товарищей, бывших рабочих завода «Монумент-скульптура», что отлитый в довоенные годы памятник прославленному герою гражданской войны хранится в парке Московского района, совсем рядом с линией фронта... Командование курсов получило разрешение перевезти памятник в безопасное место, на Выборгскую сторону, и установить его на площади перед зданием Военной академии связи. В суровую зиму, при полном отсутствии погрузо-разгрузочных механизмов, скульптура была доставлена на другой конец города. На огромные сани из бревен многотонная машина была поднята вручную ротой курсантов. Так в блокированном Ленинграде в начале 1943 года появился еще один прекрасный монумент... Не было оркестров — лишь мощное троекратное «ура» приветствовало Чапая...

Подробности сооружения памятника В. И. Чапаеву во время войны установили ленинградцы генерал-майор войск связи, профессор В. Канюнок и полковник-инженер К. Данченко.

*Рисунки
Т. Анпиловой*

Озеро без будущего?

Наш журнал опубликовал (№ 4, 1980 г.) заметку писателя Б. Рябинина «Сердце-озеро». Некоторые читатели прислали письма, суть их в следующем: озеро столь изменилось, что ни на какое сердце уж и не похоже...

Возникла мысль о новой публикации на эту же тему. Верно, ныне в освоенных человеком районах почти не сохранилось первозданной природы, однако должны ли мы мириться с тем, что измененная природа — иногда просто природа исковерканная! И может ли нас не тревожить то, что изменения окружающей среды происходят буквально на наших глазах!

По просьбе редакции писатель Б. РЯБИНИН и ученый — доктор географических наук, профессор Челябинского педагогического института М. АНДРЕЕВА побывали на озере Зюраткуль.

Сердитым был отклик на первую публикацию об озере одного из жителей города Сатка Челябинской области — бывшего туриста, руководителя клуба юных геологов товарища Юровских. Очень сердитым! Прямо сказать, корреспондент не слишком посчитался с правилами вежливости и не затруднил себя выбором выражений. Есть такая категория людей: если подловили кого-либо на ошибке или неточности, то уж держись, снисхождения не жди...

Что же разгневало товарища Юровских, что вывело его из доб-

рого расположения духа и толкнуло написать в «Уральский следопыт»? Он считает, что все, что говорилось в заметке «Сердце-озеро» об озере Зюраткуль близ Сатки, не соответствует действительности. Неправильно описана форма озера, а отсюда, следственно, ошибочно объясняется происхождение названия; неправильно названо число речек, что питают озеро... В общем, налицо — географическая неграмотность. Ну, и, разумеется, вывод: не зная, не берись писать.

Конечно, неприятно, когда тебя

изобличают в невежестве. Надо исправляться. Но, может, товарищ Юровских тоже не во всем прав?

Например, он утверждает, что в Зюраткуль впадает четыре реки — Малый Кыл, Большой Кыл, Черный Кыл и Девятый Кыл, а В. К. Стахеев (тоже саткинец) пишет: «Реки Девятый Кыл, как таковой, нет, а называется это место Девятикыльем». Урочище, а не речка. Разница?

В эту пору как раз вернулась молодежная экспедиция с Чусовой. Ребята сообщают: оказалось, многие реки-притоки, впадавшие в Чусовую, в настоящий момент... отсутствуют. Изменилось многое против прежнего. Не могло ли подобное случиться и с Зюраткулем? Кстати, Юровских в своем письме тоже обронил фразу, возражая против формы — сердца: «Конечно, если глянуть не на озеро, а на карту 30-х годов...»

Вмешательство человека заметно меняет природу, — не тут ли корень наших разногласий с Юровских? Учитывает ли он их? В таком случае очень важно мнение ученого, исследователя.

Один из авторов этой статьи, тот, кому были адресованы возражения, обратился к Юровских с предложением совместно проделать некоторые исследования и поиски, чтоб установить истину — получить исчерпывающее представление о Зюраткуле сегодня и вчера, о его истории, географии и прочем, но он не откликнулся на приглашение — предпочел отмолчаться. Или одно дело критиковать, другое — действовать? Но, может, это письмо-предложение не дошло до адресата...

А ведь это интересно и поучительно — проследить изменения в природе, которые несет нам время и деятельность человека.

...Озеро Зюраткуль. Сердце-озеро. Уральская Рица... Как только не называют это чудесное творение уральской природы.

В законе об охране природы РСФСР говорится, что в интересах современников и последующих поколений подлежат сбережению достопримечательные объекты живой и неживой природы, ценные в научном, культурно-познавательном отношении. В Челябинской области объявлено свыше пятидесяти объектов памятниками природы. Один из них — Зюраткуль, научное, историческое, географическое и, наконец, просто эстетическое значение которого выходит далеко за пределы области и Урала и даже страны.

Зюраткуль вызывает большой интерес у специалистов разных областей знания и просто общественности, здесь проводятся исследования, однако озеро остается таинственным

и загадочным. Только за последние десять лет о Зюраткуле написано более 50 статей и очерков. О проблемах озера говорят ученые, писатели, журналисты, краеведы и просто любители природы. В чем дело? Почему Зюраткуль волнует умы и сердца?

Дело в том, что положение о памятниках природы, их охране и благоустройстве здесь, на Зюраткуле, не выполняется.

Зюраткуль — уникальный и едва ли не самый живописный водоем на Южном Урале. Находится он в 25 километрах от Сатки (в недалеком прошлом рабочий поселок, а ныне небольшой промышленный городок) на высоте 724 метра над уровнем моря. Самое высокогорное и самое пресное озеро в наших краях. Дорога сворачивает с тракта Златоуст — Сатка в семи километрах от Сатки, сначала идет, как по аллее, между березками и густыми кустарниками (увы, подвергающимся частой вырубке), а дальше устремляется к вершинам гор. Густые хвойные перелески перемежаются с открытыми полянами, за которыми зеленеют ближние лесистые отроги горных хребтов. У самого горизонта синеют дальние хребты, увенчанные каменными вершинами. Дорога прямая, хорошо наезженная. Но если добираться к озеру с другой стороны, со стороны Челябинска, Миасса, если ехать впервые, без знающего проводящего, можно сбиться с пути и приехать не туда. Милые, нетронутые уголки уральской природы, их остается все меньше и меньше...

Еще о дороге. «К озеру Зюраткуль и раньше были дороги, только конные, так как основной транспорт был конный, — пишет старожил и знаток этих мест Г. А. Суховерхов. — А во время Великой Отечественной войны были построены насыпная дорога, железобетонная плотина...»

Озеро — как громадная гравюра. Зеркальную водную гладь окружают горные хребты, покрытые темнохвойными лесами, которые чередуются с заболоченными межгорными понижениями. Хвойные леса плотно обступили озеро со всех сторон. Здесь и шатровые ели, и разлапистые пихты, и другие виды деревьев. Красоту озера описывает археолог Г. Н. Матюшин в книге «Яшмовый пояс Урала»: «Удивительно красив Зюраткуль. Стройные сосны и ели сбегают прямо к воде, где у их подножия шуршат, ласково перебирая мелкий песок, волны. На каменном мысу они тщательно полируют плоские скалы, лес здесь отступает немного от

кромки берега, и только редкие и очень могучие лесные красавицы прорываются к самой воде. Если смотреть с хребта, который тоже называется Зюраткуль, озеро представляется как бы сердцем Урала, а ручьи и реки, берущие около него начало, — кровеносными сосудами, разносящими живительную влагу во все стороны».

Откуда взялось название озера?

Согласно одному из предположений, происходит оно от башкирского Юраккуль, что означает «сердце-озеро». Существует предание: красавица-башкирка, потеряв суженого и с ним утратив любовь, уронила в озеро свое сердце, отсюда — Зюраткуль (юрак — сердце, куль — озеро). Есть и другая версия, по-иному объясняющая происхождение названия озера. О ней напомнил Г. А. Суховерхов. В дальние-дальние времена башкирские князья и ханы направляли своих сборщиков собирать непосильные налоги (ясаки) с русских. Отказываясь платить дань, население топило сборщиков в озере, вот откуда оно так и называется: по-башкирски, зюрат (или зиярат) — кладбище... Однако общепринятым считается первый вариант. Такого мнения придерживается известный ученый-топонимист, профессор Уральского государственного университета А. К. Матвеев.

Об очертаниях озера. Тут требуется более подробный разговор. Считается, или, быть может, считалось, что и очертаниями озеро похоже на сердце.

В прошлом площадь озера Зюраткуль не превышала 6 квадратных километров. В 1923 году на вытекающей из озера реке Большой Сатке была построена небольшая плотина для целой лесосплава. В военные годы, как уже сказано, появились железобетонная плотина, канал, водонапорный бассейн, а самое главное — небольшая гидроэлектростанция: остро требовалась электроэнергия. В 1947—1949 гг. создается вторая, более мощная плотина, в трехстах метрах ниже первой. Создание этой плотины привело к увеличению размеров озера. Образовалось довольно крупное Зюраткульское водохранилище. Площадь его составила 13,2 км², объем воды — почти 80 миллионов кубометров, максимальные глубины превысили 8 метров. Вода использовалась для приведения в действие электростанции. В настоящее время Зюраткульская ГЭС демонтирована. Турбину сняли, увезли, но старый уровень озера до сих пор не восстановился. Конечно, под влиянием всех этих преобразований форма его

изменилась. Озеро мелководное, дно плавное — тем заметнее отражаются всякие изменения уровня.

Сколько рек и речек питают Зюраткуль? В этом вопросе, пожалуй, самая большая неразбериха — в одних источниках находим одно, в других — другое. Бесспорно, когда-то существовало четыре Кыла (может, больше? Родников и ручьев вокруг озера в горах не перечсть).

Вспользуемся опять сообщением краеведа Г. А. Суховерхова: «Озеро расположено в окружении гор: Нургуш, Лукаш, Маскаль и одноименная гора Зюраткуль. В озеро впадают четыре речки и большое количество ключей и родников, с востока — Черный Кыл, с юго-востока — Девятый Кыл, с юга — Большой Кыл и с запада — Малый Кыл. На речках Б. Кыл и М. Кыл раньше были углевыжигательные печи, выжигали древесный уголь для доменных печей Саткинского металлургического завода (доменные печи работали на древесном угле), раньше этот завод назывался ЧПЗ — чугуноплавильный завод. Вокруг озера по горам и болотам есть ягода: черника, голубика, малина, клюква, черная и красная смородина, морошка, брусника».

В озеро Зюраткуль впадают несколько рек и речек, а вытекает одна — Большая Сатка. «Малая Сатка берет свое начало у подножия горы Большая Сукá, тоже из болота. За свою величину, за поселком лесорубов Сибирка, называют ее Сатачка. А к Сатке она уже приходит полноводной-многоводной, пополняется за счет большого количества ключей и родников...» (Суховерхов). Характерной особенностью озер горной части Урала является наличие больших водосборных площадей, превышающих площадь водного зеркала в 10—15 раз. Площадь водосбора озера Зюраткуль тоже большая. Это способствует высокой обменности. Повышенная водообменность определяет устойчивость водного режима и низкую минерализацию воды. Усилению минерализации не способствует также и то, что в этой округе — малорастворимые горные породы. Благодаря высоким качествам вода Зюраткуля используется городом Сатка.

Еще одно богатство Зюраткуля: донные грязи. Их доставали для лечения. Вырубался лес. Конечно, все это сказалося на озере, не могло не сказаться. Подняли уровень зеркала на полтора метра, стало болото, усилились процессы гниения и разложения; так могла исчезнуть не одна речка. Так, очевидно, появилось Девятикылье — большая заболоченная низина, где, пожалуй, уже и не установить точно русла бывшего Девятого Кыла. К этому можно добавить:

все водные ресурсы подвержены ритмическим изменениям (меняют свою многоводность); через 10—11 лет меняется водность рек, объем стока, и все это соответствует циклам солнечной активности. На озерах — лет 16—20. Таков природный процесс. Природные изменения плюс вмешательство человека...

Озеро богато рыбой. В нем водятся такие требовательные к кислородному режиму виды, как щука, налим, окунь, язь, плотва. Проводились посадки леща, сига, рипуса. Не столь давно пущены первые мальки омуля.

Озеро Зюраткуль имеет не только хозяйственное, бальнеологическое и культурно-эстетическое значение, но и является весьма интересным для науки. На берегах Зюраткуля найдены поселения каменного и бронзового веков (от 15 до 6 тысячелетия до н. э.). Открытые поселения проясняют проблему заселения не только Урала, но и европейской территории СССР. Оказывается, наши древние предки пришли на Урал с юго-востока.

Однако этот исключительно важный археологический памятник не взят под настоящую охрану. Раскопки археологов разрушаются, растительный покров уничтожается. Не охраняется природа. На дне озера при создании плотины было затоплено более 10 тысяч кубометров древесины, что отрицательно сказывается на гидрологическом режиме озера, на качестве воды.

В бассейне Зюраткуля с его маломощным гумусовым покровом и каменистым грунтом после вырубki лесов происходит почти сплошной смыв почв. В результате — интенсивное заиливание озера, а ведь оно — источник водоснабжения такого крупного города, как Сатка. Уничтожение леса ведет к уменьшению стока рек, питающих озеро. На берегах его все еще сохранились домики дачников с огородами и выпасами скота. Озеро загрязняется бытовыми отходами, берега оттапываются скотом.

Относительно охраны озера Зюраткуль было много разных решений и постановлений Челябинского облисполкома, Саткинского горисполкома и других организаций. Да мало толку. Все решения пока что не выполняются и никто, видимо, за это не несет никакой ответственности. А озеро Зюраткуль и его окрестности, как уникальный памятник природы и культуры, нужно сохранить для нынешнего и будущего поколений.

Было бы интересно — и полезно — предпринять более основательное и подробное изучение берегов

озера, всего его бассейна: какие видоизменения произошли в близком и дальнем прибрежье, насколько поредели леса и, как следствие, изменился ли водный баланс — сток речек? Все это позволит более объемно, с исчерпывающей полнотой представить картину антропогенного воздействия человека на природу Зюраткуля, а тем самым помогло бы пробудить тревогу за его дальнейшую судьбу и наметить меры помощи. Пора от слов переходить к делу. Областному управлению лесного хозяйства предстоит восстановить нарушенные водоохранные леса в санитарной зоне озера. Необходимо все жилые постройки с его берегов перенести в специально отведенные места и больше уже ничего не строить.

Природе озера грозит деградация. Нарушено равновесие. Неужели кому-то это до сих пор не ясно? Как менялись очертания озера? Да, теперь оно уже не «сердце», но наше сердце — с ним.

Памятники природы должны стать образцом любовного отношения человека к природе, знакомить население области и Урала с многообразными богатствами нашего края.

Пока не поздно, целесообразно было бы создать Зюраткульский заповедник (заповедник «Сердце-озеро»), который потом, возможно, вошел бы в проектируемый горнозаводский Южноуральский национальный парк. Пожалуй, это будет лучшим ответом на письма бакальцев, саткинцев, челябинцев, свердловчан...

М. АНДРЕЕВА,
доктор географических наук;
Б. РЯБИНIN,
писатель, член Центрального совета
Всероссийского общества
охраны природы.

*Рисунок
М. Каретина*

СТАРИННАЯ ПЛАСТИНКА

Музею журнала «Уральский следопыт» подарили старинную медную пластинку с таким гравированным текстом: «Котел сей был подвержен испытанию в июле месяце 1852 года. Действительное давление пара 50 фунтов на квадратный дюйм площади охранного клапана. Механик П. Тет, поручик Шугаев и горный кондуктор Князев».

Нынешние следопыты получили словно бы визитную карточку из прошлого века... Где же испытывался котел и кто его испытатели?

Медная пластинка напомнила об истоках машиностроения на Урале. Напомним: в 1815 году на Урале впервые в качестве заводского двигателя была применена паровая машина. То есть началась замена водяных колес и водяных турбин. А когда же и где была построена первая на Урале паровая машина? Уже в 1803 г. известный механик Лев Сабакин с учениками приступил к постройке паровой машины для одного из рудников Березовского прииска. Ее и считают первой на казенных заводах Урала паровой машиной.

Центром производства паровых машин в начале прошлого века стал Екатеринбург. Среди первых машиностроительных заведений нашего города и была мастерская, действовавшая под руководством уже упоминавшегося Л. Ф. Сабакина. Екатеринбургская казенная механическая фабрика, одно из первых подобного рода предприятий страны, открылась в 1838 г. Кстати, к этому времени тагильчане Черепановы уже построили свой паровоз, тем самым как бы начав транспортное машиностроение на Урале.

Какие же еще события предшествовали году, обозначенному на старинной медной пластинке?

Перед 1852 годом в Екатеринбурге появился английский механик П. Э. Тет. Он пустил на речке Мельковке частную механическую фабрику, где строил паровые машины для пароходов. Одновременно Тет был главным механиком Екатеринбургской казенной механической фабрики, на которой тоже делали паровые машины и прочие. Кстати, начальство попридер-

жало энергичного англичанина, потребовало, чтобы он не совмещал государственную службу с предпринимательством. И Тет вызвал из Англии брата, чтобы переписать на его имя фабрику на Мельковке (потом ее купил другой англичанин, Г. Ятес, а ныне — это и есть завод транспортного машиностроения имени Я. М. Свердлова). Есть сведения и о жизни горного кондуктора Князева. Он родился в 1823 году, окончил горную техническую школу в Санкт-Петербурге, с 1848 года работал при главном механике. А Константин Шугаев был смотрителем Екатеринбургского монетного двора.

И вот штрихи 1852 года. В сборочном цехе Екатеринбургской механической фабрики работало тогда 130 рабочих. Летом того года было закончено сооружение нового здания кузницы, в котором установили самодействующий паровой молот системы Несмита. Котельный цех располагался в смежном с кузницей помещении. Здесь делали не только котлы, но и трубы, лестницы, гнутые перья для водяных турбин. К этому времени фабрика уже выполняла более 200 заказов заводов и рудников Урала и Сибири. Делала, например, машину для парохода «Граф Вронченков». Это была ответственная работа. Тет писал после выполнения заказа, что «теперь вполне уже можно надеяться, что на будущее время постройка паровых машин может идти еще успешнее».

Медная пластинка в музее журнала «Уральский следопыт» — визитная карточка первых уральских машиностроителей.

Ю. АЛАН

ЛЕТОПИСЬ РОТМИСТРА СТАНКЕВИЧА

Анатолий
ШАШКОВ

В связи с 400-летием присоединения Сибири к Русскому государству большой интерес вызывают любые новые сведения о письменных памятниках, имеющих отношение как к походу Ермака, так и к героическим деяниям тех русских людей, кто первыми стали осваивать бескрайние просторы, раскинувшиеся за Уральским хребтом. Об одном из таких памятников, который считается погибшим, а поэтому представляет загадку даже для специалистов, и пойдет речь ниже.

30 декабря 1736 года Василий Никитич Татищев, лишь на Урале наконец-то сумевший всерьез заняться своими историческими и географическими трудами, сообщил в Петербург, в Академию наук, что им написаны 12 глав «Общего географического описания Сибири». Здесь же он впервые упомянул и об «Истории Сибири», представляющей собой летопись, «которую 110 лет тому назад написал некто Станкевич и продолжение которой находят в разных местах», дополненную самим Татищевым «на основании данных многих городов».

Ссылки на «Историю сибирскую Станкевича» встречаются не только в его «Истории», но также в «Лексиконе российском историческом, географическом, политическом и гражданском». А в Примечаниях на Сибирскую историю Г. Ф. Миллера, составленных Татищевым около 1749 года, сведения об этом произведении уточняются.

«Летописец тобольской я имею,— пишет историк,— сочиненной ротмистром Станкевичем, которой я древней у архимандрита Далматовского монастыря Исаака списал, и к тому продолжение о воеводах дополнил. Он был во время Годунова, Шуйского и царя Михаила. В нем нечто полнее или иначе нахожу».

В 1750 году, уже после смерти Татищева, список Летописи Станкевича с дополнениями погиб вместе с другими книгами историка во время пожара в его подмосковном имении в селе Грибаново.

До последнего времени только этими фактами о таинственном «Летописце тобольском» и располагали ученые. К сказанному можно лишь

добавить предположение о том, что ротмистр Станкевич был поляком, сосланным в Тобольск во времена Смуты. Живя здесь, он собирал различные исторические, географические и этнографические материалы, которые и изложил в виде летописи, охватывающей события сибирской истории примерно с 80-х годов XVI века до 1626 года.

Поскольку в распоряжении Татищева был лишь список с Летописи Станкевича, то, естественно, возникают два вопроса: когда этот список был для него изготовлен и какова была судьба оригинала?

Для ответа на оба вопроса необходимо обратиться к истории Далматовского Успенского монастыря.

Этот старейший и крупнейший в Зауралье монастырь, мощные каменные стены которого пережили знаменитую «Дубинщину» и осаду восставших крестьян в период войны под руководством Емельяна Пугачева, возник в 1644 году при впадении реки Течи в Исеть, якобы на месте старого языческого капища, когда-то называвшегося Белым городищем. Основателем его, бывшему тобольскому служилому человеку, в миру носившему имя Дмитрия Ивановича Мокринского и после пострижения в Невьянском Богоявленском монастыре принявшему имя Далмата, а также его товарищам — первым инокам новой обители — пришлось на первых порах несладко в этом суровом краю: набеги татарских и башкирских племен, пожары и мор неоднократно разоряли монастырь дотла. Но на место убитых или разбежавшихся монахов приходили новые, и обитель упрямо возрождалась из пепла, превратившись вскоре в форпост русской колонизации Заисетского края.

Немалую роль в этот период играл Далматовский Успенский монастырь в области культуры и идеологии. В конце 60-х — начале 70-х годов XVII столетия из его стен вышло адресованное в Тюмень старообрядческое послание «Об антихристе и тайном царстве его», получившее впоследствии широкое распространение в староверческой письменности. В послании развивалась оригинальная эсхатологическая

концепция о так называемом мысленном или духовном антихристе, в своеобразной форме отражавшая антимонархический протест народных масс.

Пострижниками Далматовского монастыря были иноки Авраамий, авторитетнейший вожь урало-сибирского старообрядчества конца XVII — начала XVIII века, Афанасий (бывший тюменский служилый человек Алексей Артемьевич Лубимов-Тверогов), впоследствии ставший известным церковным писателем, архиепископом Холмогорским и Важеским, своей деятельностью завоевавший глубочайшее уважение Петра I, а на попроче антираскольничьей борьбы стяжавший себе у старообрядцев славу кроворадостного епарха.

В начале XVIII века при Далматовском монастыре было создано училище, просуществовавшее вплоть до закрытия монастыря. Поэтому не удивительно, что уже к началу XVIII века монастырская библиотека насчитывала около 200 рукописей и книг, значительная часть которых поступила в виде вкладов от самых разных людей.

Что же касается Летописи ротмистра Станкевича, то она, скорее всего, находилась в монастыре с момента его основания и хранилась в келейной библиотеке самого старца Далмата, который, возможно, и вывез ее еще из Тобольска — уж не от самого ли Станкевича он ее получил?

После смерти Далмата в 1697 году Летопись по наследству досталась его сыну, Ивану Дмитриевичу Мокринскому, который около 1666 года постригся в монастыре под именем Исаака. Благодаря его активной деятельности монастырь процветал и даже обзавелся несокрушимыми крепостными сооружениями, которые гордо стоят на высоком речном берегу и по сей день.

Архимандрит Исаак был и первым историографом Далматовского монастыря, причем не исключено, что написал он свою Историю не без влияния разговоров с Татищевым. С ним Исаак познакомился в 1721 году, когда будущий автор «Истории Российской» вместе с губернатором князем Черкасским в первый раз посетил монастырь, о чем он сам сообщил в своем «Лексиконе российском историческом...» Именно тогда Татищев и скопировал у Исаака Летопись ротмистра Станкевича. 1721 год был весьма удачным для историка в смысле поисков источников, так как в этом же году он приобрел на Урале у какого-то старообрядца еще одну редчайшую рукопись — знаменитый пергаменный Летописец, названный им Раскольничьим, который, как и список Летописи Станкевича, погиб в пожаре 1750 года.

После смерти Исаака оригинал Летописи ротмистра Станкевича вместе с другими келейными книгами архимандрита оказался в общей монастырской библиотеке. Во всяком случае, библиотечные описи 1730 и 1731 годов отмечают «Летописец письменный» среди книг в полдесть, то есть в четвертую долю листа. Но уже опись 1748 года никакого «Летописца» не знает. Следовательно, он из монастыря исчез.

И тут нам вновь необходимо вспомнить о Татищеве, который в 1736 году во второй (и теперь уже в последний) раз побывал в Далматовском монастыре. Воспользовавшись тем, что, по его словам, «тогда старцы архимандрита за нарушение закона изгнали и архиепископ принужден определить инаго по их избранию», он и получил в свою собственность оригинал Летописи ротмистра Станкевича, купив его, очевидно, по сходной цене у монаха, отвечавшего за библиотеку.

Как известно, уезжая в Самару, Татищев в 1737 году безвозмездно передал заводским школам Екатеринбургa книги из своей библиотеки. Благодаря усилиям ряда ученых, часть этих книг, на основании некоторых признаков, была отыскана. Однако до последнего времени «кафалог» их, о котором Татищев упоминал в одном из своих писем И. Д. Шумахеру, известен не был. И вот, наконец, недавно каталог этот, включающий более 600 названий книг, был обнаружен новосибирским исследователем Л. А. Ситниковым в фонде Миллера в Центральном государственном историческом архиве древних актов в Москве и опубликован В. С. Астраханским.

Под № 206 в этом каталоге среди книг по истории и географии форматом в четвертую долю листа названа «Станкевичева сибирская история письменная», оцененная составителем каталога, преподавателем немецкого и латинского языков пастором Л. Сехтингом в один рубль, что позволяет определить объем рукописи примерно листов в 150—180. Судя по формату, это и был оригинал Летописи ротмистра Станкевича, приобретенный Татищевым в 1736 году в Далматовском Успенском монастыре.

Итак, оригинал Летописи Станкевича остался в Екатеринбурге. Где же он сейчас? Ответ на этот вопрос, теперь уже последний, предстоит дать тому, кто сумеет его отыскать, ибо, как показывает опыт уникальных археографических находок последних лет, поиски Летописи ротмистра Станкевича — дело далеко не безнадежное.

Н. Н. ПУШКИНА-ЛАНСКАЯ В ВЯТКЕ

**Виктор
БЕРДИНСКИХ**

Вполне оправдан интерес к личности Н. Н. Пушкиной, сыгравшей столь значительную роль в жизни поэта. Однако до сих пор кипят жаркие споры, высказываются мнения прямо противоположные об этой женщине.

Очень интересную точку зрения высказала М. И. Цветаева в очерке «Наталья Гончарова». «Нет в Наталье Гончаровой ничего дурного, ничего порочного, ничего, чего бы не было в тысячах таких, как она — которые насчитываются тысячами. Было в ней одно: красавица. Только — красавица, просто — красавица, без корректива ума, души, сердца, дара. Голая красота, разящая как меч. И — сразила. Просто — красавица. Просто — гений... Страсть к балам — то же, что пушкинская страсть к стихам: единственная полная возможность выявления».

В 1855 году, когда Крымская война уже заканчивалась, в Вятке (как и в большинстве других губерний России) было создано ополчение, начальником которого был назначен генерал-адъютант Петр Петрович Ланской. В Вятку он приехал с женой — Натальей Николаевной.

Интересные воспоминания о пребывании Н. Н. Пушкиной-Ланской в Вятке оставила дочь доктора Н. В. Ионина, лечившего Наталью Николаевну в Вятке, — Л. Н. Спаская. Она была активным сотрудником Вятской ученой архивной комиссии, в трудах которой ее воспоминания и напечатаны.

Достаточно представить себе застойную провинциальную атмосферу Вятки того времени, чтобы понять, насколько значительным событием был приезд столичного генерал-адъютанта с женой-знаменитостью. Естественно, что все мельчайшие детали такого события надолго врезались в память провинциалов, обсуждались годами.

Слухи о необычайной красоте Натальи Николаевны, конечно, дошли до Вятки. Но знаменитая красота ее в те годы уже поблекла. Ей было 43 года, у нее уже семеро детей: четверо от Пушкина — Мария, Александр, Григорий и Наталья, и три дочери от Ланского — Александра, Софья и Елизавета.

С начала 50-х годов здоровье Натальи Николаевны стало медленнее, но неуклонно ухудшаться.

«В высшей степени заинтересованный своей пациенткой, сыгравшей роковую роль в жизни боготворимого им гениального человека, отец мой поспешил на ее приглашение и говаривал, что с волнением вошел в комнату больной, заранее рисуя ее в воображении самыми привлекательными красками, как избраницу великого человека.

Однако свидание разочаровало его... От ее некогда знаменитой красоты сохранилось мало следов. Наталья Николаевна была чрезвычайно высока ростом: немногие мужчины были выше ее — между тем голову она имела очень небольшую, что при гладких тогдашних прическах очень портило впечатление. В молодости, когда она носила букли, этот недостаток был, вероятно, не заметен.

Цвет лица она имела очень бледный, волосы темные, но не черные, черты лица тонкие; синие глаза вблизи были прекрасны, но разделялись друг от друга очень маленьким расстоянием, что издала производило впечатление косины.

Отец скоро вывел из Наталью Николаевну, и она всегда при встречах с ним была очень любезна и много раз выражала благодарность... В обращении Наталья Николаевна производила самое приятное впечатление сердечной, доброй и ласковой женщины и обнаруживала в полной мере тот простой, милый аристократический тон, который так ценил в ней Пушкин.

Интересное описание внешности Н. Н. Ланской оставил в своем дневнике протоиерей И. В. Куртеев, видевший Наталью Николаевну в Слободском (недалеко от г. Вятки), где ее муж делал смотр ополченской дружины. В записи от 7 ноября читаем:

«Теперешняя супруга Ланской была прежде женою поэта Пушкина. Дама довольно высокая и стройная, но пожилая; лицо бледное, нос приятно миною. По отзыву нашего архиерея (Елпидифора), дама умная, скромная и деликатная, в разговоре весьма находчива».

Любовь между Натальей Нико-

лаевой и П. П. Ланским была, видимо, взаимной. Она писала ему:

«Ко мне у тебя чувство, которое соответствует нашим летам; сохраняя оттенок любви, оно, однако, не является страстью и именно поэтому это чувство более прочно, и мы закончим наши дни так, что эта связь не ослабнет».

Наталья Николаевна не скрывала от Ланского, что память о Пушкине ей дорога, и он, в свою очередь, лояльно относился к ее постам по пятницам (день смерти Пушкина).

Л. Спасская пишет:

«Память знаменитого супруга своего, так безвременно погибшего. Наталья Николаевна чтит и, по видимому, упрекала себя, как вольную причину его смерти».

Живя в Вятке, супруги Ланские не могли не познакомиться с М. Е. Салтыковым, находившимся здесь в ссылке. Наталья Николаевна ходатайствовала об освобождении от ссылки Салтыкова в Петербурге, «как говорят, в память о покойном своем муже, бывшем некогда в положении, подобном Салтыковскому». Ходатайствовал за Салтыкова и ее муж. Его письмо по этому поводу министру внутренних дел, своему родственнику С. С. Ланскому, было недавно найдено и опубликовано. Вот выдержка из этого письма:

«14 октября 1855 г.

конфиденциально

Милостивый государь

Сергей Степанович!

По прибытии моем в Вятку для исполнения высочайше возложенного на меня поручения я встретил там советника Вятского губернского правления надворного советника Салтыкова, о котором общая молва говорит как о человеке самых лучших правил, самого благородного образа мыслей и поведения безукорызного...

А потому, следуя чувству, должному проинкать каждого благородного человека и верного слугу государства, я осмеливаюсь усерднее просить ваше высокопревосходительство обратить милостивое внимание ваше на несчастную судьбу надворного советника Салтыкова и не лишить ходатайства о даровании ему всемилостивейшего прощения, дозволив ему служить где пожелает.

Покорный слуга Петр Ланской».

З. И. Кудрявцева, исследовательница творчества М. Е. Салтыкова-Щедрина, сделала вывод, что ходатайство известного при дворе человека, родственника нового министра внутренних дел, ускорило ход дела об освобождении писателя.

Часовенка на перевале

Маргарита
СЕДОВА

Дорога в Кедровку, что по старому Серебрянскому тракту, то ныряет в душистую тень соснового бора, то вырвется в знойную ширь полей. Безлюдна эта дорога. Лишь изредка прогремывают лесовозы — и опять тишина.

Башенка на перевале — так называют в народе небольшую часовенку, затерявшуюся в густой зелени леса. Это — пограничный знак на границе Европы и Азии. Миниатюрная церквушка, одноглавая, высотой около 3,5 метра, прекрасно вписывается в окружающий пейзаж. Она целиком построена из... чугуниного литья.

На фасаде пограничной часовни литая вязь слов: «В память переезда через Урал его императорского величества государя великого князя Владимира Александровича 3 августа 1868 года».

На противоположной стороне — «От золотопромышленников Северного Урала», а внизу имена создателей этого уникального чугуниного сооружения — мастер Н. Романов и архитектор В. Архипов.

По словам одного из старожилов Кушвы П. И. Бухарова, на одной из внутренних сторон часовенки есть надпись о том, что памятник отлит на Баранчинском заводе скульптором Козловым.

В прошлом памятник охранялся, неподалеку от часовни находилась караульная избушка.

Даже не верится, что материал, из которого сделана часовенка, — грубый чугун. Поражает легкость, изящество, стройные пропорции, невесомость устремленных вывес членений часовни. Над закомарами¹ на невысоком барабане, обрамленном поясом кокошников с растительным орнаментом, возвышается луковичный шлем, завершающийся ранее царским гербом (сейчас его нет).

Отлитая из чугуниных элементов, умело собранная, часовенка кажется ожившей сказкой, сошедшей с полотна древнерусского художника.

Тонко прорисованный травный орнамент вьющихся стеблей, легкой вязью оплетающий главку, издали кажется отлитым цельным, но и он собран умелыми руками мастера из отдельных частей.

Самые большие чугуниные детали — это стены самой часовенки. Колонны тоже цельные, отдельно отлиты база — нижняя часть колонны и капитель простой формы. Такие колонны часто можно встретить в интерьерах старых уральских заводов, правда, там они выполняют конструктивную роль, здесь же это колонны-пилястры по углам часовенки, и назначение их чисто декоративное.

Завершаются колонны маленькими шатровыми колоколенками, а их купола — словно трепещущие язычки пламени. В нижней части стен часовни им вторит орнамент таких же опрокинутых язычков пламени, словно отблеск, отголосок главной темы...

Обидно за некоторых туристов, автографами которых испещрены стены этого памятника. Вот уже больше века стоит он на границе Европа — Азия. Мы должны бережно относиться к таким уникальным творениям русских мастеров.

Фото автора

¹ Закомара — в древней русской архитектуре верхняя полукруглая часть наружной стены, повторяющая очертание полуцилиндра свода, который перекрывает внутреннее пространство здания.

Дюма в России

Юрий
КЛЮШНИКОВ

1840 год. В России вышел исторический роман знаменитого писателя Александра Дюма «Записки учителя фехтования, или Восемнадцать месяцев в С.-Петербурге» — о героической судьбе Ивана Александровича Анненкова и его жены Прасковьи Егоровны. Дворянин, член Петербургского отделения Южного общества, восставшего против самодержавного произвола, и юная француженка, разделившая с ним тяжкую участь государственного преступника, — герои сочинения.

...Супруги Анненковы живут в глухом и провинциальном Туринске. Иван Александрович после десяти лет каторги отбывает ссылку, работает копиистом в туринском суде. Жена проводит время в кругу друзей-декабристов туринской колонии.

И тут — слух о новой книге Дюма. Отрывок из нее об Урале туринские декабристы читали в «Пчеле». Но кто бы мог подумать, что прототипом героини романа Луизы является француженка Полина Гебль, она же Прасковья Егоровна Анненкова?

Дюма использовал в романе записки Огюстена Гризье, известного фехтовальщика. Он жил в свое время в Петербурге, у него учился фехтовать Александр Сергеевич Пушкин. Анненков тоже брал у него уроки.

В романе Полина Гебль превратилась в Луизу Дююки, ее муж декабрист Иван Александрович Анненков стал Алексеем Ванниковым.

У Дюма Ванников похищает Луизу с великосветского бала, увозит к себе. Экстравагантный поступок графа восхищает девушку, она становится его любовницей. Ничего подобного не было в действительности...

«Увидевши, что книга с бреднями имеет ход в Европе, — пишет Пушкин из Туринска 23 апреля 1841 года в Тобольск Наталье Дмитриевне Фонвизиной, жене декабриста Михаила Александровича Фонвизина, — я должен был сказать Анненковой, что ожидаю это знаменитое сочинение. Тогда... Анненкова напишет к Александру Дюма и потребует, что он ее письмо сделал бы гласным, как и тот вздор, к которому он решился приложить свое перо».

2 мая 1841 года в письме из Туринска декабристу Ивану Дмитриевичу Якушкину Пушкин сообщает: «Прасковья Егоровна непременно хочет, увидевши, в чем дело, написать к своей матери в Париж с тем, чтобы ее ответ на клевету, лично для нее относящуюся, напечатать в журнале. Я понимаю, что это непременно должен сделать. За что ее, бедную, лишают единственного ее богатства и чернят тогда, когда она совершенно чиста... Я небольшой поклонник г-жи Анненковой, но не могу не отдать ей справедливости: она с невероятной любовью смотрит на своего мужа... Ко всем нашим она питает такое чувство, которое не все заслуживают. Спасибо ей и за то».

До Александра Дюма доходили слухи о допущенных им фактических неточностях. В Париже находилась в то время мать Анненкова, которая была в курсе событий. Там же пребывал декабрист Н. И. Тургенёв, заочно приговоренный к смертной казни и лишенный возможности вернуться на родину. Возможно, от них писатель услышал достоверную информацию. Создатель «Трех мушкетеров» и «Графа Монте-Кристо» с исчерпывающей полнотой ответил на упреки:

— Я изменил имена, — сказал он, — потому что писал роман, а не хронику событий. Писатель вправе фантазировать, менять, домысливать. История — гвоздь, на который я вешаю свою картину.

Инцидент был улажен. Туринские декабристы помирились с Александром Дюма. В 1858 году писатель путешествовал по России, чтобы, как он говорил, «присутствовать при великом деле освобождения сорока пяти миллионов рабов». Путешествие состоялось накануне реформы 1861 года и было описано Дюма в произведениях «Впечатления путешественника. В России» и «Кавказ». К тому времени декабристам было дозволено вернуться на родину. Анненковы поселились в Нижнем Новгороде, где губернатором был Александр Николаевич Муравьев, отставной полковник, декабрист, член Северного общества, осужденный на шесть лет каторги. Иван Александрович Анненков становится чиновником особых поручений при губернаторе.

Вот как раз в Нижний Новгород и приезжает Дюма. Губернатор Муравьев обещает ему сюрприз.

«Не успел я занять место, — писал потом писатель в Париж, в основанный им журнал «Монте-Кристо» в одной из путевых корреспонденций, — думая о сюрпризе, который, судя по приему, оказанному мне Муравьевым, не мог быть неприятным, как дверь отворилась и лакей доложил: «Граф и графиня Анненковы». Эти два имени заставили меня вздрогнуть, вызвав во мне какое-то смутное воспоминание. Я встал. Генерал взял меня под руку и повел к новоприбывшим. «Александр Дюма», — обратился он к ним. Затем, обращаясь ко мне, сказал: «Граф и графиня Анненковы — герой и героиня вашего романа «Учитель фехтования». У меня вырвался крик удивления, и я очутился в объятиях супругов...»

В Петербурге Дюма осмотрел казематы Петропавловской крепости. Об этом он напишет в очерке: «Бастилия Санкт-Петербурга, подобно Бастилии Сент-Антуанского предместья, стала прежде всего тюрьмой мысли. История Петропавловской крепости, если бы ее удалось написать, была бы ужасна. Эта крепость все видела, все слышала, но до сих пор она все держит в тайне. Однако настанет день, когда распахнутся ее ворота. Когда люди придут в ужас перед кромешным мраком сырых казематов. Настанет день, и крепость заговорит, подобно замку Иф. В тот день Россия обретет подлинную историю, до сих пор ее история была соткана из легенд».

Примечательно, что на русской земле Дюма сопровождал, часто принимал у себя на даче Иван Иванович Панаев, внук туринского воеводы.

Именно Панаев, редактировавший совместно с Н. А. Некрасовым революционно-демократический журнал «Современник», поместил в нем свой очерк «Петербургская жизнь», где писал:

«Петербург принял г-на Дюма с полным русским радушием и гостеприимством... да и как же могло быть иначе? Г-н Дюма пользуется в России почти такой же популярностью, как во Франции, как и во всем мире между любителями легкого чтения, а легкие чтения составляют большинство в человечестве... Весь Петербург в течение июня месяца только и занимался г-ном Дюма».

Посещение России оставило, бесспорно, глубокий след в душе и творчестве великого французского романиста.

КАРАКАНСКИЕ ЭТЮДЫ, или ОТ ВЕСНЫ ДО ВЕСНЫ

Юрий
ЧЕРНОВ

Рисунки
С. Сухова

Веснушки

Второй день Караканский бор шумит и побряхтывает под натиском штормового ветра. В густолесье, правда, тихо, но на просеках и дорогах, где я прокладываю лыжню, тянет сквозняк, а местами гуляет поземка.

Бор залит полуденным солнцем. На сугробы больно смотреть, но все же замечаю: девственно белый снег усыпан крошечными рыжими веснушками. Такими же, какие высыпают по весне на ребячьих мордашках. Приглядываюсь — да это же семена березовых сережек! Под порывами ветра они скользят по снегу, движение их бесконечно, как на муравьиной тропе.

Однако не все укатят бог весть куда. Всюду их поджидают ловушки — затишки за сугробами и деревьями, ямки лосиных и заячьих следов... Вот и мой лыжный след уже зазолотился. Медью отливают круглые следы лыжных палок. Я гляжу на них и знаю, что будет: в апреле начнет истаять и оседать снег, а тот, что присыпан березовыми веснушками, сохранится дольше. Столбик снега под рыжей шляпкой оплавится, истончится... Окажись в эту пору рядом грибник — невольно дрогнет его сердце: тут и там прямо на снегу встали и подберезовики, и боровики!..

Заячье меню

Бреду на лыжах по заячьей стежке, наметанной косям ночью — на жировке. Любопытно: каково в марте его меню? След зайца я взял у старой лежки — под вершиной поваленной осины. В отличие от сосны, которая падает в бурю плашмя, выворачивая с корнями землю,

осина, как правило, заламывается — в нижней части ствола, и под ее опрокинутой вершиной после снегопада образуется продолговатая ниша. Ни один заяц не откажется от такого дарового укрытия. Зачем рыть в снегу нору, если под осинкой — готовая? И лакомый корм рядом. Поглотит зайчишка горьковатую, сочную кору осины — и на боковую. Но всему приходит конец, и коре на молодых ветках тоже. Теперь, чтобы насытиться, надо побегать, попеть по ерникам и логам.

Следы уводят на поляну с густой порослью березняка. На одном деревце — свежие и ровные срезы. Первая догадка — кто-то срезал ветки для метлы. Присмотревшись, замечаю — срезы не такие уж чистые — с бороздками, как от щербатого лезвия. На снегу — огрызки от прутьев. Значит, заячья работа. Точно такие же срезы и огрызки обнаружил возле куста боярышника.

А вот ветки черемухи заяц не погрыз. Горьки, вяжут во рту?.. Остались нетронутыми и редкие кустики шиповника, хотя вокруг некоторых, судя по следам, заяц топтался. Неужели побоялся шипов? Но тут привлекает внимание вот что: кустики, к которым косо не подходил, в красных бусинах ягод, а на окруженных следами плодов нет. Значит, объедены? Так и есть: на снегу под шиповником остатки пирса: усики от ягод.

Закончился обед в тальнике. И не только у «моего» зайца. Здесь все истоптано, тут и там погрызены коры. Прутья поглочены с одной стороны — весной они оживут. Я уже раздумывал о мудрости заячьего инстинкта, оберегающего тальник от гибели, как вдруг заметил обратное: кора двух самых крупных стволов объедена вкруговую. Они засохнут... Что ж, выходит, и зайцы иногда «рубят сук, на котором сидят».

Когда я рассказал об этом огорчительном, как мне показалось, факте одному караганскому леснику, он, подумав, сделал противоположный вывод:

— А по-моему, это своего рода «рубка-ухода». Посудите, какой прок зайцу от высокого тальника? Прутья не достанешь, да и кора через год-другой задубеет. К тому же высокий куст другим мешает расти. Вот заяц его и окольцевал. Он, верно, засохнет, зато от корня прорастут сочные и густые побеги. То, что зайцу нужно!

И «вулкан» проснулся...

Наконец-то наткнулся на следы колонки! Давно хотелось пройти по местам разбоя этого хищника, а может, и увидеть его самого — в охряно-палеовой шубке, стремительного, легкого...

Четкая строчка следов пересекла просеку, повела к зарослям ложбины. Но вот колонок свернул вправо — к небольшому снежному холмику с зияющим отверстием. Неужели нора? Осторожно подхожу — в отверстии что-то чернеет, курится едва приметный парок.

Кругом ослепительно сияет снег, и я не сразу рассмотрел, что черное пятно в снегу — макушка муравейника. Присел возле и не верю глазам: на ней шевелятся, копошатся муравьи! Они чуть живые, но что-то перетаскивают, переворачивают, — без работы не могут. Самые нетерпеливые попытались расширить фронт работ — каким-то чудом вскарабкались по обледенелым стенкам «кратера» и вылезли на снег. Далеко они, конечно, не ушли. Впервые в жизни вижу на снегу замерзших муравьев... И впервые я отведал так рано натуральной муравьиной кислоты — 23 марта!

Долго стоял я возле ожившей колонии, посасывая кислую былинку. Хотя в «кратер» заглядывало солнце, образуя в нем микроклимат, настоящего тепла там не было. Не ко времени проснулся муравейник — крохотный живой островок среди глубокого снега. И каким образом? Я обследовал в округе все другие муравейники, но они были под снегом, спали. Бодрствовал только тот, к которому меня привели следы колонки. Стоп, а не кроется ли в этом разгадка? Ведь вполне вероятно, что муравьев спровоцировал зверек. Разрыл ради любопытства снежную макушку муравьиного «вулкана» и убежал. Остальное доделало солнце...

Берендеевы стульца

Иной раз набродишься с туеском по лесной глухомани, притомишься, а легкое на помине стульце — вот оно — ровно гриб из-под земли! Да какое! — малахитовым плюшем подбито, пояском рубиновых бусинок оторочено. Не на нем ли отдыхал сам Берендей, оглаживая и расчищая бороду от хвоинок и липкой паутины? У старика лесного стульцев — не счастье.

На свежих сосновых вырубках красуются у него круглые узорчатые табуреты — крепкие, оббитые стекленеющим по ночи янтарем. А по сограм да падам — больше всякой рухляди: там торчит гнилой щербатый зуб, там — берестяное ведро с просевшей трухой. Таким поделкам давно пора в утиль, а Берендей ни одну не сподословлю. И что любопытно — у лесных жителей тяга не к новым, а к старым вещам. Вот и стульца, то бишь пенки, как отслужат положенное путникам да грибникам, погниют, скосбочатся — нарасхват. В одном поселении короеды, в другом — рыжие мелюзговые муравьи, третий облюбует ящерка. Чем больше истлевет пень, встает в землю, тем охотнее поселяется вокруг него и всякая ягода.

Опытный лесовик никогда мимо пня не пройдет. В сухолетье на поляпах и гривах ягода выгорит, сморщится, а возле пня всегда родится — и ароматная земляника, и красная, как на показ, брусника, и неприметная — под цвет листа — черника. Иной обросший ягод-

ником пенё — что стариковская голова со спутанной, как после сна, шевелюрой.

Мой приятель натолкнулся в глухом углу на такой вот дремучий, «непричесанный» пенё. Вокруг темени — брусника: крупная, налитая соком. В тяжести попадали стебли наземь, запутались, сплелись. Приятель, конечно, обрадовался, но не стал хватать да ошмурыгивать кисти, а принялся неспешно собирать одну за другой ядреную, с кровоточиной, ягоду. Оберет стебелек — он и поднимется, расправит листья. Приятель обошел эдак вокруг пня и ровно причесал старого — тот на глазах помолодел. Сборщик уже поднял потяжелевшую корзину, а тут будто кто поманил: мол, оглянись еще раз на пенек. Оборотился. И — верь не верь — прямо посреди пня рыжим самородком кучерявятся опять! Вот так подарок за прическу! Тот самого Берендея — не иначе...

Про Берендеево царство, про его пенёк-стульца со скатертями-самобранками можно рассказывать долго — вечера не хватит. А если беседа и ночь прихватит, как не заглянуть в Осиновую падь — посмотреть: Берендей по ночи засвечивает фонарики на своих проспектах и глухих закоулочках. Смотри-ка — то тут, то там уже всыхнули синеватым холодным жаром гнилые осиновые пни. Это для того, чтобы ночная живность, вышедшая из дому по своим неотложным делам, не сбилась с дороги.

Устыдила...

В одну из «тихих охот» на старых караканских вырубках я набрел на парочку опят-близнецов. Крупные коричневатые шляпки касались друг друга плотно, будто срослись, и были очень похожи на двускатную крышу домика на курьих ножках. Добрая находка! — вот мы ее в кузовок! Я уже взялся за нож, но тут из-под крыши наоловину высунулась маленькая серая ящерка. Скосив головку, она выжидающе уставилась на меня крохотным — с просяное зернышко — глазком, замерла. Только грудка выдавала: дернется раза два и замрет. Дернется и замрет. Ящерка дышала...

Я убрал нож. Серая шмыгнула назад. Н-да, ситуация... А грибки-то, грибки — так и просятся в корзину. Потоптавшись, я все же наклонился, осторожно сунул под шляпки нож. Ящерка выглянула опять, навела на меня свой просяной глазок. На этот раз почудился в нем укор. Тут, наконец, и дошло: ведь это сущий разбой — середь бела дня лезть в чужую квартиру, да еще с ножом! Такой большой, а обижаю малышку. И я засовестился, оставил ящерицу дом в покое. Эка нажива — два грибка! Найду другие...

Глухарь, который улетел

Тихо, едва не крадучись, продвигаюсь по извилистой дороге, сплошь усыпанной пестрыми палыми листьями. За плечом у меня ружье, в кармане — лицензия на глухаря. Где-то здесь, на этой заброшенной дороге, отшельником прохаживается бородастый краснобровый мошник. Еще до листопада я часто видел в песчаной колее крестики его следов и теперь с минуты на минуту ожидал встречи.

И вот, как ни готовился к ней, все же оторопел и зачарованно замер, когда за поворотом дороги в каких-то тридцати метрах увидел этого одинокого глухаря — матерого, в осанисто-горделивой позе. Я и не предполагал, как он может быть прекрасен и величав в своей тихой думной палате на богатом персидском ковре. По меньшей мере бестактным было нарушать и покой, и, должно быть, кручинную роздумь древнейшей редющей птицы.

Все решали секунды, но я их упустил. Я-то ожидал, что глухарь заторопится, заполошно захлопает крыльями, а я в азарте приложусь — ба-бах! — и, сами понимаете, наповал. Позиция была верная. Но произошло иначе. Словно загнипнотизированный, я лишь наблюдал, как глухарь сделал два-три тягучих, царственных шажка, как его с грохотом распахнутые крылья вдруг взвихрили разноцветные листья. Глухарь летел низко, и на всем пути до поворота дороги ему салютовали и прощально помахиwały листья.

Вот и славно, что не смог я, не успел выстрелить. Ничего бы тогда не узрел. Ведь когда целишься, видишь только мишень, да и красота убитой птицы, что уголек, отнятый у костра, на глазах угасает. Да, не увидел бы я картины, которая до сих пор живым цветком стоит: тихая лесная дорога, а над нею — глухарь, поднявший пеструю метелицу листьев. Так они и летят, не опадая, в памяти.

«Счетовод»

Осторожно бреду на лыжах по густому высокому сосняку. Пройду шагов десять-двадцать и, опершись на шершавый неподатливый ствол, замираю, слушаю. Если хочешь что-то увидеть в лесу, да еще зимнем, иди не спеша, не ломись, а потом затаись в укромном месте и посматривай, прислушивайся. И вот я уже улавливаю какой-то шорох, слабый треск, щелчки, писк. Гадаю: кто? Вначале подумалось о стригущем сосновую хвою глухаре. Но нет: шорохи уж больно быстро перемещаются, они то уходят куда-то к самым макушкам деревьев, то объявляются внизу, возле комлей. Белка?

Оказалось — поползень! Серенький, росточком с мышку, долгоносик взбирался по стволу быстрыми короткими рывками, словно поддегивали его за ниточку. При этом поползень успевал заглянуть в каждую трещинку, иногда что-то клонуть, отщипнуть пластинку коры. Вон уж куда забрался — к самой верхушке. И вдруг верхолаз оборвался! Недвижимый серый комочек падает вниз головой! У меня, признаться, даже екнуло в груди, но в метре от земли птичка как бы ожила, красиво вышла из шике, с ходу прилепилась к соседнему стволу. И снова — шурх-шурх — челноком по дереву...

По всему было видно — очень уж торопится поползень. Казалось, он что-то ищет и никак не может найти. Или кто-то дал торопыжке срочное задание — сосчитать дотемна все здешние сосны с их трещинками и сучками? Вот поползень и спешит, тревожно взглядывая на закат и потерянно попискивая.

Иногда, добравшись до середины ствола, он, должно быть, сбивался со счета и возвращался назад, теперь уж вниз головой. Ну а этак хоть у кого поневоле закружит-

ся, завертится все перед глазами. Поползень и вовсе начал путаться, метаться от ствола к стволу.

В такой спешке и случился с ним казус. Я и глазом не успел моргнуть, а поползень шлеп — на коричневое трико моих брюк — у самого колена! Висит на лапках и недоуменно смотрит — что за непонятное дерево? Оприходовать ли, нет ли? Взгляды наши встретились. Поползень сердито пискнул и перелетел на соседнюю сосну. В голосе явный упрек: что за шуточки, дядя? Ты без дела сосну подpiraешь, а у меня работы невпроворот — успеть бы до захода солнца.

Вот такой он, поползень. С утра до ночи, как заведенный, трудится, хлопочет. Ничего он, конечно, не считает — корм насыщенный ищет. Да мало его, очень уж мало в зимнем лесу. И день ох как короток! Оттого и не знает ни минуты покоя поползень, шмыгает вверх-вниз по шершавым стволам, стирая на нет и без того куцый хвостик...

При случае поползню нужно помочь, подкормить его, если, положим, он придет из леса к вашему дому. Но такое случается редко. Худо ль, бедно — перебивается трудяга до весны в родном лесу, никогда не меняя его на чужие райские страны.

Но вот и эта «вооруженная» птица поспешно снялась со «стола». Ба, сороки! — да сразу две. Но они первым делом принялись не за еду, а выяснять отношения. В драке птицы свалились с чурбака под самое крыльцо и оказались вне поля зрения. Не увидел, как шла борьба в «партере», какой был применен силовой прием, только победительница заорала дурниной и, должно быть, улетела. А победительница единолично взгромоздилась на стол. Между прочим сорока — ближайшая родственница знаменитой райской птицы. Да, да, и свидетельство тому — изумрудные переливы на крыльях, необычное строение хвоста. По-своему сорока красива, особенно в полете. Но что касается голоса и глотки — то они далеко не райские. Пока рассматривал сороку, она уже ополовинила две кучки! Э-э, подруга, хватит! Накрыто не в твою райскую честь. Вышел на крыльцо и погрозил вслед сороке. Теперь, увидев человека, и сороки, и сойка не скоро решаться пожаловать вновь. Зато синички вернулись тотчас, едва прикрыл дверь, и принялись за прерванную трапезу.

Кушайте на здоровье!

Право сильного

Каждое утро колю возле крыльца дрова. Колю понемногу — на один день. Получается небольшая утренняя зарядка, а удары топора служат к тому же приглашением к завтраку моим подопечным. Вон уже залетали, зашмыгали желтобокие проньры-синицы: с тополя — на забор, с забора — на безголовый подсолнух, а с него — самый удобный и кратчайший путь к «столу». За место на этом подсолнухе идет незлобивая драчка, пока я зашошу дрова и выкладываю на чурбаке угощения.

Обычно насыпаю синицам семечек и захожу в дом, но дверь веранды прикрываю неплотно — так, чтобы оставалась небольшая щель для наблюдения. Смотрю... Синица, та, что висела в стартовой позе на будыле, слетела на чурбак — хватя клювом семечко и понесла в сторону. За ней — вторая, третья, четвертая. Приладились кто где и, зажав корм в лапках, долбят скорлупу, добывают зернышки. Которая вылуцтит, летит за новой добычей. Все торопятся, но никто не хитрит, не прячет семян впрок, чтобы потом, когда исчезнет корм с общего стола, спокойно приняться за свои запасы. Ни разу не наблюдал я что-либо подобное у синиц. А вот сомнительным правом сильного, увы, эти милые птички злоупотребляют.

Стоило мне насыпать вместо семечек горку хлебных крошек, как ее мигом оседлала самая сильная и агрессивная синица. Сама клюет, а других не подпускает — угрожающе растопыривает крылья, шипит.

Попробовал сервировать чурбак по-иному: насыпал крошки ровными кучками — на четыре персоны, — и сразу установился относительный мир. Даже если какая-нибудь синица перескакивала к чужой кучке, прогнанная в свою очередь вытесняла соседку, та — свою, четвертую по счету, которой оставалось занять место первой — самой сварливой. Так слаженной каруселью и перемещались по кругу.

Вдруг одна из синиц издала необыкновенно резкий писк — и всех четырех как ветром сдуло! А через секунду на чурбак спланировала сойка! Осторожная эта птица — сначала огляделась вокруг, покосилась на неплотно закрытую дверь и уж потом — за хлеб. Видеть сойку в двух шагах мне раньше не доводилось. Величиной она с дикого голубя. Большеголова, несколько кургуза, но зато оперение — на загляденье. Особенно живописны крылья: набор коротких вертикальных пестрин радужно вспыхивал на солнце, а от них отходили горизонтальные и тоже разноцветные лучики.

Барабаны судьбы

Первая мартовская заря. В морозном безветрии поддремывает Караканский бор. И вдруг оцепенелую гулкую тишь прошила автоматная очередь. Она ударила четко, дерзко, и бор со вздохом очнулся, глуховато зашумел.

А из дальней черемуховой согры сыпанула ответная трескотня. И пошло — застрочила по всему лесу жаркая перестрелка. Д-р-р-р! — барабанят на Филиных полянах. Б-р-р-р! — словно подрагивает кто-то от холода в заваленной снегами пади. Сухо стучит Осиновая грива, напористо тараторит Сорочий ерник. И не понять, кто на кого идет, кто с кем ведет перепалку.

Но вот поднялось солнце, потеплело, и очереди зазвучали веселее, рассыпчатее. В них уже слышалась победная, барабанная дробь. И сразу стало понятным, кто с кем схватился и чья берет. Из края в край понесли лесные тамтамы новость: весна идет, весна свое берет!

Не знаю, найдутся ли люди, которые бы не слышали в мартовском лесу перестук невидимых барабанов, и вряд ли стоит объяснять, что это — брачные «песни» перемовавших дятлов. Этим они заявляют свое право на лесное владение и зывают к себе подруг...

Стучат и стучат по утрам барабаны весны. Они не обманут: еще сегодня синее от стужи крепкий мартовский наст, а завтра с юга прорвется ветер — ласковый и влажный.

Когда что необходимо??

**АНТОН
КОПАЙСКИЙ**

Рисунки
О. Земцова

Всё своё
Носить
С собой

Как путешествовали люди в прошлом веке, как вещи с собой носили-возили? Вспомните хотя бы рассказ Мамина-Сибиряка «Правильные слова» и его героя Никиту. «Он взвалил на свои могучие плечи два громадных мешка, захватил шубы и превратился в целую копну». Так описывает внешний вид героя своего рассказа известный уральский писатель. Так путешествовали в XIX веке русские люди — с мешками, с котомками за плечами.

Рюкзак — вещь заграничного происхождения. И слово «рюкзак», конечно, не наше. По-немецки «рюкен» — спина, а «зак» — мешок. Значит, буквально будет так: мешок за спиной, за плечами. В словаре Даля рюкзака нет. Котомка, конечно, есть. Эта путевая сума шилась либо суконной, либо кожаной, а чаще всего холщовой. Кстати, Владимир Даль сам был изрядным странником, совершившим удивительные для своего времени путешествия. За год до выпуска из Морского корпуса, совсем мальчиком, отправился в свое первое морское путешествие. Затем плывал по Черному морю, пережил адский шторм.

Даль (поистине фамилия его говорящая, потому что перед ним всю жизнь открывалась за далью новая даль) был неповторимый человек, он собирал в пути и носил

с собой народные слова, записанные в тетради. У нас, на Урале, в оренбургских степях он семь лет странствовал непрерывно и, кстати, осенью 1833-го возил по этим краям А. С. Пушкина, собиравшего материал по истории Пугачева.

Есть в словаре Даля поговорка: «Котомка, дай пить и есть». Однако, как мы увидели, сам Даль не только хлеб да соль носил с собой в странствиях. Нынешний турист, надо думать, тоже несет в рюкзаке, кроме еды, еще и фотоаппарат, чтобы запечатлеть и запечатлеться, блокнот с карандашом, чтобы записать впечатления, книгу, чтобы побеседовать на привале с любимым писателем...

Трудно представить туриста без рюкзака. И все же. Передо мной старый спортивный журнал, и я вижу на его страницах снимок: оригинал-англичанин в походе идет без рюкзака. Все, что ему нужно из вещей, он укладывал в карманы. Тонкую шелковую палатку он тоже уминал в карман. Подставки для палатки служили ему в походе удилищем и тростью. Две резиновые подушки также помещались в одном из карманов. Чайничек, зубную щетку, спиртовку, жестянки с хлебом, сахаром, кофе — все это изобретательный турист тоже нес в карма-

нах. Летом он мог провести без рюкзака на природе целый месяц.

Не призываю последовать этому примеру и все носить в карманах. Но идею миниатюризации вещей, думаю, поддержит любой турист. И хоть и говорят, что своя ноша не тянет, нет — тянет. Один бывалый турист рассказал такой смешной случай. После привала группа путешественников отправилась дальше. Среди них был новичок. Он тоже бодро зашагал, но... без рюкзака за спиной. Он его просто-напросто забыл.

Иногда в горах, чтобы не спускаться с кручи с рюкзаком, его пускают впереди себя, как мяч. И он кувиркается, разбрасывая во все стороны всякую мелочь, вылетающую из карманов. А вот бы рюкзак вообще умел бы летать и его не нужно было бы носить! Такую идею подали художники-юмористы, и может быть, над ней стоит поработать и изобретателям. Представляется такое: шагает турист, а над ним маленький дирижабль с подвешенным рюкзаком, и тянет человек и дирижабль, и рюкзак за шнурок. В степи или в тундре вполне бы можно так-то странствовать.

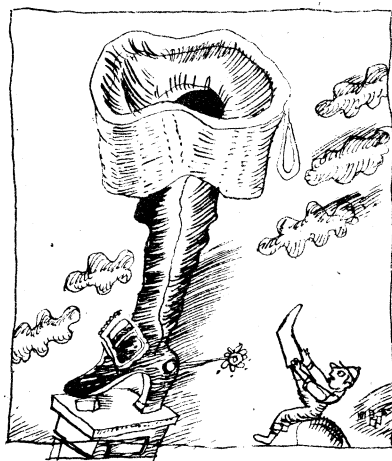
Не зря привел этот пример возможного изобретения. Опытные туристы постоянно обсуждают существующие типы рюкзаков, совершенствуют их. Лет тридцать уж идет слава про рюкзак, придуманный альпинистом Виталием Абалаковым. Всем вроде хорош рюкзак. Широкий, прочный, карманы большие, клапан — с карманом, ляжки — длинные, под ним можно чего-нибудь подложить. И на спине не катается, а прилегает к ней плотно. Но и абалаковский рюкзак не идеален, иначе зачем промышленность выпускала бы полтора десятка других рюкзаков? Впрочем, опытному туристу в своем хозяйстве и четырех хватит. Маленький, пионерский — это для недалежных прогулок. Если поход с ночевкой, можно взять абалаковский. Предстоит двухнедельное путешествие — снаряжают станковый рюкзак. И еще вместительнее рюкзак конструкции Ярова.

Разумеется, первое дело — хорошо уложить в рюкзаке вещи, какой бы он конструкции ни был. С чемоданом или сундучком, как хаживали наши предки, в лесной поход не пойдешь. Можно еще посоветовать придумать, как некоторые предметы пристегивать к рюкзаку, предварительно сшив для них футляры. Это идея сменных карманов. Словом, и в таком простом деле, как ношение рюкзака на спине, не все еще открыто, не все продумано. И тут нужна сметка. Даже многоопытный турист не вправе заявить, что все свое он носит с собой. Что-то необходимое приходится оставлять дома.

Что толку в широте мира, если сапог тесен. Об этом же на Руси говорили и другими словами: велик сапог на ноге живет, а мал сапог под лавкой лежит. Да, иметь ловкий, просторный, обувистый сапог или ботинок для всякого пешего путешественника во все времена было первейшим делом. И в наш век массового туризма про опытного следопыта не зря говорят: долго журавль летает, а мозолей не натирает. И верно: бывалый человек ноги сбережет и в самом долгом и трудном пути!

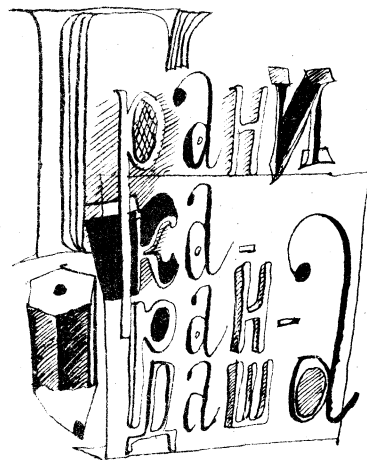
При раскопках в Горном Алтае была найдена изукрашенная обувь, которую носили люди в V веке до нашей эры. А примитивно наши пращуры обувались уже в палеолите, заворачивая ноги в шкуры, чтоб предохраниться от влаги, холода и травм. В памятнике древнерусской письменности «Изборнике Святослава» был найден рисунок, изображающий славян в сапогах из кожи и сафьяна, подбитых железными да серебряными гвоздями, с острыми, загнутыми кверху носками. Значит, по крайней мере тысячу лет сапоги уже шагают в нашем отечестве. Правда, в XI веке их носили по большей части князья да старейшины.

И термин «сапожник» появился в то же время. Надо заметить, что тогда сапог шили из одного куска кожи. Каблук и толстая подошва появились примерно в XII веке, а где и позже. С XIV века, утверждают историки, сапоги на Руси стали обувью не только богатых. Хотя и в начале двадцатого века этот вид обуви так и не вытеснил окончательно лапти.

В XIX веке началась по-настоящему механизация шитья обуви. Перевернули сапожное дело американцы, они первыми ввели, к примеру, прикрепление подошв деревянными шпильками. Так шитье пошло быстрее, без дратвы. На фабриках стали делать по 500 пар сапог в час. Американские технологи насчитали 210 операций при изготовлении обыкновенного ботинка. Было придумано инженерами примерно столько же видов разных машин. Первая обувная фабрика в России открылась в Петербурге, в 1910 году, ее назвали «Скорород». До революции в нашей стране обувь на 90 процентов шилась вручную.

Каких только видов обуви не выпускает нынешняя промышленность! Даже спортивный ботинок многолик. Скажем, альпинистские ботинки имеют на подошве особый рельеф. Ходят нынче в поход и в сапогах — кожаных, кирзовых, резиновых. Словом, сапог и ботинок продолжают свой многовековой путь. Ну а какая самая хорошая обувь для трудного путешествия? Разношенная... В такой обуви будете ходить, заслужите высокую оценку: долго журавль летает, а мозолей не натирает...

А эта заметка из серии материалов о происхождении вещей туристского снаряжения — о самом, наверное, надежном инструменте для письма, о карандаше. Кажется, нет проще вещи, чем он, но и карандаш надо было как-то придумать,

он не упал из космоса к нам на Землю уже готовым.

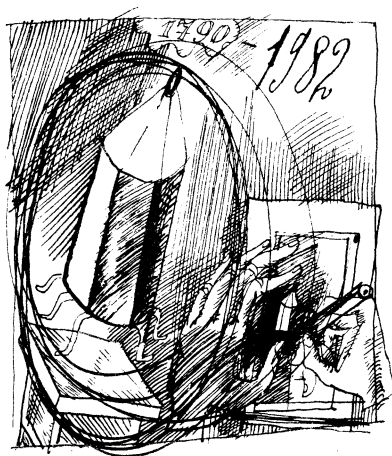
Графитовыми пластинками начали первыми писать греки, а затем эта придумка была прочно забыта человечеством. Впрочем, в нынешнем качестве человечества тогда еще не существовало, а были лишь объединения народов, контакты между странами. Лишь в четырнадцатом столетии у европейцев появились карандаши из свинца, серебра и даже, свидетельствуют документы, из золота, которыми, правда, не столько писали, сколько царапали.

Первое описание графитового стержня, одетого в дерево, обнаружено в трактате о минералах швейцарского естествоиспытателя Конрада Гесслера. Трактат увидел свет в 1565 году. Выходит, более четырехсот лет назад был изобретен почти современного типа карандаш. Впрочем, он тогда не стал предметом широкого потребления во всех странах, охваченных международной торговлей.

В те времена карандаши делали также в Англии. Там было открыто месторождение редкого графита — крупнокристаллического. Стержнями из больших кристаллов писали легко, безо всякого нажима, и довольно-таки быстро запасы графита в Альбионе исписались, кончились. Хотя стоил тогда «рисовальный камень» большие деньги, был не дешевле золота и, значит, его покупали только преуспевающие художники, да деловые люди, да аристократы.

Настоящая история карандаша началась в 1790—1795 годах. Парижанин Жак Конте и австриец, сын солдата, Гартмут из разных сортов богемского и сибирского графита, прибавив еще глины, приготовили вполне годный для рисования стерженек. В эти же года был изобретен оптический телеграф, а для освещения улиц применили газ. Это были крупные новшества. И то, что появился искусственный графит, пожалуй, совсем мало кто заметил. Однако давным-давно отжил свой век оптический телеграф и никто уже не размахивает над крышей дома особыми «крыльями», чтобы передать сведения. Однако никто уже не пользуется для освещения газом, а карандаш со стержнем из смеси глины и графита остался на вооружении просвещенного человечества. Как делали первые карандаши Конте и Гартмут? Они продавливали смесь через маленькое отверстие в сапфире или, как бы мы сказали, через фильеру. Получалась тоненькая колбаска. Ее резали на стержни и обжигали. Так начиналось массовое производство карандашей.

Теперь с трудом верится, что великий ученый Михаил Ломоносов делал себе карандаши, тратя вре-

мя на такие, с нашей точки зрения, пустяки. Карандаш с той поры становится верным спутником странствующих художников. А один французский карикатурист Пуаре так и стал себя называть в прессе — Карандаш. Ну о том, что советский цирковой артист М. Руманцев тоже взял себе такой же псевдоним, вы знаете. Кстати, откуда пришло в русский язык это слово «карандаш»? Первое объяснение: по-тюркски это значит «коротышка». Второй вариант: по-тюркски «кара» — черный, а «таш» — камень. Свердловское озеро Шарташ — родня слову «карандаш», и означает этот гидроним следующее: желтый камень.

В России прошлого века действовали четыре карандашных заведения. Московская фабрика Никитина была основана в 1842 году. Сырье давали Алимберовские графитовые копи в Сибири. В эти годы на Урал приезжал английский художник Аткинсон. Он сплавлялся, как теперь говорят туристы, по Чусовой, был на горе Качканар, в Невьянске, в Екатеринбурге. И всюду энергичный и любознательный художник делал зарисовки карандашами, и все это потом им было опубликовано в Англии. Работал он, возможно, карандашами русского производства, им высокую оценку дал в письмах Гоголь (сохранилось такое его свидетельство).

С начала массового производства «пишущих палочек», как говорили в старину, карандашники установили, что древесины тут годится только мягкая, легкая, но, впрочем, и прочная. Ни ель, ни береза не подходят. И мастера охотились за южным красным кедром и кипарисом. Сейчас в дело идут липа, тополь, ольха, а все лучше нет сибирского кедра. Карандаш окрашен, а потому краска должна быть безвредной, ибо немало людей в минуту вдохновения грызут кончики карандашей.

На Урале два века назад платили за десяток писчих перьев пять

копеек, а кстати, живой гусь стоил тогда копеек двадцать пять. Гусиные перья, как известно, уступили стальным. Такое перо было изобретено в 1748 году, но не получило массового распространения. И лишь когда в 1832 году англичанин Перри придумал разрез у пера, перья стали делать в большом количестве. Стальное перо было дешевым, но искусно сделанным продуктом. Как мы знаем, и оно не устояло. Шариковые ручки и фломастеры овладели пишущим народом. Только карандаш непобедим. Что может быть проще и надежнее карандаша?!

А можно ли самому сделать карандаш в лесу, в походной обстановке?

Вспомним, как писали люди за долгую историю. Письмена высекали на камне. Это, как вы понимаете, нам не подойдет. Слишком трудоемко. Предки царапали знаки на глиняных дощечках, на бересте. Заметим, что, несмотря на разнообразие письменных принадлежностей, способов нанесения букв на материал было два. Или — давящий, царапающий, или — красящий. Пожалуй, второй нам больше подойдет. Бывалые люди говорят, что не в тропическом лесу, а в нашем вполне можно провести такой эксперимент — создать самодельную канцелярию. Из обыкновенной тины можно сварить бумагу. Чернила делаются из дубовых «орешков», взятых на листьях этого дерева.

Чем писать? Найдите воронье перо. Или расщепите и заострите основную палочку — должно выйти перо. Для такого дела можно приспособить хвоянки.

Карандаш приготовить и того проще. Находчивый человек сделает его из палочек крушины или липы. Только концы их надо обуглить в пламени костра. Вот тебе и угольный карандаш.

Совершенствуется ли карандаш? Да, инженеры предлагают экологичную технологию: машина выдает из особой смеси нескончаемый карандаш — вместе, сразу — и стержень, и его одежда. Это отказ от потребления древесины, которой идет на карандаши много, потому что отходы большие. Вот бы и хорошо: пусть гуляет карандаш меж деревьев, а сам не из дерева сделан...

ВЫ СПРАШИВАЛИ...

В этот номер журнала мы отобрали письма, авторы которых (а они в основном, как говорится, мужчины) хотели бы связать свою судьбу со службой в рядах Советской Армии. Что же, профессия военного — действительно настоящая мужская...

«Дорогая редакция! Люблю читать о военных. И нравятся мне коммиссары! Они ведут в бой и словом, и личным примером, а для этого нужно быть сильным и смелым человеком! Где готовят таких людей!»

**Виктор РЕПИН,
г. Качканар
Свердловской обл.».**

Сильным и смелым, Виктор, человек делает прежде всего себя сам. Но, конечно, опытные преподаватели военных училищ помогают курсанту в выработке необходимых для офицера морально-волевых качеств. А вот специальные знания можно получить только в высшем военнополитическом училище. Такие училища есть в Риге, Новосибирске, Минске, Свердловске, Ленинграде, Кургане, Киеве, Донецке, Симферополе, Таллине, Львове. Вот адрес ближайшего — Свердловского военнополитического танко-артиллерийского училища (620108, г. Свердловск, И-88).

«Здравствуйте! Ответьте, пожалуйста, на такой вопрос: в век автоматической связи, электроники, транзисторов не отпала еще потребность у нашей армии в связистах!»

**Иван БОРИСОВ,
с. Казанское
Тюменской обл.».**

И никогда не отпадет надобность в связистах! Даже самую сложную автоматику обслуживает знающий специалист. Это во-первых. А во-вторых, существует интереснейшая должность — военный инженер связи. Вот где можно приложить творческие силы! Таких специалистов готовит Киевское высшее военное инженерное дважды Краснознаменное училище связи имени М. И. Калинина (252149, г. Киев, 149).

«Уважаемый «Уральский следопыт», я увлекаюсь акалангом, подводным плаванием. Подумываю о будущей специальности. Вот бы стать подводником!»

Я слышал, что на атомных подводках нелегкая служба, да и техника сложная. Есть ли шансы у прос-

того выпускника средней школы попасть на службу в подводный флот!

**Слава ЛАЙКО,
пос. Первомайский
Восточно-Казахстанской обл.».**

Шанс такой, Слава, есть. Судя по письмам, высшее военноморское училище подводного плавания имени Ленинского комсомола (198093, г. Ленинград, Л-93) пользуется большой популярностью. Редакция, кстати, в одном из выпусков «Вы спрашивали...» уже давала адрес этого училища.

Одно из существенных условий приема — отменное здоровье будущего курсанта. Служба офицера-подводника, как ты понимаешь, происходит в особо трудных условиях.

«Здравствуйте!»

Пишет вам житель села Богдановка Целиноградской области. Мне 15 лет. Хочу поступить или в авиационное училище, или в учебное заведение, где готовятся инженеры химической защиты. Можно ли поступить после окончания 8 классов!»

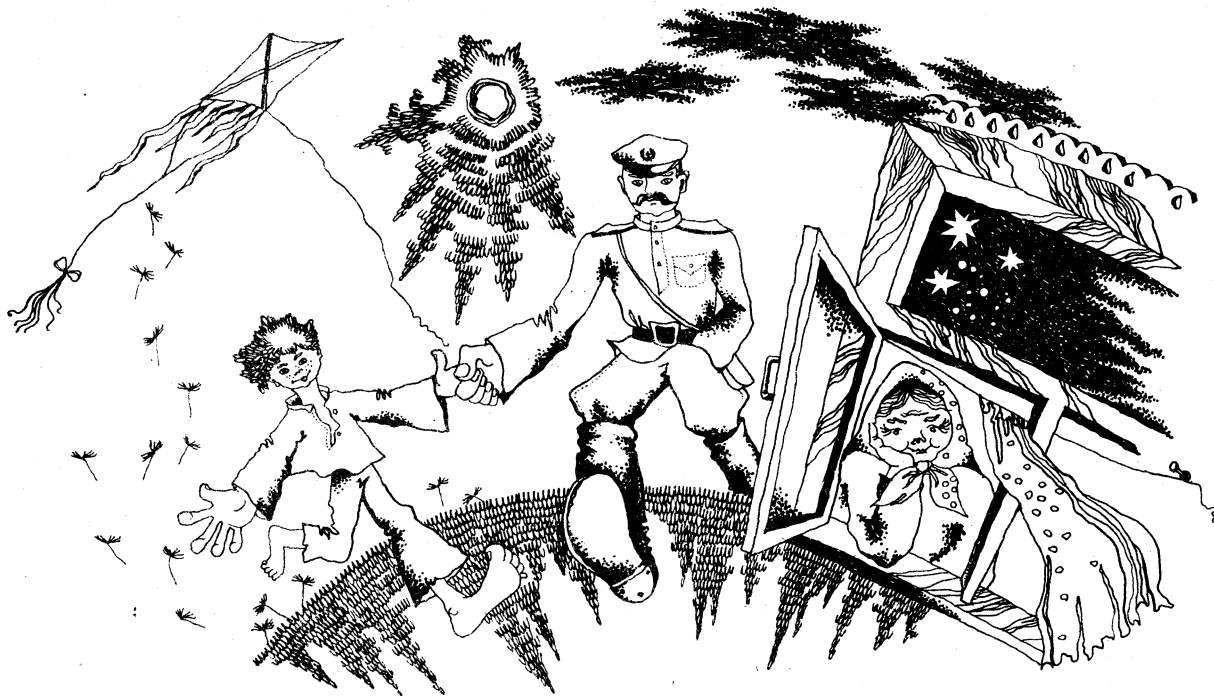
Владимир ШТОЛЬЦ.»

Спешить, Владимир, не нужно. В военные училища принимают только с аттестатом зрелости. Но и от мечты не следует отказываться. Если определиться с нею точно, до выпускного класса она по-настоящему окрепнет. Ближе других к Целинограду расположены Челябинское высшее военное Краснознаменное училище штурманов имени 50-летия ВЛКСМ (252043, г. Челябинск, 15) и Тамбовское высшее военное командное Краснознаменное училище химической защиты (392011, г. Тамбов, 11).

Напомним, что училища есть военнополитические, командные, авиационные, противовоздушные, артиллерийские, военноморские, военноинженерные, зенитные, ракетные, строительные, связи, химической защиты, десантные.

Ждем ваших писем, дорогие друзья!

ПИЩАЛЬ

**Виталий
ПАШИН**

*Рисунок
Р. Атлас*

Когда мне было года четыре, жил я с родителями в маленьком городишке Емецке на берегу Северной Двины. Мы снимали комнату. На кухне у хозяина дома по вечерам вечно толкались какие-то крайне несимпатичные бородатые людишки. От их огромных сапог несло густым запахом рыбьего жира, противнее которого для меня не было ничего на свете. Мужики подолгу пили чай, шепотом вели разговоры о лодках, сетях, бочках и самыми последними словами костерили емецкую милицию.

Спрятавшись на широкой печи, я частенько слушал их беседы и постепенно под влиянием этих разговоров проникся к милиции каким-то очень сложным чувством. С одной стороны, она нравилась мне, поскольку не нравилась бородачам. С другой стороны, уж ежели такие страхолюды ее боялись, то меня и подавно бросало в дрожь, когда я на улице неожиданно встречался с человеком в милицейской форме.

А бабушка использовала мою слабость в своих интересах. Не ложусь спать вовремя — она меня милиционером страшает, отказываюсь от манной каши — в милицию грозитя заявить. Короче говоря, стал для меня милиционер самой страшной фигурой, вроде бабы-яги, только в фуражке с кокардой и с «ливером» на боку, — так бабушка называла револьвер.

И вот однажды, когда я наотрез отказался от кружки парного молока, а бабка уже надела платок, чтобы пойти за милиционером, в дверь нашей комнаты раздался стук и вошел... милиционер. Не буду уточнять, кто из нас больше перепугался, я или бабка. Помню только, что она сна-

чала себя перекрестила, потом меня, потом товарища милиционера. Он вошел, широко улыбнулся и сказал:

— Давайте знакомиться, я ваш новый сосед — Василий Федорович.

И был он совсем не страшный, а наоборот — простой, веселый, славный дядя. Он не только не посадил меня в каталажку, как пророчила бабушка, но даже одобрил мои действия.

— Я, — говорит, — тоже не терпел в детстве этой парной гадости. И вообще, нельзя перекармливать детей. Этим вы, — говорит, — никаких положительных эмоций в ребенке не вызовете, кроме расстройства желудка.

Почувствовав поддержку такой важной персоны, я до того расхрабрился, что попросил дядю Васю посадить в каталажку бабушку. Правда, за такую опрометчивость я получил строгий выговор от нового соседа, но это не помешало нам впоследствии стать лучшими друзьями.

Вскоре отец мой, работавший бухгалтером в леспромхозе, купил у кого-то из местных охотников ружье. Купил, польстившись на исключительную дешевизну товара. Принес ружье домой — довольнехонек. Говорит бабке:

— Теперь, мамаша, с зайчатиной будем каждую неделю.

Стали мы вместе рассматривать покупку. Бабушка сразу что-то неладное заподозрила:

— Уж больно оно какое-то длинное да тяжелое... да проржавевшее насквозь.

— Что же вы хотели, чтобы я за червонец новехонькую двустволку принес?

— А куда патроны закладывать? — поинтересовался я.

Отец тщательно обследовал приклад, заглянул в дуло, пощелкал курком... Ничего не прояснилось.

— Та-ак... — протянул он и послал меня за дядей Васей.

Дядя Вася вошел розовощекий, улыбающийся.

— Ну-ка похвастайтесь покупкой, — начал он с порога. — Ого! Вот те штука на тридцать фунтов... Это что же такое получается? Мушкет или того хлеще — пицаль Малюты Скуратова?

— Также скажете! — обиделся отец. — Я за нее червонец отдал. Вы мне лучше, как специалист, объясните популярно, куда патроны в нее закладывать.

Дядя Вася хохотнул:

— Какие патроны? Она же с дула заряжается при помощи шомпола...

Видя, что теоретические рассуждения не доходят до сознания соседа, дядя Вася предложил опробовать ружье в деле. Мигом принес капсули и банку с порохом, вырезал из голенища валенка пеньк, из удилица соорудил шомпол. Пока отец искал какую-нибудь штуковину под диаметр ствола, чтобы использовать ее вместо пули, наш сосед уже зарядил ружье. И пули не потребовалось, потому что он с таким усердием трамбовал засы-

паный в дуло порох, что намертво засадил в ствол шомпол. Попытался вытащить его клещами, но шомпол обломился у самой кромки дула.

— И прекрасно! — воскликнул дядя Вася. — Вот он и будет у нас вместо пули. По крайней мере, проследим траекторию полета.

Отец молча кивнул головой и после минутного раздумья попросил:

— Только уж вы, Василий Федорович, того... сами пальните.

— Какой может быть разговор?! — с готовностью откликнулся сосед. — Для меня это дело привычное.

Дядя Вася прыгнул с крыльца и бегом направился к бане, подальше от дома. Он на ходу вскинул к плечу приклад и поднял ствол кверху. Я только и увидел, как в полнеба полыхнул сноп пламени. Гром выстрела потряс воздух, где-то звякнуло вылетевшее из рамы стекло, над огородом повисло облако дыма.

Дым не успел рассеяться, как с шумом распахнулась дверца баньки, и через узкий проем, давя друг друга, наружу выбрались трое бородачей. Они плюхнулись на колени и завопили:

— Не губи, ради бога! Все скажем — где сети прячем, кому семгу сбываем...

Дядя Вася в растерянности отпрянул было назад, но тотчас овладел собой и сказал твердым голосом:

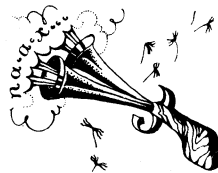
— Вот так-то лучше, господа браконьеры. Будем считать это добровольной явкой с повинной. Айда в дом писать протокол.

...За поимку шайки браконьеров дядю Васю премировали конфискованной у бородачей двустволкой. Он принес ее в нашу комнату, повесил на гвоздь возле двери и коротко заявил:

— Это вам!

Отец замахал руками, но дядя Вася остановил его повелительным жестом:

— Ежели по справедливости, меня бы в шею надо гнать из милиции за то, что под одной крышей со мной творили черные дела нэпманские прихвостни. Но по недоразумению и в первую очередь благодаря вашему историческому ружью я оказался героем, каковым и впредь постараюсь быть на деле. Поскольку же шомпол у вашего ружья так и остался в стволе, а казенник, извините, разорвало начисто, считаю своей обязанностью компенсировать ваши убытки своей премией. И убедительно прошу не отказать мне в этом благородном поступке.

НА ДАЛЬНИХ ДОРОГАХ

**Игорь
МАЛЫШЕВ**

По следу

Уже неделю мы жили в тайге. — Вот бы собачку! — мечтал мой напарник. — Зайцев бы погоняли.

Но собачки не было. Мы выходили из жарко натопленной избушки и добирались до ближайшего оврага. У незамерзающего ключа охотились на рябчиков, потом возвращались обратно.

Однажды утром мы шли обычным маршрутом. Впереди мелькнул пушистый зайчишка. И тут мой приятель не выдержал: он неожиданно скинул полушубок и с задорным лаем бросился за ним следом.

«Ошалел!» — подумал я, но все же сошел на след и стал ждать. Напарник неумоимо неся за зверушкой, будоража тишину залившимся гавканьем.

Спустя немало времени я увидел бегущего на меня зайца. Он мчался по всем правилам — по кругу, как от гончей собаки. А где-то далеко за оврагом слышалось усталое и охрипшее взбредивание моего товарища.

Наконец, он выскочил из чащи, размахивая руками и поднимая вокруг себя снежную пыль. Без шапки, мокрый от пота, он продолжал неистово лаять.

Я хотел было отчитать его за глупую выходку, но внезапно со мной произошло нечто непонятное. Я тоже скинул полушубок, сунул ружье запыхавшемуся приятелю, а сам рванул за исчезающим в перелеске зайчишкой. Уже на бегу я обнаружил, что оглушительно твякаю по-собачьи. Это было настолько

странно, что я залаял еще сильнее...

Ужинали мы без зайчатины, но со зверским аппетитом. Разминка нам явно пошла на пользу.

Геткан

Многим из строителей СМП (строительно-монтажного поезда) «Свердловск» на БАМе запомнился пес по кличке Геткан.

Привел я его в поселок поздней осенью. Знакомство наше произошло на берегу небольшой таежной реки. В это морозное утро я сидел у костра и любовался силуэтами побелевших от первого снега сопков. В предрассветной сизой дымке они заслонили от меня весь остальной мир. Вот тогда из тайги и вышел ярко-рыжий пес, очень похожий расцветкой на лисицу, а размерами и мордой — на волка.

Я продолжал сидеть и подбрасывать в огонь сухие ветки, не обращая на него внимания. Собака обнюхала меня издали, потом подошла ближе. Теперь я рассмотрел, что это совсем молодая лайка, с какими охотятся звенки. Весь день и ночь мы провели вместе. Так началась эта дружба. С охоты возвращался с самым ценным трофеем — охотничьей собакой. Дома Геткан (так я окрестил пса по названию реки, на которой мы встретились) проявил такое дружелюбие к нашей семье, что вопрос — быть или не быть ему ее членом? — вообще не обсуждался. Так он вошел в наш дом.

Игорь Малышев — свердловчанин, родился в 1938 году. Свою трудовую биографию он начал в ранней юности: был токарем, потом освоил много других профессий, однако основным для него стало строительное дело. А у строителей, известно, жизнь кочевая. Довелось Игорю Малышеву побывать, например, в Монгольской Народной Республике. Поработал он и на трассе БАМа, где строительно-монтажный поезд «Свердловск» возводил два поселка...

Человек рабочей закалки, в душе Игорь Малышев и лирик. На своих дальних дорогах он заметил много интересного, рука его потянулась к бумаге. Особые чувства он всегда испытывал к природе, животному миру тех мест, где трудился.

Предлагаемые зарисовки — его первая журнальная публикация.

...Однажды мы были на берегу. На реке стреляли, пес волновался, каждый новый выстрел заставлял его настораживаться. Он бросался на зов выстрелов, но я останавливал его. Когда подошли к реке, он не выдержал, кинулся в камыши и вынес подранка, кряковую утку. Я сунул ее в рюкзак, а он побегал рыскать по берегу. В этот вечер без единого выстрела я пришел с богатой добычей. Секрет моего друга я раскрыл позже. Он, как прежде, не любил воду, а уток добывал собственным изобретенным способом. Бежал на выстрел, ждал, когда другая собака вытащит дичь на берег, отбирал ее, приносил мне и шел промышлять снова.

Много радости и огорчений приносил этот пес, но преданности его, как друга, не было границ. Мы уезжали домой в Свердловск и решили оставить его в родной стихии, в тайге, среди охотников. Когда начали грузиться в машину, чтобы ехать на станцию, Геткан грустно сидел на крыльце дома, из глаз его катились слезы. Я не выдержал, открыл дверь кабины. Он с визгом кинулся в открытую дверь.

Впереди был город с неизвестными ему законами и обычаями. Он не знал этого, но он был с нами и был счастлив.

Филька

Было это в монгольских степях. Мы работали на строительстве поселка. Ранним утром нам принесли маленький носатый пушистый комочек с могучими лапами какой-то хищной птицы. Жена моя — человек доброй души — не могла оставить беспризорника. Мы усиленно принялись откармливать беспомощное создание. Прошло две недели, птенец стал превращаться в ночного хозяина птичьего мира — филина.

Когда мы приходили с работы, он с веселым писком бежал к двери и, широко расставив лапки, округлив и без того круглые глазенки, терся, как кот, о наши ноги. Особенно любил Филька спать в кровати: укладывал голову на подушку и, откинув крыло, тихонько попискивая, засыпал. Если я приходил и ложился отдыхать после ночной смены, он непременно забирался на кровать, обнимал меня крылом и, пощелкав клювом у моего подбородка, засыпал рядом. Любимой игрушкой его была половая тряпка. Он прыгал вокруг нее, словно старичок, переваливаясь и горбясь, бегал по комнате, зажав тряпку в клюве. Но со шваброй у него были свои счеты: словно вспомнив, что он ни кто иной, как грозный хищник, распушив перья и увеличив себя тем вдвое, шипел,

щелкал клювом и бросался на своего врага. Гнев свой смирял только после того, как швабру убрали из комнаты.

Друзья наши по-разному относились к филину. Одни его очень любили, приносили лакомства, вплоть до живых мышей, другие откровенно не выражали ему никакого почтения.

Каково же было наше удивление, когда он стал давать оценку этим отношениям. Его ближайшим другом стал мой коллега и товарищ Николай. Когда он появлялся в доме, филиночек прыгал, как ребенок, шипел, прятался под кровать, выскакивал и, подпрыгивая, бегал по комнате, а когда мы садились пить чай, он устраивался где-то рядом и не сводил с Николая своих громадных, опущенных загнутыми большими ресницами, глаз. Но стоило появиться кому-либо, кто не уделял ему должного почтения, он обиженно щелкал клювом и отправлялся под кровать, всем своим видом показывая, что не имеет с товарищем ничего общего.

Наступала осень; уже огромной ночью птицей с двухметровым размахом крыльев стал наш малыш. Теперь игры стали редкими и принесли нам меньше радости; стоило его оставить одного, как из дисциплинированного ребенка он превращался в отчаянного озорника. Схватив скатерть со стола, он носился по комнате, сметая все на своем пути. С кроватью он справлялся в одно мгновение. Матрац был на полу, одеяло на столе, а подушка оказывалась под кроватью, — на ней он и устраивался спать в ожидании нашего прихода. Чужих он знал хорошо и не доверял им. Стоило зайти к нам постороннему человеку, он взлетал на шкаф или двери и, словно чучело, замирал, пока не убеждался, что на него никто не обращает внимания.

Вспоминается такой случай. Раз пришел к нам товарищ и сел в кресло посреди комнаты и стал рассматривать Фильку, приняв за чучело. «Удачный макет ты соорудил», — заметил он, поднялся, чтобы рассмотреть чучело ближе. Это крайне не понравилось Фильке, и он взлетел. Товарищ в ужасе прыгнул на кресло, потом, сшибая мебель, выбежал за дверь, заявив, что такой шутки он мне никогда не простит. А Филька просто решил перелететь со шкафа на дверь и раскрыл свои могучие, во всю комнату, крылья.

Время близилось к нашему возвращению домой, и мы все больше беспокоились за дальнейшую судьбу филина.

Когда днем мы стали выносить его гулять, его дневные конкуренты — орлы — появлялись во множестве, кружились над нашими головами с явным желанием напасть на

Фильку. Мы были вынуждены отказаться от таких прогулок и стали выносить его только вечером.

Природная реакция Фильки на шорохи вселила в нас надежду, что мы научим его охотиться.

Но все оказалось гораздо сложнее.

Мы бросали камушки, а он как котенок догонял их, играл и перекачивал. На мышей на воле вообще не обращал внимания, видимо, считал, что съедобны они только в комнате, а это его основная пища в природе.

Стоило нам отправиться домой, как он с писком цыпленка, переваливаясь с ноги на ногу, бросался за нами вдогонку.

Но постепенно он привык и стал не очень охотно возвращаться домой.

В глазах его появился хищный и какой-то дикий блеск, загорались желтые искорки. Мы решили чаще выносить его в степь.

Брали с супругой метровую палку в руки, он гордо восседал на ней, и таким образом мы выходили из поселка. Но вот Филька полетел. Как тень, метнулся в лунном свете, взмыл в высоту. Мы, никогда не видевшие его в длительном полете, стояли пораженные и обрадованные таким неожиданным умением парить в воздухе.

Решили — пришло время расставания.

Через несколько дней мы на машине выехали далеко в степь. Оставили в траве несколько кусков мяса, посадили Фильку около пищи. Возникло такое ощущение, что Филька все лопял. Он как-то по-человечески больно стиснул лапой протянутую руку, ласково пощипал клювом, настороженно поднял ушки и игриво попрыгал по траве. Мы сели в машину и отехали. Филька взлетел, сделал большой круг и исчез в ночи.

Много дней спустя нам пришлось охотиться в этих местах. И вдруг в свете фар машины мелькнули глаза Фильки. Он взлетел, пролетел несколько раз над машиной и взмыл к луне. Он уже был властелином ночи — хищная, ночная птица.

Энергетический гигант

На берегу Камского водохранилища пошел в рост еще один гигант уральской энергетики. Это — Пермская ГРЭС. Ее сооружение предусмотрено решениями XXVI съезда КПСС. Новая тепловая электростанция — ее мощность достигнет 4,8 миллиона киловатт — спроектирована инженерами Свердловска с участием специалистов Москвы, Ленинграда, Киева. Она будет потреблять по 2 тысячи тонн угля в час. Высота котлов составит более ста метров, а трубы поднимутся выше туч — на 330 метров. Особые электрофильтры позволят улавливать из дыма 98,5 процента золы, то есть станция будет пылить на окрестности меньше, чем предусматривают строгие нормы. Не понесет больших потерь и

река Кама — вода, которая потребуется для станции, будет оборачиваться в ее системе многократно. При станции намечено создать крупное рыбоводческое хозяйство с питомником форели.

В городке строителей и энергетиков близ станции уже открыты школа, два детских комбината. Юные жители поселка получают в свое распоряжение также спортивный комплекс, пионерский лагерь. Многие из них после школы, техникумов и вузов встанут на рабочие места и к постам управления энергогигантом. Первые энергоблоки станции начнут действовать в текущей пятилетке.

В. АЛЕКСАНДРОВ

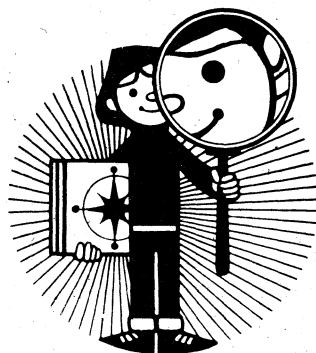
Мамонты на Северной Земле

Как известно, острова Северной Земли стали в истории мировой науки «последней точкой в эпохе географических открытий». Этот огромный архипелаг был обнаружен русской экспедицией всего лишь семь десятков лет назад, точнее — в 1913-м. Лишь полвека назад на архипелаге высадились четверо советских исследователей. В неимоверно трудных условиях они изучили острова, описали, нанесли на карты, дали им названия.

По-прежнему необжитая, Северная Земля является теперь одним из главных опытных полигонов отечественной науки и дарит нам новые открытия. На вершине горы Вавилова (остров Октябрьской революции) действует сейчас единственный в Арктике гляциологический стационар, сотрудники которого наблюдают и изучают процессы современного оледенения. Сквозь толщу ледников (сейчас Северную Землю покрывают двадцать крупных ледниковых щитов толщиной до тысячи метров и сотни мелких ледников почти всех известных на планете форм и типов) пробурены скважины. И что же? В ледяных кернах, добытых с глубин буровыми инструментами, исследователи обнаружили космические частицы, микроорганизмы, «законсервированную» тысячелетия назад цветочную пыльцу. По этим находкам смело делается такой вывод: полторы-две тысячи лет назад арктический архипелаг был покрыт пышной луговой растительностью, его острова вполне могли служить заповедными угодьями для охотников за мамонтами, — ведь на Северной Земле обнаружены не только остатки давно исчезнувшей флоры, но и кости вымерших гигантов. Все — под толстыми слоями нынешнего льда.

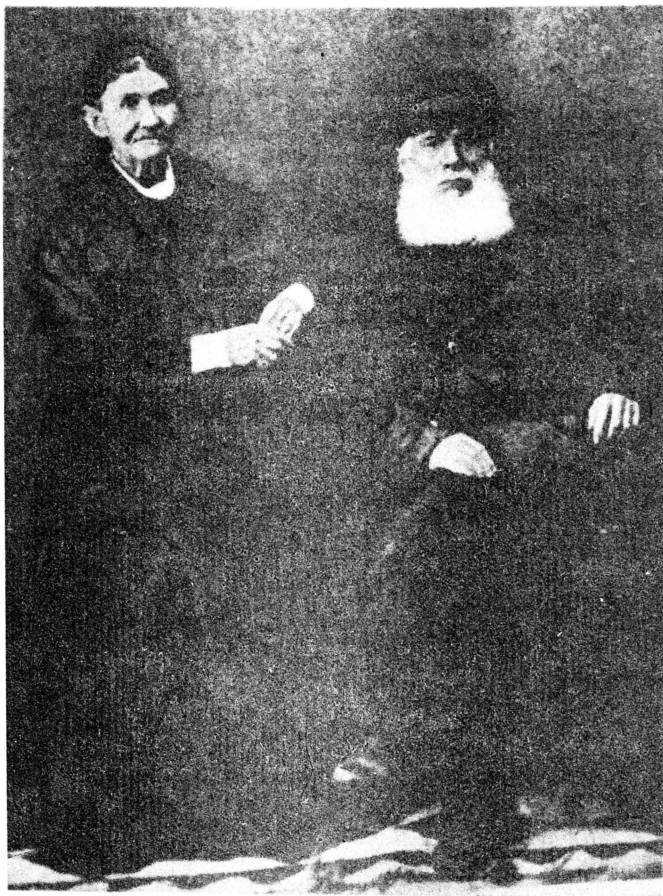
Изучение ледников планеты позволяет не только реконструировать климат минувших эпох, но и с высокой точностью разрабатывать долгосрочные прогнозы погоды.

В. ДАНИЛИН

М И Р

на лагони

Доктор-долгожитель

Эту старинную фотографию хранят в семейном архиве свердловские родственники изображенного на снимке земского врача Павла Никанорова. Кажется, судьба этого человека может заинтересовать многих людей...

Павел Никаноров был долгожителем. Уже будучи столетним он продолжал лечить в башкирском городе Стерлитамаке больных — и как терапевт, и как хирург. Медицинское образование он получил в Петербурге в двадцатые годы прошлого века и ему пророчили карьеру ученого, но Павел Никаноров попросил, чтобы его послали работать туда, где была острая нехватка медиков. Его направили в неведомую Башкирию, которую он навсегда полюбил. Здесь он проработал более семидесяти лет, прожив на свете сто три года. И у жены трудолюбивого доктора-долгожителя была большая жизнь. Она умерла, когда ей было уже за девяноста.

Судьба доктора Никанорова лишний раз подтверждает вывод статистики, что не только Кавказ, но и многие другие районы страны богаты долгожителями. Много их и на Урале, в частности, в Башкирии. Природа повсюду как бы говорит человеку: если хочешь быть долгожителем, будь им!

Ю. ТАРСКИЙ

Пушка Архимеда

Общеизвестно, что Архимед, погибший во время осады Сиракуз, перед падением города причинил немало хлопот римлянам. В течение двух лет сконструированные им хитроумные боевые машины помогали отражать все атаки противника.

Боевыми машинами Архимеда заинтересовался критский инженер Иоанас Сакас. Он изучил труды античных авторов, ему удалось выяснить, что орудие состояло из деревянной трубы, из которой силой пара выталкивалось сорокакилограммовое ядро, поражавшее врага на расстоянии до шести стадий (тысяча сто метров). Сакас построил из тутового дерева уменьшенную модель архимедова орудия. Снарядом служил наполненный цементом теннисный мячик.

После демонстрации модели журналистам Сакас выкрикнул свое «Эврика!» В ходе эксперимента трехсотграммовый мяч был вытолкнут паром, полученным всего из пяти граммов воды; он улетел на сорок метров. Доктор Сакас доказал, что за полтора тысячелетия до орудий, стрелявших с помощью пороха, существовала и пушка, действовавшая силой пара.

Г. ЛЕОНИДОВ

Выгодный обмен

«Меняем воду на нефть» — таков лозунг компании, созданной в Японии для продажи питьевой воды нефтедобывающим странам района Персидского залива. Оттуда танкеры компании будут возвращаться с грузом топлива, которое Япония вынуждена почти полностью ввозить из-за рубежа.

Владельцы фирмы, принадлежащие к мощной торгово-промышленной группе «Мицуи», заявили, что они собираются продавать воду примерно по 28 центов за тонну, в то время как ее

себестоимость в Кувейте, Саудовской Аравии или Катаре достигает 2,5 доллара. Танки судов компании будут наполняться из рек небольшого острова Яку, расположенного на самом юге Японского архипелага.

Занявшись новым для себя делом, предприимчивые дельцы собираются одним ударом убить двух зайцев — окупить балластный пробег танкеров, в которые вода раньше заливалась только для балласта, и компенсировать издержки, связанные с ростом цен.

Д. ЯКОВЛЕВ

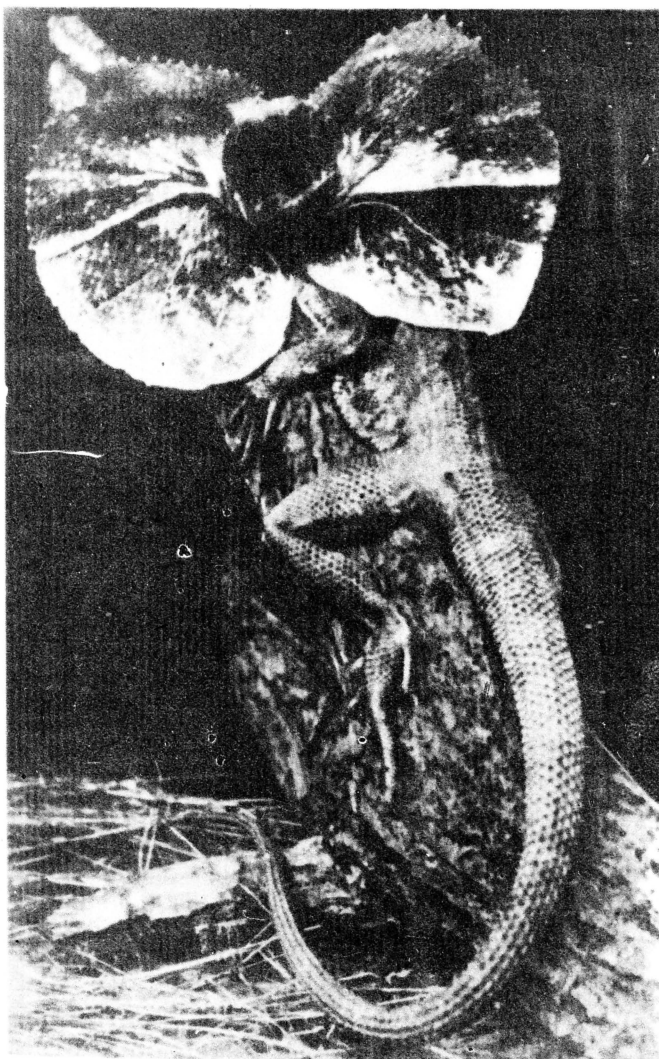

Самый северный

Именем эскимоса Обдака, который сопровождал в качестве проводника американского путешественника Роберта Пири, назван самый северный в мире остров, открытый только летом 1978 года. Островок этот, находящийся в 703 километрах от полюса, простирается всего на 30 метров в длину.

Н. АНТОШЕЧКИН

Летающая ящерица

Этот любопытный снимок доставлен с островов Малайского архипелага. От неожиданной встречи с человеком, вооруженным фотоаппаратом, небольшая безобидная ящерица распустила своеобразный веер, напоминающий парашют. С помощью его ящерица может перепархивать с дерева на дерево. Во время полета длинный хвост служит рулем.

На снимке: летающая ящерица.

Битва лягушек

На одной из каучуковых плантаций в Малайзии произошло довольно редкое явление — ожесточенное сражение между лягушками, в котором воевали тысячи земноводных. Шесть дней продолжалось сражение, и после него на

поле битвы остались многие сотни погибших лягушек.

Сражения эти — не что иное, как массовые брачные игры. Происходят они в столь свирепой форме в годы, когда появляется значительное преобладание особей одного пола.

Анкеты на животе

Обычай наносить татуировку и сегодня имеет важное значение в жизни многих суданских племен. В племени наманг, например, один раз в четыре года, начиная с младенческого возраста, выкалывают на животе длинные и замысловатые штрихи. По их числу в дальнейшем можно определить возраст человека и его социальное положение, одновременно эти «заметки» содержат информацию о месте рождения, семейном положении, сообщают, каким промыслом занимается их обладатель — рыболовством, охотой, скотоводством...

Песчаные города

Мир знает множество увлечений: кто собирает марки, кто выпиливает лобзиком или вышивает гладью. Но бывают и более редкие хобби. Например, есть любители создавать сооружения из песка. Речь идет не о малышах, резвящихся в песке на пляжах, а о вполне взрослых дядях. Особенно много их в Калифорнии (США).

На пляже в Дель-Маро регулярно проводится выставка. С помощью бульдозеров нагромождают большие кучи песка, поливают

его водой, и начинается строительство замков, старинных дворцов, соборов, целых городов. Обычно в качестве образца берут какое-то реально существующее здание или комплекс зданий. Так, недавно на этом вернисаже была показана уменьшенная копия крепости на острове Сен-Мишель.

Пройдет день-два, и солнце и ветер высушат песчаные постройки и развеют их. На память остаются только фотографии...

С неба... на сковородку

В районе Баринго, к северо-западу от Найроби, и во многих других местах Кении некоторое время назад выпало такое количество дождей, что реки вышли из берегов. Местные жители сразу даже не обратили внимания на то, что вместе с дождем с неба начала падать... рыба. Множе-

ство живых рыб билось на дорогах, на крышах домов. Необычное явление природы было вызвано прошедшим смерчем близ озера Багория. Смерч поднял вместе с массой воды в воздух и огромное количество рыбы.

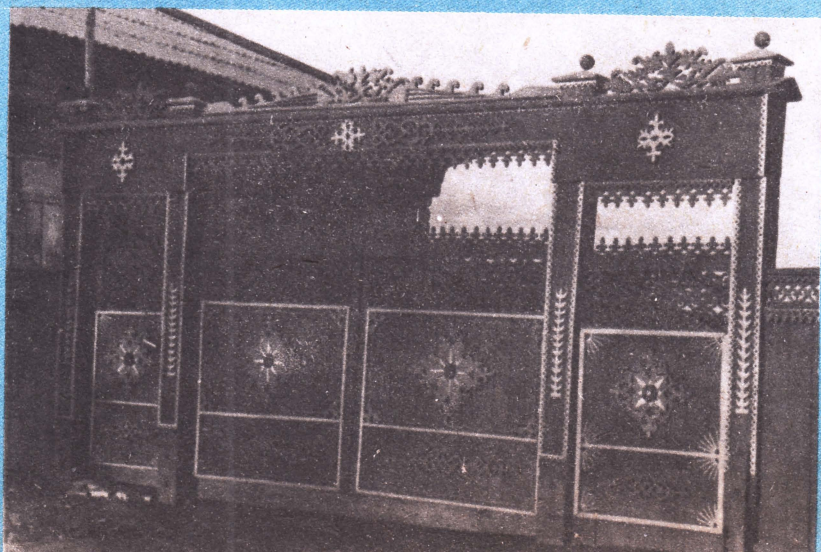
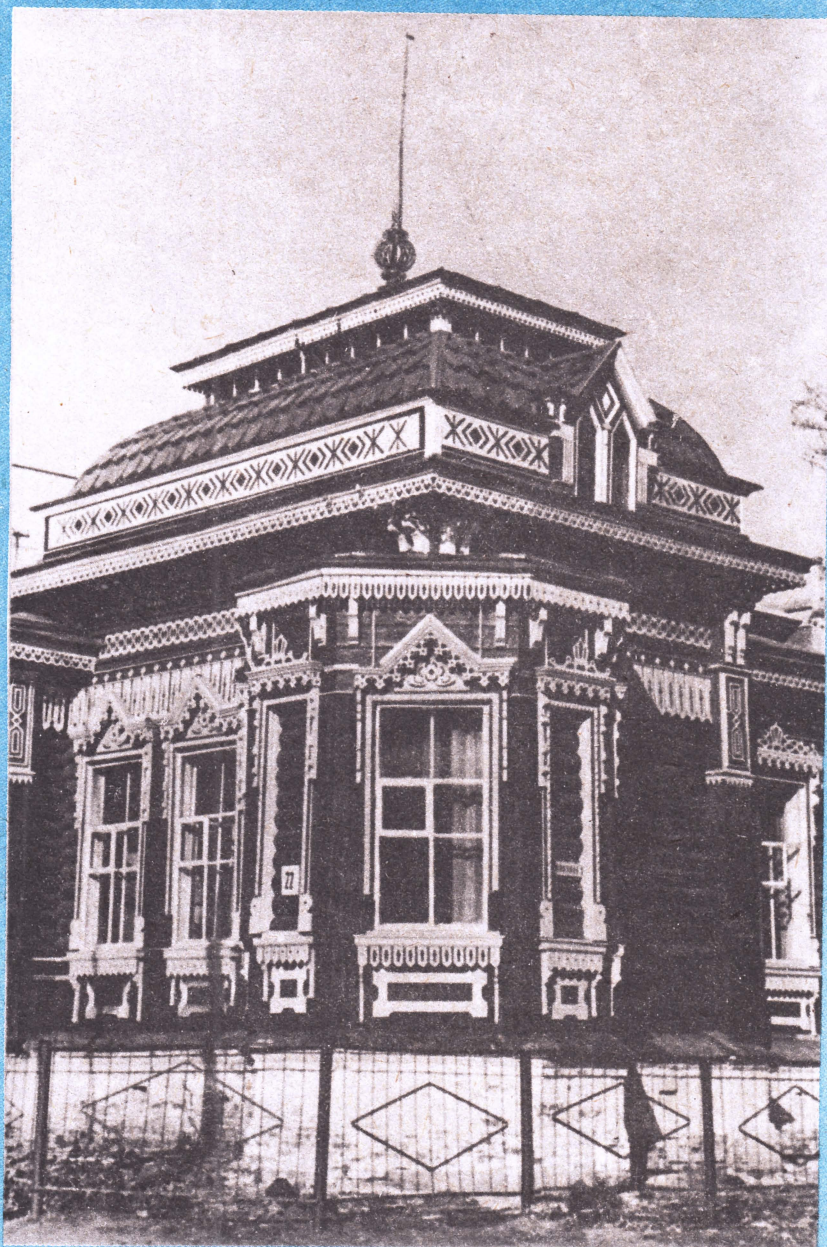
КРУЖЕВА... ИЗ-ПОД ТОПОРА

Издавна в Зауралье люди украшают свои дома деревянными кружевами. Каких только не встретишь в селах и городах Курганской области карнизов, наличников, крылечек, ворот! Вот как выглядит, к примеру, один из старинных домов в Кургане, где теперь размещается детская школа искусств.

Будто сказочный теремок дом в селе Терсюкском Шатровского района. В нем живет семья колхозника М. Питателева. Дом — разноцветный, с резными наличниками и фигурными дымниками — истинная усадьба для глаза.

Славится красивыми воротами деревня Камышное Притобольского района. А лучше всех ворот те, что сработаны Иваном Степановичем Павловым, бывшим колхозным бухгалтером, который украсил резными наличниками также и окна колхозной конторы. Узоры умелец придумывает сам, радуясь им и радуя людей...

А. РЫЖКОВ
Фото автора

Река Чусовая. Камень Столбы.

Самые яркие места в среднем течении реки Чусовой начинаются после впадения в нее звонкой речушки Кашки. От шумного, опаснейшего своими порогами — ташами — и пенистыми водоворотами Кашкинского переката вереницей выстроились береговые камни-утесы. Что ни боец-богатырь, то один краше другого. Памятники природы — камни Омутной, Дыроватый, Олений, Собачий, Синий, Писанный и, наконец, Столбы поднялись вехами вдоль синей ленты реки, километр за километром отмечая ее путь к старшей сестре — многоводной Каме.

На обочине голубой дороги, в 180 километрах от Куровской турбазы, поднялись бойцы-братья. Это Столбы — отдельные высокие скалы, будто прекрасные витязи «чредой из вод выходят ясных»...

Крутыми распадами к подножию белокаменных из-

вестняковых колонн спускаются густые лесные заросли. Наверху глухая чаща скрывает сырые, обдающие ледяной прохладой карстовые воронки. В них скатывается дождевая вода и ускользает во мрак. Нетрудно проследить ее путь. Исчезая под землю, ручеек выныривает к реке между Столбами-близнецами.

Столбы — камни особенные. Они встали пограничным маяком, показывая путь из Свердловской в Пермскую область. Напротив них длинной косою река аккуратно уложила чудесный галечный пляж, а сверху, над кручами скульптурных красавцев, плывут белоснежные облака-лебеди.

Надолго запомнятся Столбы, ведь свидание с ними — это встреча с прекрасным.

Текст и фото В. Ветлугина